

Макс Гришин

империя  
господина  
Коровкина



16+

Макс Гришин

**Империя господина Коровкина**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

## **Гришин М.**

Империя господина Коровкина / М. Гришин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Александр, уже не молодой, но богатый человек, который почти всё свое время проживает в Барселоне. Яхты, элитная недвижимость в разных частях мира и молодая жена. В его жизни есть всё, о чем обычный человек может только мечтать. Но Александр человек не обычный. У него есть страсть, о которой знают немногие. Эта страсть — охота на самое опасное животное на земле. Именно она тянет его один раз в году из своего теплого гнезда на дикий остров в Карелии. Но на любой охоте есть свой охотник и своя жертва. И пока охота не окончена, никто с уверенностью не сможет сказать, кто из них кто. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Часть 1	5
Вступление.	5
1.	12
2.	15
3.	22
4.	26
5.	31
6.	36
7.	45
8.	50
9.	64
10.	71
11.	75
12.	80
13.	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

## Часть 1

### Вступление.

Память никогда не была его сильной стороной, но до самого последнего своего дня он хорошо помнил три события из далекого детства, которые оказали огромное влияние на всю его последовавшую жизнь: как первый раз пробовал курить; как подрался с парнем, который был старше его на несколько лет; и как однажды, не послушав наказа родителей, вышел гулять на тонкий лед залива.

– Дерьмо это всё! – его дед был из крестьян и высокие манеры не были самой сильной стороной его личности. Крепкий и черствый, как оставшийся с выходных в местном сельпо хлеб, он производил впечатление какой-то покрывки, которую выкинули и подожгли, но которая почему-то не догорела. Он сидел на ступеньках крыльца и медленно покручивал в своих желтых пальцах самокрутку из табака, с краю которой, на потрепанной газете, виднелась написанная большими буквами часть заголовка: «члены ЦК КПСС...» Его глаза, красные и влажные от пробитых табачным дымом слез, прищурившись смотрели в лицо внука. – Курение не делает людей взрослыми, запомни это, курение просто превращает их в больных, плачущих и пердящих от своего кашля мудаков! – он выпустил из волосатых ноздрей две струи серого дыма, – и если тебе нужен хороший пример, – здесь он смачно сплюнул в сторону, откашлялся, потом снова засунул толстый конец этой колхозной сигары себе в губы, втянул в себя одним вдохом почти по самые «члены» и выпустил дым из ноздрей в пол, – просто посмотри на меня!

– Курить это круто, Сань! На тебя начинают смотреть как на взрослого, сечёшь тему?! – через несколько дней, в кустах за школой, говорил его дружбан Федя. Он был старше его почти на год и уже обладал тем важнейшим умением, которое поднимало его в глазах сверстников чуть ли не до уровня самого вождя пролетариата, а именно тырить сигареты у пьяного батьки. Правда батька, протрезвев, нередко замечал это, особенно когда сигареты начинали пропадать уже не штуками, а целыми пачками. Тогда Федя приходил к друзьям с синяком на пол физиономии и неохотно говорил, что, мол, сигарет сегодня не будет. На вопросы же друзей о том, как же так и что именно случилось, он всегда злился и предлагал продемонстрировать что произошло на собственной «харе» любопытствующего. Но со временем синяк проходил, батя снова уходил в свой «заплыв» и Федя опять выходил во двор с физиономией, на которой светился уже не синяк, а торжество победы.

– На! – Федя протянул Александру раскуренную сигарету, с одного конца которой тянулась в воздух тонкая струйка дыма, а с другого свисала прозрачная слюна. Александр вытер второй конец о рукав своей куртки и осторожно, стараясь не уронить и не поломать столь ценную и доставшуюся Феде таким трудом вещь, засунул ее в губы.

– Ну-у! Вдыхай давай!

Александр наполнил рот дымом и через несколько минут выпустил его струей перед собой.

– Дурак!!! Ты не в рот, а в себя набирай и через ноздри потом. Дай! Ты только в расход пускаешь... смотри! – он с силой выхватил из рук Александра сигарету и тут же пристроил ее к своим губам. Через мгновение его ноздри расширились и из них, как у дракона из какой-то народной сказки, только что без пламени, вылетели две мощные струи дыма.

– О-о-о! Ну нифига! – Колян, третий парень, который сидел тогда с ними в кустах от ликования взвизгнул как маленькая собачонка, которая после долгой разлуки, наконец-то увидела хозяина. – Дай мне! Дай мне! Ну пожа-а-а-луйста!!!

Федя молча протянул сигарету Коляну, дым продолжал медленно выходить у него из ноздрей. Колян с диким рвением попытался повторить то, что сделал их старший товарищ, но такого изящного дымоиспускания у него не получилось, он закашлялся и вместе с дымом из носа вылезла большая сопля, которая через мгновение приземлилась ему на ботинок.

– Дай! – Федя потянулся за сигаретой, но Колян сделал еще одну затяжку, после которой кашлянул так сильно, что выронил сигарету на мокрую после дождя землю. Федя ничего не сказал ему на это. Вместо слов он лишь вlepил ему увесистую оплеуху, которую Коля стоически вытерпел, ибо и сам чувствовал, что виноват. Федя же поднял сигарету и сделал новую затяжку. В этот раз дым не выходил у него из ноздрей, а вышел тонким, хоть и не очень симметричным кольцом из сложенных в букву «О» губ. Ликованию Коли не было уже предела. Он даже вскочил и захлопал в ладоши. Но Федя посмотрел на него как на полнейшего идиота. Да, в тот момент он чувствовал себя богом.

– Держи! – минуту спустя Федя протянул уже остатки сигареты Александру. – Только аккуратнее! Это последняя. Понял?

– Да... понял... – как-то неуверенно проговорил Александр и сразу принял сигарету в руку. Он осторожно вставил ее в рот, потом подождал несколько секунд, как перед чем-то ответственным, вроде чтения стихотворения у доски и, наконец, сделал вдох, в этот раз сделал правильно, легкими, как учил его опытный друг. Поначалу всё было хорошо: дым вошел в него и на несколько секунд остался там, вызывая какое-то приятное щекотливое ощущение где-то внутри. Казалось, всё шло так, как и учил его Федя. Еще немного, еще пара каких-то мгновений и он будет торжественно принят в клуб тех парней, которые не только матерились, но даже и курили, что было уже ваще как круто! Но дед его оказался прав, и судьба приготовила ему сильный удар ниже пояса. Неожиданно для него самого случилось то, чего он так боялся. Дым не вышел из легких с такой же легкостью, с какой вошел. Резкий кашель, вместе со слюнями и дымом, вылетел из его груди и что самое страшное, одновременно с ним тишину пронзил громкий треск неожиданно прорывшегося наружу пердежа. Сигарета выскочила из губ и, пролетев метр с небольшим, опустилась прямо в центр лужи. Коля вскрикнул и на лице его отпечатался дикий ужас. Федя же, наоборот, отреагировал на произошедшее совершенно спокойно. Он не начал орать, не бросился на него с кулаками, не полез за намокшей и распухшей сигаретой в воду, он лишь неспешно приподнялся с корточек, отошел слегка в сторону и поманил Александра пальцем к себе:

– Теперь иди сюда, придурок!

В тот день, вернувшись домой в крайне подавленном состоянии и с синяком под глазом, Александр понял для себя одну важную вещь – не стоит жрать дерьмо, даже если кто-то считает это крутым.

С пьяным парнем, который был старше, Александр подрался уже несколько лет спустя, на даче. Никто не знал его имени, но все знали его кличку – Поляк. Он был из местных, сыном какого-то рабочего на местном лесхозе. Никто не знал, почему Поляка звали именно Поляком. Кто-то говорил, потому, что фамилия его была Поляковский или Поличев, другие говорили, что он был родом откуда-то оттуда, кто-то потому, что жил она на Полянской улице; но несмотря на все эти разногласия, все сходились в одном – он был наимерзейшей тварью, равной которой сложно было найти не только во всей области, но и даже на всей территории некогда великой Речи Посполитой. Александр искренне не понимал, что сделал он тогда Поляку, может посмотрел не так, может сказал что-то не то, а может просто так, ибо он – Поляк, а все остальные – дерьмо, но однажды Поляк, преградив ему у станции дорогу, пообещал «навалить» ему в воскресенье после клуба, потому, что «я буду пьяным, блин, и будет тебе очень хреново».

Эти слова Александр запомнил тогда очень хорошо. Дрожь при вспоминании их чувствовалась в его конечностях до самого того рокового воскресенья. Тогда он решил, что в вос-

кресенье он не будет показываться рядом с клубом, а уедет куда-нибудь подальше кататься на велике. Так он и сделал. Он уехал после обеда из дома и всю вторую половину дня сидел у карьера, запекая картошку в медленно тлевшим перед ним костре. Когда же стало смеркаться и на небе появились первые августовские звезды, он прыгнул на велик и медленно покатил домой. Было уже поздно и по его представлениям у клуба уже должно было всё закончиться. Вот он въехал в поселок, быстро пронесся мимо клуба, у которого действительно никого уже не было, доехал до железнодорожной станции, повернул к переезду через пути и тут, откуда ни возьмись, с красной как помидор даже под светом желтых фонарей физиономией, с расстегнутой настежь ширинкой, из которой вылезали пожелтевшие трусы, качаясь в угаре алкогольного опьянения, перед ним появилась неизвестно откуда фигура Поляка. Александр было рванулся назад, в конце концов он мог перебраться через железнодорожные пути и дальше, через автомобильный мост, но тяжелая рука Поляка опустилась ему на плечо и с силой сдавила его.

– Ну чё, блин?! – изрыгнул он, и запах водки, смешанный с солеными огурцами, затмил на несколько секунд даже запах пропитанных креозотом шпал. Александру стало страшно. Он помнил бабушку, которая говорила ему никогда не иметь дело с пьяными. «Пьяные, – говорила она, – это нелюди, они ничего не чувствуют и ничего не боятся. Держись от них подальше». И эта боязнь всех пьяных, переросшая в нем в какую-то алкофобию на базе представления о том, что алкоголь дает необычайные силы, сродни силам чуть ли не самих русских богатырей, была впечатана в детское сознание надолго, до того самого вечера воскресного дня, когда Поляк выполз перед ним откуда-то с расстегнутой ширинкой.

– Отпусти! – крикнул ему Александр и попытался вырваться.

– А-а-а, блин! – проговорил Поляк, его маленькие свинные глазки стали еще меньше, и хоть Александр не мог поймать на себе его взгляд, он понимал, что все-таки попадает в поле его зрения.

– Отпусти тебе говорят! – крикнул он ему еще раз. В этот раз он попытался вырваться с силой, но Поляк для надежности схватил его за грудь второй рукой.

– О-о-о, блин! – снова зашевелились его пьяные губы. Видимо пораженный алкогольной интоксикацией мозг мог рождать в нем лишь односложные фразы, которые не имели никакой особой смысловой нагрузки. Но в этот раз это было нечто большее, чем просто слова. Вторая рука Поляка вдруг отпустила его грудь, размахнулась и как-то слабо заехала ему в плечо (хотя Александр был уверен в том, что целил он с силой и именно в лицо). Но тут случилось что-то совершенно неожиданное. Александр с силой рванулся из этой мертвой хватки Поляка и ему, наконец, удалось это сделать. Поляк снова попытался поймать его, но Александр, сам не ожидая этого от себя, не бросился на утек, как хотел еще каких-то несколько секунд назад, а со всей силы зарядил ему кулаком в левую бровь.

– А-а-й, блин! – вскрикнул Поляк и пошатнулся. Этот удар, усиленный повышенным содержанием алкоголя в крови, выбил его на несколько минут из равновесия. Где-то пол минуты он стоял перед ним согнувшись, смотря на свои грязные ботинки, и пытался прийти в себя. – Ты чё, блин, а? – наконец, он выпрямился и снова потянул свои руки к Александру. Но новый удар, такой же сильный, уже в самый нос, повалил его на землю.

Сердце Александра сильно билось в груди. В любой момент он ждал перевоплощения этой твари в какого-то злобного мифического бога; ждал, что алкоголь вдруг поднимет его силы, что он вмиг вскочит на ноги, выпирающие мышцы вдруг разорвут заплатанную рубашку и штаны, что его желтые трусы натянутся на этом здоровенном торсе как барабан или вовсе порвутся и Поляк, с его маленькими свинными глазками, с его запахом огурцов и водки вдруг предстанет перед ним как обнаженный Геракл, отлучившийся на несколько минут с пира для того, чтобы сдержать данное обещание и навалить этому городскому у станции.

Такая сцена продолжалась несколько минут. Поляк, отхаркиваясь кровью и отрывивая, продолжал ползать перед ним прямо в грязи. Он, видимо, хотел встать, но ничего не получа-

лось. Но вдруг Александр услышал какой-то новый звук, поднимавшийся будто откуда-то из самых недр его обидчика. Александр отшагнул назад. На мгновение ему показалось, что пророчества бабушки начинали сбываться. Что что-то нечеловеческое и даже неземное начало прорываться изнутри наружу. Тот самый Геракл, о котором он думал до этого. Еще один шаг назад. Сжатый крепко кулак перед собой. Бежать или остаться? – пронеслась мысль у него в голове... но... мысль эта осталась лишь мыслью. Звук вдруг усилился, стал сначала ниже, потом тоньше и вдруг, неожиданно прорвался наружу целым потоком алкогольно-огуречной рвоты.

– Ну и где ты так долго был, а? Бесстыдник! – бабушка встретила его у ворот с крапивой в руке и несильно, а так, больше для виду, шлепнула его несколько раз по ногам. – Там пьяные вон орут, а ты тут шатаешься до поздней ночи, а?!

– Прости, бабуль! – бросил он ей, и легкая улыбка выступили на его всё еще бледном лице. Уж он-то знал, что это за пьяный орал и почему.

– Ах, он еще и улыбается мне тут! Ах, он бесстыдник! – бабушка выкинула крапиву и всплеснула руками. – А ну в дом быстро мыться и спать! Лыбится он еще тут... ах, бесстыжая ты рожа. Ах, отхожу тебя щас по голой заднице крапивой!

Но Александр улыбался не бабушке, не ее ворчанию и причитаниям. Перед глазами его был образ заблеванного с окровавленной физиономией Поляка, которого он держал своей рукой и который смотрел на него снизу вверх уже совершенно другими глазами и совсем не тем взглядом Геракла, которого боялся он всю неделю. То был уже взгляд страха, взгляд, будто говоривший ему: «отпусти меня, блин, а»?

В ту ночь, почесывая под одеялом покрывшуюся волдырями от крапивы ногу, слушая храп деда и писк комаров над головой, всё еще чувствуя нервное напряжение в своих конечностях, он понял для себя одну важную вещь – в глубине даже самого сильного Геракла, если хорошо копнуть, можно найти смотрящего на тебя испуганным взглядом избитого и заблеванного полячишку. Точно такой же взгляд поймал он на себе много лет спустя в одной из припортовых кафешек, когда жирное тело Пахана, хрюкнув и застонав, повалилось на пол, испуская из-под себя целый поток мочи и крови. Только в этот раз уже не было страха, не было нервного напряжения, был лишь холодный расчет, злоба и жмуций до холостой отсечки спусковой крючок палец. Тот урок у станции усвоил он тогда хорошо.

Но событие, которое Александр помнил лучше всего, и воспоминание о котором пускало мурашки по его коже даже пол века спустя, не было связано ни с курением, ни с алкоголем.

Пара уроков в школе, какая-то математика или физика. Но он не подготовил домашку и вместо школы, спрятав рюкзак с учебниками за мусоропровод, пошел гулять к заливу. Это был уже конец марта или даже начало апреля и родители запретили ему выходить на лед. Да он и не собирался, что он – больной?! Но когда он доехал на автобусе до парка, прошелся по уже таявшей дорожке до залива и увидел черневшие точки рыбаков по всему горизонту, он понял, что этому соблазну противостоять он уже не сможет.

– Эй парень! – крикнул ему кто-то их рыбаков, лишь только он спустился с берега на лед. – Шел бы ты домой, детям тут делать нечего!

Александр отмахнулся от него рукой и проговорил что-то вроде того, что ничего страшного и что он сам за себя отвечает. Рыбак хотел возразить что-то на это его возражение, но в этот момент у него начало клевать и вдруг мир остальной провалился для него в небытие. Когда же он насадил нового мотыля на крючок, плюнул на него по старой традиции, засунул его в лунку и снова вернулся к реальности вещей его окружавших, он попытался найти глазами ушедшего уже куда-то далеко парня и на мгновение ему показалось, что он видел его невысокую фигуру где-то уже в отдалении, но слабый удар в руку, явный сигнал того, что подошел

окунь, снова утащил его в подводное царство того священного для всех рыбаков состояния, имя которому «клюет!»

С маршрутом пути Александр определился сразу. Где-то вдалеке, у линии фарватера, был небольшой остров, на котором стоял маяк и росли деревья. Он видел его и до этого, и каждый раз его посещало желание увидеть, что же там было на этом острове. И вот желание его начало воплощаться в реальность. Но это была уже весна и над головой светило яркое теплое солнце. Лед предательски хрустел под ногами. Но он же не трус! Вокруг себя, то дальше, то ближе, он видел сидевших на своих ящиках рыбаков, каждый из которых, уткнувшись в свою лунку, будто говорил ему одним своим присутствием «смотри на меня, парень, и не вздумай ссать!» Некоторые рыбаки, когда он приближался к ним слишком близко, ворчали; один из них даже отчетливо сказал что-то вроде «шел бы ты отсюда на х...» Александр было хотел и ему ответить что-то вроде того, что, мол, не беспокойтесь, что ничего страшного и что он сам за себя отвечает и тому подобное, но в этот момент рыбак добавил что-то, что делало его аргумент уже не уместным: «Ходит тут только и рыбу пугает!»

Остров этот оказался гораздо дальше чем казалось ему в самом начале пути, и он подошел к нему только часа через два. Рыбаков здесь уже практически не было и те немногие, которые попадались на его пути, с каким-то удивлением и уже ничего не говоря бросали на него свои косые взгляды.

Здесь, уже на подходе к острову, лед стал трещать сильнее и где-то слева, в направлении Кронштадта, метрах в двадцати от себя, увидел он уже большую проталину, по которой пробегали зыбью мелкие волны. Движение здесь становилось опасным, и он взял слегка правее. Но и здесь было не так всё хорошо, так как лед вдруг затрещал под ногами с такой силой, что он даже остановился и сделал несколько шагов назад. В голове пронеслась одна мысль. Ведь он почти дошел до этого острова – там не было ничего, кроме маяка и деревьев. Может все-таки вернуться? Но нет! Он дал себе обещание дойти до острова и это было уже делом принципа. Он снова шагнул вперед. Один шаг, за ним второй. Лед сильнее захрустел под ногами. Он остановился, он ждал, он прислушивался, он наблюдал. Лед держал. Еще один шаг, за ним второй. Хруст стал громче, шаги его быстрее, до острова оставалось каких-то метров пятьдесят и ему подумалось (ошибочное мнение с его стороны, как понял он уже потом), что двигаться надо быстро, не давая льду времени растрескаться под ногами. Через несколько секунд он бежал уже со всех ног. Лед трещал и проваливался под ногами, один его ботинок уже попал в воду, и он чувствовал влагу на шерстеном носке, оставалось совсем немного, совсем чуть-чуть, он мог даже разглядеть уже следы по линии берега острова, но вдруг льдина под нажимом его ноги предательски треснула пополам и в мгновение ока тело его ушло под воду.

Он видел всё и всё понимал – серые рукавицы, гребущие воду перед собой; яркие лучи солнца, которые пробивались откуда-то сверху. Он сделал несколько гребков и с силой рванулся из воды наружу, но голова его ударилась во что-то большое и крепкое. Это был лед. Он был над ним. Александр рванулся назад, голова снова ударилась во что-то крепкое. Снова лед! В паническом отчаянии и уже совершенно не контролируя себя, он что-то прокричал и этот крик пузырями воздуха поднялся вверх, упираясь в полупрозрачную ледяную крышку над головой. Он рванулся влево, потом вправо, но куда бы он ни рвался, ледяная крышка была повсюду. Воздуха в легких уже не хватало, он чувствовал, как что-то начало пульсировать в голове, как в глазах начало темнеть. Последняя попытка выбраться наверх, последний удар головой в ледяную крышку. Последний треск льда, который резонировал в воде. Вот и всё, вот так вот, толком не начавшись, закончится его жизнь, и вскоре бултыхавшееся еще несколько секунд назад в воде живое тело станет неподвижным и медленно поплывет вниз, к камням и илу. Он хлебнул воды и тут понял, что это конец. Но через мгновение что-то с силой схватило его за колотившуюся в воду ногу и потащило куда-то в сторону. Он перестал биться. Не было воздуха и не было сил. И вдруг – солнце! Холодный ветер, который облизал его мокрое лицо.

Первый большой вдох, он был больше похож на крик, но не наружу, а внутрь. Чьи-то сильные руки потащили его на себя и вскоре он снова оказался на твердой поверхности. Руки отпустили его и он обессиленно рухнул вниз, на холодный лед. Дыхание с тяжелым хрипом и брызгами воды вырывалось из груди. Он чувствовал влагу и холод во всем теле, ну, почти во всем. Почти потому что там, внизу, одной ногой он почувствовал влагу теплую. Обоссался! В его возрасте это было уже, конечно, стыдно. Но какое ему было тогда до этого дело?!

– Да, парень, дурак ты, конечно, отчаянный! – вскоре услышал он рядом с собой чей-то голос. Он оторвал щеку ото льда и увидел рядом какого-то мужика, на вид лед двадцати пяти-тридцати. Он так же лежал на льду, только на спине, а не на животе, и смотрел куда-то вверх, на голубое безоблачное небо. Александр приложил усилие и тоже перевернулся на спину. С минуту оба лежали молча, оба тяжело дышали и смотрели на то, как плыл по небу, оставляя за собой большую светлую полосу, самолет.

– Спасибо...

– За что?

– Спасли.

– Меня не благодари, – проговорил мужик и лежа, не вставая, полез куда-то в карман своего тулупа.

– А кого? – спросил его не сразу Александр.

– Его! – ответил мужик так же после долгой паузы и кивнул куда-то в сторону самолета. Разговор между ними вообще не отличался ни скоростью, ни смысловой нагрузкой, а скорее был какими-то обрывками мыслей, которые каждый из них выпускал из себя, предварительно хорошо и долго взвесив.

– Самолет? – не поворачивая к нему лица проговорил Александр. На улице было достаточно тепло, градусов уже шесть или восемь и под лучами солнца от его одежды начал выходить тонкими струйками пар.

Мужик не ответил ему. Приподняв слегка голову, он поднес что-то к губам и здесь Александр увидел, что это была небольшая металлическая фляга. Он сделал пару глотков и протянул флягу Александру.

– Не, мне нельзя.

– По здоровью что ли?

– Родители не разрешают.

– А по льду тебе родители разрешают ходить?

– Нет.

– Тогда бери! Пару глотков, а то заболешь.

Аргумент показался Александру достаточно убедительным и он, взяв флягу своей бледной мокрой рукой, поднес горлышко к губам и сделал глоток. Это была водка. Сильно зажгло горло, он закашлялся и приподнялся. Водка тихо поползла вниз по горлу, и он чувствовал, как жгла она и одновременно согревала его организм. Он сделал еще один глоток, потом еще. И, наконец отрыгнув, вернул флягу обратно мужику. Тот взял ее, точно так же сделал несколько глотков и снова засунул ее в карман своего тулупа. Затем он приподнялся и подал руку Александру.

– Спасибо! – как-то неловко пожимая плечами и почему-то уже стесняясь смотреть в лицо своему спасителю, повторил Александр, – утонул бы, если бы не вы...

– Тебя как зовут?

– С-саня, – от холода его зубы уже слабо стучали.

– Меня Володя, – здесь он медленно приподнялся и подал руку Александру. – Слушай, Саня, иди-ка ты быстрее домой! Да осторожней только, под ноги смотри, тут как на минном поле – один неверный шаг и ты останешься здесь навсегда.

– Д-д-да! Я пошел! – Александр поднялся на ноги, стряхнул с себя прилипший снег и лед, и медленно пошел в обратную сторону. Но сделав несколько шагов, он вдруг остановился и повернулся к Володе. – Я бы... дал что-нибудь, но у меня ничего нет, – проговорил он как-то нерешительно и будто даже виновато.

Володя улыбнулся наивности парня. Он снова достал флягу, допил ее содержимое и тут же убрал ее в нагрудный карман тулупа.

– Мне от тебя ничего не нужно, но может когда-нибудь потом ты точно так же окажешься рядом с тем, кому очень понадобится помощь. Помоги, не проходи мимо. Ведь добро, Саня, как и зло, всегда к человеку возвращается.

– Хорошо! – он махнул на прощанье Володе рукой и снова пошел в сторону берега. Лед предательски трещал под ногами. Но он был уже умнее. Он обходил опасные места стороной, он останавливался, он прислушивался, он возвращался назад, один опасный участок он даже прополз на четвереньках, распределяя равномерно давление на лед и, наконец, сумел добраться до берега целым и относительно невредимым.

Он не заболел ни в тот день, ни на следующий. Но отец его, человек чуткий в этих делах, так как сам в свое время имел немало проблем из-за этой страшной болезни, увидев внешний вид сына и учуяв запах водки, достал из шкафа старый военный ремень, который дал ему, уходя в свой последний бой его фронтовой друг Макар, и несколько раз прошелся им по заднице юного Христофора Колумба. Александр не плакал и не просил прощений. Как в процедурном кабинете он терпеливо стоял посреди комнаты с опущенными до колен штанами и лишь желваки ходили на его лице после каждого удара старого вояки. В тот день в нем умерло что-то по-детски наивное и родилось что-то взрослое. В тот день он понял, что этот мир полон опасностей, но одновременно и кучи интересных вещей, совокупность которых и представляла собой ту взрослую жизнь, в которую ему так сильно хотелось окунуться. В тот день, стоя с опущенными портками посреди комнаты, всё еще чувствуя легкое головокружение не то от гулявшего по заднице «Макара», не то от водки, он понял одну важную вещь – не стоит идти дальше, если лед под ногами уже начал ломаться.

Эти слова Володи услышал он много лет спустя, когда он, с измазанным кровью лицом, выполз к каменистому берегу северной части острова. «Добро, Саня, как и зло, всегда к человеку возвращается». Как жаль, что этот урок усвоил он тогда хуже всего.

## 1.

Прошло много лет и детство его осталось далеко позади. Прожил ли он счастливую жизнь и был ли счастлив спустя все эти годы? Пожалуй, что прожил, и, пожалуй, что был. Даже в свои шестьдесят с лишним он чувствовал себя так, как будто ему было каких-то тридцать. Его мужественное, всегда чуть загорелое лицо, с отбеленными как январский снег зубами, его всегда идеально обточенные и обработанные ногти, копна густых темных волос, которые он начал подкрашивать лишь несколько лет назад, его подтянутый плоский живот, который он, подходя иногда к зеркалу, не без усилий, конечно, и не без задержки дыхания, подработав контрастностью до того состояния, когда появлялись кубики, в очередной раз отправлял с комментарием в виде гантели и руки с напряженным бицепсом в Инстаграмм. Конечно, он не выглядел на тридцать. Да и на сорок, признаться, тоже не выглядел. Его взгляд, его поза, выражение лица выдавали в нем господина все-таки не самых юных лет. Но что поделать, он не мог обратить время вспять, да и мальчиком, при всем его статусе, смотреться ему тоже не очень-то и хотелось.

Несмотря на его возраст, его здоровью и форме могли позавидовать многие. На это он тратил немалую часть своего времени. Раз в неделю он совершал поездку на велосипеде, которую иногда заменял на пробежку по улицам и паркам утренней Барселоны, раз в два дня посещал зал, где жал на грудь шестьдесят килограммов (немного, конечно, но у него и не было планов на губернаторство в Калифорнии) и не переставал удивлять этих «мажоров» своей способностью подтягиваться. Сходу он мог сделать пятнадцать раз. За один заход! В теории, он мог бы и больше. Но как оказалось – только в теории. Однажды (к счастью, в зале в это время почти никого не было) он попытался проверить предел своего организма и шел уже на восемнадцатое подтягивание, не совсем, конечно, уже чистое, дрыгая при этом ногами, как пойманная за шею курица, крича, морщась, силясь изо всей силы дотянуть свой подправленный пластическим хирургом подбородок к планке. Она была уже вот-вот совсем рядом, совсем чуть-чуть, последний рывок, последнее усилие и опять он, Санек, Саня, Санчоус (как называл он иногда самого себя) ломает все стереотипы, лишится оков, вырвется за пределы условностей этого мира, прорвет границы чего-то там, как говорилось в брошюре одного из элитных залов, которая попала ему на глаза совсем недавно, но... увы... прорыв хоть и произошел, но совершенно не в том месте, где он его ожидал. «Э-э, полегче, батя», – проговорил ему вдруг организм диким гудением в животе на восемнадцатом разу, и как бы в подтверждение своих слов, он вдруг выкинул перед ним такую штуку, после которого он в спешном порядке, бочком, слегка нагнувшись и придерживая свои уже испорченные тренировочные штаны Bosco, был вынужден ретироваться в уборную, озираясь по сторонам и радуясь только одному – в столь ранний час в зале был лишь он и пара каких-то незнакомых ему залетных дрищей.

После того дня он не пытался уже ничего порвать и снова продолжил удивлять местных как дед, который делает пятнадцать, при этом он уже внимательнее прислушивался к своему организму, который иногда уже с тринадцатого раза начинал слегка стравливать газ в системе.

– Ну что ж, Саня, – философски говорил он себе, направляясь в тот день на своем Porsche Panamera в сторону дома, – возраст уже не тот, вот раньше бы...

Но это его «раньше бы» было не более чем оборотом речи в разговоре с самим собой. Раньше он, хоть и занимался боксом и борьбой, никогда не уделял здоровью столько внимания, сколько сейчас. Времена были такие, что здоровый образ жизни далеко на гарантировал тебе долголетие. Раньше он редко ходил в зал, курил как кочегар (курить он стал уже в конце восьмидесятых, ибо по-другому было уже нельзя), пил как черт, и в диете его не было соевого

молока и капусты брокколи (он даже не знал, что это такое) до тех пор, пока ему не перевалило за сорок пять лет и перед ним не открылся совершенно иной мир.

«Ты становишься фитоняшкой» – смеясь, сказала ему как-то Кати, когда он, вернувшись с зала или пробежки, скромно положил себе в тарелку куриную грудку. В это время оба его пацана уминали за щеки жирные, обжаренные на открытом огне их служанкой, мексиканкой Эстелой, креветки. Что ж, обмен веществ молодых организмов это позволял, он же должен был уже о себе думать. «Ты же не хочешь быть замужем за старым уродом, – парировал он ей, отправляя себе в рот очередной кусочек какой-то невкусной, но полезной дряни, запивая это глотком дорогого сухого вина, – ради тебя я готов жертвовать собой».

Впрочем, никакой жертвы с его стороны здесь не было. Временами, уже без Кати, в компании своей большой семьи, особенно в России, он мог позволить себе и что-то посерьезней сухого вина и грудки с брокколи, но он никогда не позволял празднику затянуться долго, оканчивая все свои забавы в безопасное для здоровья и физической формы время. Однако считать его аскетом было бы неправильно. Себя он любил и любил сильно, но в нем это был гедонизм уже куда более высокого порядка.

Барселона. Ему нравилось жить именно здесь. Из всех городов, в которых он когда-либо был, а был он много где, он любил этот город больше всего. В ней не было столичной толкотни Мадрида, с его толпами туристов на узеньких улочках, миллиардами негров, снующих вокруг и пытающихся толкнуть тебе кучу какого-то не нужного тебе дешевого дерьма, не было здесь и шума Нью-Йорка с его сиренами полицейских машин и бесконечным количеством уличных попрошаек, не было здесь питерского холода, и жары Майами, не было московских пробок и вымерших вечерних улиц всегда дождливой Скандинавии. Здесь было тепло, но не жарко; тихо, но не безлюдно; красиво, но не помпезно. Он любил этот город в любое время года. Любил ходить по его улицам, любил ездить на велосипеде по его пригородам, любил носиться на водном мотоцикле вдоль прибрежной линии. Ему нравилось жить именно так. Он любил звук вылетающей пробки дорогого шампанского на фоне балеарского заката и его журчание в бокалах, смешанное с шумом волн и криком морских птиц. Любил видеть, как отражалось голубое небо в ее глазах, как аромат духов, всегда изящно подобранный ей самой (естественно, на его средства), смешиваясь с морским запахом, касался его ноздрей и пьянил его сильнее любого самого крепкого напитка. Он любил вести Инстаграмм, отправляя туда фотографии своего обнаженного по пояс торса, еды, своего дома, города и, конечно, ее; он любил провоцировать зависть к себе, и то что многие считали его русским олигархом, способным купить чуть ли не половину Испании (хотя это было очень большее преувеличение) доставляло ему какое-то особое удовольствие, которому он не прочь был иной раз и подыграть. В конце концов, что тут такого? Пускай смотрят, пускай завидуют.

Конечно, бывали в его жизни и неприятные моменты, и даже комические. Несколько месяцев назад он взял за правило перед публикацией комментариев к фотографиям на иностранных языках показывать их Кати для проверки. Причиной тому был один неприятный инцидент, который произошел когда он, описывая свои необычайные вкусовые ощущения, вызванные таявшим во рту нежнейшим запеченным кроликом, которого попробовали они в одном из австрийских ресторанов, ошибочно написал на испанском вместо *conejo en la boca* (кролик во рту) *caja en la boca* (половой член во рту), чем вызвал всплеск комментариев даже у самых молчаливых своих подписчиков. И это нововведение, вопреки его изначальным опасениям, в конечном итоге пошло ему только на пользу. С того момента как Кати стала вести Инстаграмм за них двоих, «его» комментарии стали длиннее, поэтичнее, и даже слегка, как он однажды сказал ей, впрочем, сказал в шутку, «пидерастичнее». Но это его не смущало. Особенно после кролика. Ведь это было модно. Ведь времена менялись, менялись и нравы, а он был человеком прогрессивных мыслей, и через пару месяцев такого аутсорсинга, количество подписчиков на его страницу почти удвоилось.

Их жизнь казалась идеальной многим, даже тем, кто знал их лично. Материальное благополучие, яркое солнце и воплощенная в жизнь мечта. Конечно попадались и те, кто говорил, что это всё ширма, за которого прячется грязь, дерьмо и ложь. Но это было не так. Да, были и темные полосы, но смотря в общем и целом, реальность их очень сильно была похожа на то, что хотели они показать всему миру. Они не относились к большой когорте тех морально-ущербных созданий, ненавидящих друг друга и весь остальной мир, но расплывающихся в широкой улыбке лишь только на них нацеливался объектив фотокамеры или очередного купленного в кредит Айфона. Они были натуральными. Такими, как есть на самом деле, такими, какими и должны были быть все те, кто никогда не должен был уже беспокоиться о чем-то таком, что никогда не хотел делать. По крайней мере, так считал он. Впрочем, наверное, и она.

Ее звали Кати, и он любил ее страстно. Любил за красоту, за обаяние, за ум. За то, что она, войдя в его жизнь так поздно, сумела так быстро поменять ее к лучшему. Но любила ли она его? По крайней мере ему она говорила «да!» Испытывала ли в действительности те чувства, которые шептала ему нежно на ухо, лежа обнаженной рядом и опираясь на его волосатую грудь своей тоненькой ручкой? Та тень, которая иногда проносилась в его сознании, когда он украдкой смотрел на ее личико, такое молодое, такое гладкое и нежное, личико, будто созданное для наслаждения куда более высшего, чем он мог ей дать. Да. Наверное... Но при всей той разнице в годах, а эта разница была больше чем в тридцать лет, не возникали ли у нее чувства по отношению к тем загорелым накачанным парням, альфонсам с бронзовой мускулатурой, которые прогуливались по пляжу, мило улыбаясь и слабо повиливая своими накачанными в зале или медицинском кабинете ягодицами. Парням, которые готовы были предложить свои услуги любовника любой или любому, кто открыл бы для них свой кошелек. Она говорила что нет, что всё это ее не интересовало, что в жизни она встречала и таких, но что мужчина для нее это нечто большее, чем красивая оболочка, за которой прячется слабое создание, и что он, Александр, ее муж, ее единственный любимый человек во всем этом мире, как раз и есть воплощение того, каким настоящий мужчина должен быть: сильный, умный, опытный и, конечно же, успешный.

Он хотел верить ее словам, он им даже верил, и снова на несколько дней в жизни его наступала светлая полоса, не затмеваемая больше мрачными сомнениями. Но вот они снова гуляли по пляжу или сидели в ресторане, и снова он ловил на ней взгляд кого-то из этих «мажористых гомосеков», и легкий румянец на ее лице, как ответная реакция, которую он так до конца и не мог разгадать, погружал его опять в то задумчивое состояние, которое оканчивало очередной безоблачный цикл его ранимого в этом вопросе сознания.

## 2.

Был теплый ясный вечер второй половины мая. Машина повернула с оживленного шоссе на тихую улочку Carrer de la Immaculada и въехала на внутренний двор одного из домов. Это был большой двор (el patio grandissimo <sup>1</sup>, как назывался он в рекламном проспекте) с уложенной по всему периметру прямоугольной мраморной плиткой, посреди которой располагались большие клумбы с подобранными по цветовым тонам благоухающими цветами. Автомобиль проехал по вымощенной искусственным камнем дорожке, миновал клумбы, проехал небольшую беседку с находившейся за ней зоной для барбекю и остановился под обвитым декоративным виноградом навесом.

– ¡ Buenas tardes, señor Alex! ¿Cómo está? <sup>2</sup> – у машины сразу оказался Тьяхо, муж домработницы Эстелы, который занимался тем, что поддерживал двор и бассейн в относительной чистоте и порядке. Его любимым занятием было помогать хозяину таскать сумки и вещи из машины, за что сеньор Алекс, как называл он его, имел свойство щедро благодарить своего «истинного поклонника и друга». Но сегодня сеньор Алекс не попросил его ни о чем, он даже не ответил ему на его приветствие, сегодня сеньор Алекс лишь слабо кивнул ему головой и отвернулся, давая всем своим видом понять, что не нуждается сегодня в его помощи и не имеет желания начинать с ним какой-либо разговор. Александр и раньше держал между собой и Тьяхо порядочную дистанцию, считая его существом странным и даже слегка придурковатым, но до этого он все-таки снисходил до того, чтобы обменяться с ним парой каких-то дежурных фраз про жизнь, про погоду и про здоровье. Тьяхо (чье полное имя было Тьяхо Хосэмария Фернандес де Милагро и кто имел особую слабость к текиле и русской водке) почтительно перемаялся с ноги на ногу, глупо улыбнулся своей беззубой улыбкой и поспешил удалиться с глаз долой.

– ¿Problemas con la señora? <sup>3</sup> – спросила его, лишь только он вошел в дом, наблюдавшая за ними из окна кухни Эстела.

– Y me importa una mierda <sup>4</sup>, – огрызнулся ей расстроенный отсутствием легкой наживы Тьяхо.

– Esto sucede cuando se case con una niña <sup>5</sup>, – заключила Эстела и снова в руках ее загремела посуда.

Эстела верно подметила, что Александр был не в духе, но в причине такого его настроения в этот раз она оказалась не права. За день до этого действительно произошел один инцидент, который слегка выбил Александра из его душевного равновесия. Вечером предыдущего дня они решили сходить с Кати в ресторан. Обычный вечер обычного воскресного дня, который закончился не совсем обычно. Рядом с ними, через два столика, сидели два парня, оба молодые и веселые, «пидорки», как сразу подметил про себя Александр, но он ошибся, всё оказалось гораздо хуже, и Александр понял это, когда один из них, брюнет с зализанными волосами и с видом Казановы, заметив Кати, начал бросать сначала украдкой, а потом уже и безо всякого стеснения на нее такие взгляды, что казалось, что парень ел ложкой не томатный суп, или что у него там было в тарелке, а разбавленный водой конский возбудитель.

– Мне кажется или этот парень на меня пялится? – спросила тихо Кати у Александра.

---

<sup>1</sup> Огромные внутренний двор (исп.)

<sup>2</sup> Добрый день, сеньор Алекс. Как поживаете? (исп.)

<sup>3</sup> Проблемы с сеньорой? (исп.)

<sup>4</sup> Да мне вообще на это насрать (исп.)

<sup>5</sup> Такое случается, когда женишься на ребенке (исп.)

– Хочешь я убью его? – ответил он ей с шуткой и повернулся, в открытую уже смотря на этого ходячего тестостерона, который рассматривал его жену таким взглядом, как будто она сидела не в вечернем летнем платье, а полностью обнаженной. Тяжелый взгляд Александра, видимо, оказал какое-то воздействие на парня, он опустил глаза вниз, в стол, и что-то сказал своему другу. Александр посчитал инцидент исчерпанным и снова повернулся к Кати, но по взгляду той понял, что это было не совсем так.

– ¿Disculpe, puedo sentarme un ratito? <sup>6</sup>– услышал он через мгновение слащавый молодой голосок уже совсем рядом с собой. Он повернулся и увидел, что Казанова стоял рядом. Он окинул его взглядом с ног до головы, но прежде чем он успел отправить его куда подальше (и в этот раз он не спутал бы уже хер с кроликом), парень опустился на свободный стул и со взглядом, в котором не было уже и доли смущения, обратился к Кати:

– ¿Señorita, permite preguntarle su nombre? <sup>7</sup>

– Me llamo Kate <sup>8</sup>, – ответила она на английский манер.

– ¿Que quieres? <sup>9</sup>– оборвал начавшийся диалог Александр.

– Señor, su hija me parece una mujer bellisima y me gusta... <sup>10</sup> – начал он, но договорить уже не смог, так как вырывавшееся «ч-ë-ë-ë-ë?» Александра громогласно прокатилось по соседним столам, заставив все разговоры вдруг прекратиться в диком ожидании какой-то необычной для столь элитного ресторана развязки.

– No es mi hija <sup>11</sup>, баран, б...я! – с гневом бросил ему Александр. Когда он злился, он забывал иностранные слова, но (и здесь надо отдать должное ему врожденному таланту доносить всё до всех предельно ясно), заменял их русскими так хорошо, что даже самый дремучий в этом плане иностранец всегда понимал основной посыл сказанного в свой адрес, – ¡es mi mujer! <sup>12</sup>– тут Александр добавил острое словцо, видимо для убедительности, но тут же понял, что по ошибке ляпнул про кролика. В итоге он разозлился еще больше и просто послал неудавшегося бойфренда своей «дочери» по-русски на три буквы, а потом, почти сразу следом и на все пять. Парень, слегка ошеломленный такой реакцией, и, возможно, посчитав это шуткой, продолжал сидеть на стуле. Его взгляд бегал с Александра на Кати, с Кати на Александра.

– А вот это ты не хочешь трахнуть? – Александр спокойно поднялся со стула, тяжелый Смит и Вессон 500 оказался в его правой руке. Он прислонил холодное дуло ко лбу неудавшегося любовника и с громким щелчком взвел курок. Парень задрожал как мелкая шавка, выброшенная зимой на улицу, капельки пота ползли по блестящему стволу, попадали в щели компенсатора. Парень попытался отодвинуться назад, но револьвер следовал за каждым сантиметром его движения. Парень пытался что-то сказать; его речь, сбивчивая, заикающаяся, оторванная от реальности, посыпалась изо рта как голубиное дерьмо на машину, которую водитель по тупости своей или невнимательности поставил под балкон любящей птичек бабки.

– Хотел легкого секса, да? – Александр нагнулся к нему. Эта нежная кожа маленького мальчика, этот аромат модной туалетной водички и пот, эти уже влажные от слез и пота щечки. Его ужас и трепет вызвали в нем эрекцию без всяких таблеток.

– ¡No, señor! No, no, по-о-о! <sup>13</sup>

Последняя «о-о-о» этого мелкого упыренка выдалась слишком длинной, пистолет залез ему по самые гланды, по самый барабан, эти железные яйца его верного друга, наполненные

<sup>6</sup> Извините, можно сесть на минуточку? (исп.)

<sup>7</sup> Сеньорита, разрешите узнать ваше имя? (исп.)

<sup>8</sup> Меня зовут Кейт (исп.)

<sup>9</sup> Чего ты хочешь? (исп.)

<sup>10</sup> Сеньор, ваша дочь кажется мне очень красивой, и я бы хотел... (исп.)

<sup>11</sup> Она не дочь мне (исп.)

<sup>12</sup> Она моя жена! (исп.)

<sup>13</sup> Нет, сеньор. Нет, нет, не-е-ет! (исп.)

семенами 44 калибра. Сверху, с того места, где стоял Александр, этот парень был похож на дешевую проститутку, которая хотела не напрягаясь срубить баблишка, но которой здоровенный черный парень, что-то вроде Шакил О'Нила, на первом же любовном randevу засандалил по самые гланды свой броневой снаряд. Он хрипел, он бился, он сморкался и большая прозрачная слюна, похожая на материал генетического содержания, потекла изо рта или носа на пистолет, с него на стол и на пол. Александр положил палец на спусковой крючок, привычная упругость металла под пальцем пустила мурашки по его коже, весь мир вокруг него в тот миг будто остановился, он снова чувствовал себя богом, господином, в этот момент здесь и сейчас он, а никто-то другой, мог решать кому жить, а кому умирать. Он был тем, кто мог нажать на курок... И он нажал. Грохот вырвавшихся пороховых газов, брызги крови и прочего дерьма, которым была набита башка этого несчастного ловеласа. Часть черепа, подлетев вверх и сделав какое-то сальто мортале в воздухе, опустилось с громким «шмяк!» кому-то в тарелку. Сеньоры и сеньориты, не хотите попробовать нашего нового блюда от русского шеф-повара? Кто-то вскрикнул, кто-то завизжал, кто-то побежал куда-то прочь. Тело, бездушное и дергающееся лишь безжизненными судорогами, медленно сползло вниз по стулу и опустилось в сок собственной крови и мочи, причем мочи, как оказалось, было в этом молодом организме куда больше, чем крови. Что ж, такие нынче времена! Александр протер пистолет о лежавшую на столе хлопковую салфетку от всей этой дряни и плавно опустился на стул рядом. Его рука медленно опустилась на нежную руку Кати. Проблема решена. *He acabado con el problema*<sup>14</sup>. Решена так, как хотел того он, но тихое «*siento señor, no lo sabia*<sup>15</sup>» и тихие шаги прочь снова опустили Александра на место, окончив вмиг полет его фантазии, и снова он видел этот томный взгляд, бросаемый украдкой этим кроликом на его жену с того соседнего стола.

Это лицо молоденького мальчика запомнилось ему почему-то хорошо. Он помнил его еще утром следующего дня, когда выходил на улицу для своей очередной пробежки. Молодой, красивый, дерзкий. Идеальная мишень для старого и больного на всю голову извращенца вроде него. И этот легкий румянец на лице Кати. Что-то неприятно кольнуло его изнутри при этом воспоминании. Эти глаза, полные страсти и грязи, которыми пожирал он ее лицо, ее грудь, ее тонкие изящные руки. Его прядь волос на таком чистеньком и еще почти совсем детском личике. И снова мечты о том, что сделал бы он с ним, попадись он ему где-нибудь подальше от этого ресторана, где-нибудь там, на холодном русском острове.

Он пробежал пять километров, потом семь, потом увеличил до десяти. Почти рекорд и всё еще оставался запас. Он хотел бегать и бегать. Энергии, которой зарядил его этот парень, хватило бы в нем даже на Бостонский марафон, но уведомление о прилетевшем СМС в кармане нового спортивного костюма, в этот раз от Джорджио Армани, заставило его все-таки остановиться.

– Что это? – лицо его прошло через целый ряд метаморфоз и, наконец, замерло в состоянии крайнего удивления. Он подошел к стоявшей рядом скамейке и опустился. Глаза не отрывались от экрана, но в выражении его лица уже появилось что-то другое. Наконец он убрал телефон обратно в карман, приподнялся и двинулся в сторону дома. В этот раз уже медленно. В этот раз погруженный уже в совершенно другие мысли.

Когда вечером этого дня Александр вылез из машины у себя во дворе, лицо его имело угрюмый и недовольный вид. Именно это выражение Эстела и восприняла как признак того, что сеньор и сеньорита имели друг с другом какой-то спор. Но в этот раз ее чуткая проницательность дала сбой. В этот раз причина была в другом. Александр захлопнул машину, зачем-то осмотрелся по сторонам и двинулся ко входу в дом.

---

<sup>14</sup> Я решил проблему (исп.)

<sup>15</sup> Извините, сеньор, я не знал (исп.)

На втором этаже, на просторной открытой террасе, с которой открывался вид на старую часть города и бескрайнее светлое в лучах заходящего солнца море, был накрыт стол. Эстела уже была здесь и всю суетилась вокруг стола. Она расставляла на нем тарелки, разливала свежавыжатый апельсиновый сок по стаканам и с какой-то искренней улыбкой на лице убирала всё то, что дети, не обращая никакого внимания на ее старания, бросали на стол и на пол. У изголовья стола, чуть ближе ко входу, одетая в светлое легкое платье, сидела Кати. Ее изящные загорелые плечи были оголены и в пышных волосах виднелся цветок только что сорванной во дворе розы. Она оторвала свое красивое личико от телефона, отложила его в сторону и с упреком посмотрела на одного из двух мальчиков, который сидел за столом справа от нее.

– Ты дождешься, что я расскажу всё папе...

– Я не виноват, мам. Это все о-о-он! Он первый на-а-ачал! – округлив пухлые губки, протянул тот жалостливым голоском. На вид ему было лет семь, может восемь.

– Не правда! Не правда! – защищался второй мальчик, который выглядел на пару лет моложе. – Это он! Он начал!

– Я не собираюсь спорить с вами! Но я знаю, что кидаться первым, Платон, начал ты и когда папа узнает...

– Папа что-то должен узнать? – именно в этот момент на пороге появился Александр. – Что вы, пацаны, опять натворили? – он подошел к столу и провел по очереди рукой по волосам сначала одного, а потом и второго мальчика. Близость к семье всегда действовала на него успокаивающе. – А? – через секунду он наклонился над женщиной и коснулся губами ее плеча, которое та, с легкой улыбкой, ему специально чуть приподняла. Потом он опустился на стул и взгляд его остановился на лице старшего из мальчиков.

– Что смотришь, рассказывай!

Платон, на которого слова папы, очевидно, действовали совсем иначе, чем увещания матери, стушевался и опустил взгляд в тарелку. Его губки надулись и слабо зашевелились. Видимо, он говорил что-то, но говорил про себя, не решаясь сказать это вслух.

– Кидался едой, – Кати ответила за него, – бросил краба в Якоба!..

– Я не бросался! – всхлипнул Платон, и голос его заметно задрожал. – Он сам бросался...

– Краб?

– Да!.. Нет, то есть... Якоб. Он бросался в меня и... и хотел кусить...

– Это не правда!.. Не правда! Это он... он... – начал в раздражении Якоб. Появление отца, видимо, придало ему чуть больше уверенности в себе. Он приподнялся над столом, сотрясая перед лицом своими маленькими ручонками, но гнев его был не долгим. Пролетевшая в тот же миг через весь стол креветка метко попала ему прямо в лоб, оставляя на нем смачный след от соуса Айоли. Якоб вмиг замолчал, опустился на стул, лицо его исказилось в дикой гримасе и рев, не сдерживаемый уже ничем, пронзил тишину теплого летнего вечера.

– Так! Немедленно прекратите. Платон!!! Сколько раз тебе уже говорила, как надо вести себя за столом! – крикнула на него Кати. Но как она ни старалась, голос ее звучал не так как надо, и явно был не убедительным. Она понимала это сама и тут же посмотрела на Александра, ожидая от него какой-то поддержки. Реакция мужа последовала, но не сразу.

– Он первый начал...

– Не правда, не правда!!! Это ты! Ты! Я тебя... не люблю! И я не хочу с тобой больше дружить!.. Ты не хороший, ты... ты...

Платон снова схватил что-то с тарелки (это снова был краб) и бросил его в своего ненавистного врага. Он промахнулся и краб, ударившись в графин, упал на стол. Не удовлетворившись, Платон схватил следующий снаряд, в этот раз большую креветку, но бросить ее он уже не успел. Внезапный грохот заставил его вздрогнуть и замереть. Это был удар отца рукой по столу. Удар был такой силы, что тарелки загремели, несколько стаканов с соком подпрыгнули на столе, разбрызгивая желтый с мякотью сок на белоснежную скатерть, а краб, которого

Эстела еще не успела убрать со стола, вдруг подпрыгнул как живой и приземлился прямо в тарелку Кати, отчего та даже вскрикнула.

– Тихо! – прокатился над столом громогласный голос Александра и вокруг воцарилась полнейшая тишина. Эстела, хоть она и не понимала совершенно ничего по-русски, сразу сообразила, что ее присутствие начинало быть лишним и быстро ретировалась прочь. Отец взял с тарелки Кати краба и поднес его прямо к лицу Платону. – Знаешь, что это такое?!

– Краб, – тихо и нерешительно промямлил Платон.

– И что такое краб?

– Это рыба, которая ползает в воде! – ответил за Платона Яков.

– Дурак, это не рыба, это...

– Ти-и-и-хо! – крикнул отец еще громче. Платон тут же опустил глаза вниз, на большое желтое пятно под стаканом сока. – Когда говорю я – вы молчите! Когда молчу я, вы... вы так же молчите! Понятно?! – мальчики поняли это и синхронно ответили «да». – Краб это еда! В данном случае это еда, которой ты, – при этих словах Александр почти ткнул крабом в лицо Платону, маленькие ножки краба при этом слабо тряслись при каждом движении его руки, будто он хотел убежать от семейных разборок этих богатых русских сумасбродов как можно быстрее, – и что такое еда?!

– Еда? – вопросом на вопрос ответил Платон. Он не знал, что ответить и пытался тянуть время, – еда это... это... – он замялся и сбился. Воцарилась полнейшая тишина, казалось даже ветер перестал шевелить листву во дворе, даже птицы замолчали, ожидая ответ, который он так бесплодно пытался родить. Непонятно, сколько бы продолжалась эта неприятная для Платона пауза, но тут к нему совершенно неожиданно пришла помощь. Из-за двери вдруг послышался грохот, какие-то ругательства на испанском языке, потом громкий голос Эстелы, спорившей с кем-то и через мгновение на террасу вылетел Тьяхо с сачком для вылавливания листвы из бассейна. Делая пируэты этим сачком, как мариачи гитарой, он оббежал вокруг стола и встал прямо перед столом, вода капала с сачка прямо на белоснежную скатерть. Александр удивленно смотрел на него. Тьяхо смотрел на Александра.

– ¿Y que? <sup>16</sup>– спросил его Александр после паузы, которая слегка затянулась.

– ¡Estoy aquí, señor! <sup>17</sup>– громко проговорил Тьяхо и подтянул свой живот.

– ¿Y que quieres? <sup>18</sup>

– ¡Me llámó, señor! <sup>19</sup>

– ¿Quien te llámó? <sup>20</sup> Твою мать за ногу! – раздраженно крикнул на него Александр. – Yo dije «тихо», по «Tiago», comprendes? <sup>21</sup>

– М-м-м, no comprendo nada, señor, <sup>22</sup>– честно ответил Тьяхо и при этом широко улыбнулся всеми своими восемнадцатью с половиной зубов. – Pero si el señor deseo algo, puedo... <sup>23</sup>

– ¡A-a-ah, vete a la mierda! <sup>24</sup>– крикнул на него Александр и махнул ему рукой в сторону двери, вся эта глупая сцена его уже утомляла. – Y... и... и сачок этот гребанный свой не надо к нам в дом больше таскать, амиго, – перешел он с ним уже на русский язык. – Иди давай на... куда подальше отсюда. Эстела, – крикнул он уже его жене, которая стояла в дверях, – убери

---

<sup>16</sup> И чего? (исп.)

<sup>17</sup> Я тут, сеньор! (исп.)

<sup>18</sup> И чего ты хочешь? (исп.)

<sup>19</sup> Вы звали меня, сеньор! (исп.)

<sup>20</sup> Кто тебя звал? (исп.)

<sup>21</sup> Я сказал «тихо», а не «тьяхо», понимаешь? (исп.)

<sup>22</sup> М-м-м, нет, ничего не понимаю, сеньор! (исп.)

<sup>23</sup> Но если сеньор чего-то желает, я могу... (исп.)

<sup>24</sup> А-а-а, иди ты к черту! (исп.)

его отсюда нахрен, от него воняет как из пивной бочки! Ей богу, мы же едим тут. Estamos comiendo, entiendes? <sup>25</sup>

Эстела и здесь проявила чудеса проницательности. Хоть речь хозяина и была большей частью на русском языке, она, поняв самое главное, подбежала к Тяхо, схватила его под руку и вместе с сачком утащила его с террасы внутрь дома.

– Что за кретин?! – Александр удивленно посмотрел на жену, которая уже с трудом сдерживала смех от всей этой нелепой сцены. Александру же было не смешно. Он еще раз посмотрел на дверь, из-за которой все еще доносились пререкания Тяхо и его жены и потом перевел взгляд на свою руку с крабом, которую он продолжал держать чуть вытянутой. – Так что это? – снова обратился он к Платону. Голос того звучал уже гораздо бодрее, ибо он подметил, что обстановка начинала разряжаться:

– Это еда, пап!

– Это краб! – проговорил Александр и тут же добавил, совсем еле слышно, будто самому себе, – нахрен только я его взял? – резким движением руки он выбросил краба с террасы куда-то вниз, и через несколько мгновений все услышали громкий «плюх» со стороны бассейна. – А-а-а! – тут он вспомнил, на чем остановился, и снова громко заговорил. – Еду надо есть! Кидаться едой нельзя, это неприлично, это неуважительно по отношению к тем, кто этой еды не имеет в таком количестве как ты, и вынужден дни напролет сидеть с банкой на паперти и просить подавание, понимаешь?

Платон сразу кивнул головой, хотя он и не имел ни малейшего представления о том, что такое «напролет», «паперть», «подавание» и зачем с этим всем надо где-то там сидеть.

– Если я еще раз увижу, что вы кидаетесь едой, и не важно, кто из вас начал – ты или ты, – Александр по очереди ткнул жирными после краба пальцами в одного, потом в другого мальчика, – вы будете у меня только геркулесом питаться, понятно?

– Понятно! – почти одновременно ответили оба мальчика, заведомо уже понимая, что это были лишь пустые угрозы со стороны любящего отца.

– И еще, – продолжал он, – вы уже взрослые ребята, по крайней мере хотите ими стать, а ведете себя как какие-то недоразвитые м... младенцы (в своем возбуждении после этого нелепого разговора с Тяхо он чудом не проговорил «мудаки»). Вы не чужие люди друг другу, не какие-то парни, которые проходят по улице мимо, задевают друг друга плечом и начинают друг с другом ругаться. Вы не должны враждовать друг с другом. Никогда не должны! Вы не друзья, не враги, не знакомые какие-то, вы братья, братья по крови, а брат однажды – брат навсегда! Вы думаете, мы вечно будем с мамой разнимать эти ваши глупые ссоры по поводу и без? Нет, не будем! Я не вечен и мама не вечна. Никто не вечен. Мы не будем с вами всегда. Может быть вы сейчас этого не понимаете, потому что вы еще дети и вам кажется, что вся жизнь впереди, но люди умирают, так же как животные умирают, как птицы умирают, как даже деревья умирают. Рано или поздно умирают все! Таблеток от старости нет, к сожалению, и не будет их никогда. Такова природа всего, что есть в этом мире. И рано или поздно наступит день, когда вы останетесь одни, без нас, ваших родителей, без тех, кто сидит вот сейчас здесь и разнимает ваши эти глупые споры. И вот тогда вы поймете, что в этом мире кроме вас двоих не осталось больше никого, кому вы можете доверять так, как друг другу. Почему? – Александр замолчал на несколько секунд, своим пронзительным взглядом бегая по лицам обоих мальчиков. Оба смотрели вниз, в свои тарелки, почтительно слушая речь отца и боясь даже громко дышать, – потому что мы одна семья! Вы одна семья. А всё остальное – друзья, подруги, кореша... это всё приходит и уходит, а семья, что бы ты ни сделал, как бы ни нагадил себе и другим, остается с тобой раз и навсегда! Я, ты (он обратился к Платону), мама, Яков мы все члены одной семьи и должны относиться друг к другу с соответствующим уважением.

---

<sup>25</sup> Мы едим, понимаешь? (исп.)

Александр закончил. Повисла тишина, которую первым нарушил Платон:

– А дядя Миша и Диана? Они... они тоже наша семья?

– Да, и они тоже. Им ты так же можешь доверять как нам с мамой. Наша семья большая. И сила нашей семьи в том, что мы живем в мире и согласии друг с другом. Когда кто-то не прав, он просит прощения у остальных и остальные его прощают. Если он запутался настолько, что не понимает свой неправоты, другие не пытаются извлечь пользы из его беды, а помогают ему выбраться из тяжелой ситуации. В этом и есть отличие семьи от друзей. Это то, как было до вашего рождения и это то, как будет всегда! Это то, что помогало нам пережить даже самые тяжелые для нас времена. Мы всегда держались вместе, всегда выступали одним фронтом против врагов. Семья это святое, запомните это! Семья это самое главное!

### 3.

Дождь лил весь день не переставая. Новые и новые тучи, как толпы бесконечных врагов, наваливались на город со стороны Пулковских высот, погружая его в водное царство с реками, пузырящимися лужами и машинами, которые носились по проезжей части и поливали всех, кто не успел вовремя покинуть зону поражения их колес. Дождь закончился лишь после десяти. Отгремели где-то вдалеке последние раскаты грома, пролетели над головой последние дождевые тучи и вскоре солнце, пока еще нерешительно и робко, вылезло из-за туч где-то на горизонте. После дождя в воздухе чувствовалась прохлада и свежесть; снова запели в кронах мокрых деревьев птицы, подошли на трапезу к ближайшей помойке бомжи и тощий черный кот, с заспанной мордой, зевая, вылез из подвала и грациозно виляя своими здоровенными, к которым не прикасалась рука ветеринара причиндалами, двинулся на ночное randevu куда-то в сторону соседнего двора.

На часах было почти одиннадцать вечера, когда из подземного перехода на станции метро Ленинский проспект вышел молодой человек лет тридцати с небольшим. Он был одет в джинсы, серую футболку и черные ботинки. В руке его была куртка, которую он пока не надевал. Его лицо было хмурым и немного встревоженным, но эти черты мог заметить в нем только самый проницательный наблюдатель. Но таких рядом не было. Не потому, что люди разучились понимать друг друга, а потому, что толпе на этого незнакомого серого типа всем было наплевать. Он поднялся по ступенькам на улицу, сделал несколько шагов по мокрому асфальту проспекта в западном направлении и вдруг остановился. Его лицо поднялось вверх, и он сделал полный вдох грудью, всасывая в себя через ноздри запах цветущей черемухи. Выдохнув, он снова двинулся дальше и через несколько сотен метров свернул направо, в ближайшие дворы, сквозь которые пошел в юго-западном направлении к улице Маршала Казакова.

Он двигался медленно и задумчиво. Он даже не пытался обходить лужи и шлепал по ним своими большими черными ботинками, впрочем, такие лужи, какие натворил за весь день не прекращавшийся ливень, обойти было действительно сложно. Он был погружен в какие-то свои мысли и почти не обращал внимание на окружавшие его вещи. Во дворе ему встретились двое бомжей, которые занимались своим обыкновенным промыслом – поиском чего повкусней в мусорных баках. Один из них, при виде молодого человека, натянул на лицо слащавейшую улыбку и обратился к нему с одной из стандартных в таких ситуациях фраз, но молодой человек его не услышал, вернее услышал слишком поздно, пройдя почти с десяток метров. Тогда он остановился, засунул руку в карман, сгреб оттуда всю мелочь и положил бомжу в шапку, которую тот, вмиг подбежав к своему благодетелю, бойко подставил ему.

– На хлебушек, друг!.. – слабым писклявым голосом заметил ему бомж, мужчина среднего возраста, весь тощий и грязный. Лицо его являлось воплощением всех кругов дантовского ада, голос же звучал так, как будто он собирался умереть прямо здесь и сейчас. Он продолжал идти за ним вслед еще некоторое время и что-то говорил, возможно выражал благодарность за «хлебушек», возможно хотел выпросить еще немного, но молодой человек его уже не слышал. Все той же неспешной походкой, сквозь лужи, в прежнем погруженном в себя состоянии, продолжал он движение к какой-то известной ему лишь одному цели. Впрочем, бомж преследовал его не долго. Увидев его полное равнодушие к своей персоне, он, наконец, остановился, обозвал его про себя «гандоном», почесал бороду и пошел обратно к своей кормушке.

– Ну чё, Гаврилыч! – его голос уже звучал громко и четко, – хватит в этом говне копаться. Пойдем лучше водяры купим, теперь должно хватить.

Молодой человек тем временем вышел на оживленную улицу Зины Портновой и здесь накинул на себя легкую клетчатую куртку, которую нес в руке. И тут с ним начали происхо-

дить странные трансформации, будто сама эта куртка, как артефакт в какой-то компьютерной игре, вмиг наделила надевшего какими-то незаурядными способностями. Шаг его стал быстрее, движение рук размашистее, походка стала менее твердой и даже слегка пошатывающейся. Задумчивый взгляд сменился чем-то другим – каким-то новым выражением лица, в котором можно было высмотреть что-то дерзкое и тупое. Несколько раз он перепрыгнул через большие лужи, один раз, правда, он не долетел в воздухе до берега и плюхнулся обеими ногами как раз в самое глубокое месте. При этом молодой человек громко выматерился, чем вызвал испуг у какой-то пожилой женщины, которая гуляла рядом с маленькой собачкой. Когда же уже в самом начале Казакова на пути ему попались две молодые девушки, одну из которых бог наделил таким незаурядным размером молочных желез, что они ни чуть ли не рвали пополам ее футболку, он замедлил шаг и без всякого зазрения совести уставился ей прямо туда с таким выражением лица, что девушка, видимо привыкшая уже реагировать на такого рода внимание, вынуждена была показать ему средний палец. Ее же подруга, наоборот, отвернулась, сделав вид, что ничего не заметила. Ее лицо в миг погрузнело, и в какой уже раз за сегодняшний вечер ей снова хотелось плакать.

На пересечении проспекта Жукова, когда для пешеходов загорелся красный свет, молодой человек было пытался перебежать на ту сторону, из-за чего водитель такси, немолодой толстый мужчина, резко затормозил и сквозь открытое окно обозвал его «лицом нетрадиционной сексуальной ориентации», только в более грубой форме, и попросил «мудилу» внимательнее смотреть туда, куда прется. Впрочем, молодой человек тоже не остался в долгу и отблагодарил удаляющегося дорожного педагога за данный ему урок такой очередью из слов явно непечатного характера, что женщина с дочкой, которой было уже лет пятнадцать и которая, наверняка, имела уже гораздо больший словарный запас, чем ее мама могла даже догадываться, решили отойти от него подальше. За ними последовали еще несколько человек, каждый из которых делал это с таким лицом, будто ему нанесли какую-то душевную травму. В итоге рядом с молодым человеком остался только какой-то подвыпивший мужик, которого, видимо, в этой жизни не пугало уже совершенно ничего, кроме крика жены и ее нередкого в его адрес рукоприкладства.

Уже где-то за Жукова, ближе к Доблести, молодой человек заметил магазин с вывеской «Продукты 24» и повернул в его сторону. Небольшой, размером скорее с какой-то ларек, магазин по убранству своему был больше похож на шиномонтаж, за одним исключением – на стенах его, на полу и даже на полке, прикрепленной к потолку, лежало, висело, болталось всё то, что могло бы понадобиться джентльмену в его холостяцкой жизни – десятки сортов алкогольных напитков, преимущественно бюджетной ценовой категории, куча закусок вроде чипсов, кальмаров, сушеной рыбы и всяких орешков и, конечно же, презервативы. Последние тем вечером молодому человеку явно были не нужны и он перешел сразу к самому главному:

– Пиво и чипсов каких-нибудь.

Продавец, невысокий смуглый мужчина средних лет, с покрасневшими глазами, то ли ото сна, который так бесцеремонно прервал его молодой человек, то ли от упорного сидения в мобильном телефоне, который лежал рядом, посмотрел на него долгим недоверчивым взглядом и тихо проговорил, пытаясь придать своей речи как можно больше русского акцента:

– Послушайте, пиво мы продаем только до дся...

– Ай, кончай это дерьмо, командир, разводишь меня как лошпеда последнего, – выпалил на одном дыхании его вечерний посетитель. – Проведешь утром по кассе или вообще не проводи! Есть у тебя касса-то вообще? – молодой человек нагнулся вперед и внимательно осмотрел прилавки и всё, что было рядом.

– Паслушай, – заговорил продавец и все его попытки говорить с подобающим петербуржцу акцентом вмиг развалились как карточный дом, по которому проехал тяжелый грузо-

вик, везущий на стройку цемент, – эта... я не магу, если ты там палиция, у меня там проблемы...

– Да какой я полиция, командир, – молодой человек быстрым движением достал из кармана остатки скомканных купюр, не больше тысячи в общей сложности, достал ключи от квартиры, мобильник и всё это с грохотом бросил на расцарапанный прилавок прямо перед лицом изумленного продавца. – Во! Смотри! Всё, что есть! – он вывернул карманы на изнанку, махая ими прямо перед глазами продавца, издавая при этом звуки, похожие на не то лопающиеся пузыри, не то на лопасти вертолета. – Где у меня ксива или ствол?! Или чё, не веришь?! Может мне еще штаны снять для убедительности? Там, может, посмотреть хочешь?!

– Э-э-э... – продавец замахал на него рукой и начал трясти головой. – Ненада, да?

– Штаны снять?! Сниму, не вопрос, командир! – молодой человек быстрым движением раскрыл свою красную клетчатую куртку, приподнял футболку, схватился обеими руками за бляху ремня и начал расстегивать его прямо над прилавком.

– Э-э-э-э-э! – заорал продавец и замахал руками уже у своей головы, будто на него только что набросился целый рой пчел. – Я... ненадо, да!!! Продам! Всё продам! Какой пыво тебе?

Посетитель остановился на секунду, но не убирал еще руки с бляхи на поясе, оставляя ее, видимо, как последний аргумент в решении столь деликатной проблемы.

– Степу давай! Хотя нет, – он почесал оголенное брюхо чуть выше бляхи, чем снова вызвал ужас у продавца, – хотя да. Давай Степу. И чипсонов каких-нибудь. Давай... да любые дай, пофиг! – он убрал руки с пояса и футболка снова упала вниз. Продавец облегченно выдохнул, пробормотал что-то себе под нос и достал с полки покрытую пылью бутылку и чипсы.

– С тэбя...

– Да возьми тут сам, командир, сколько надо! – молодой человек кивнул на скомканные купюры, которые лежали на прилавке. Он застегнул куртку, снова убрал в карманы брюк ключи и телефон, а затем и остатки денег вместе со сдачей, которую ему бережно отсчитал продавец. – Ну вот видишь, а ты боялся! – проговорил он ему и слабо ударил продавца рукой по плечу.

– Э, ну тут понимаешь сам, бэз обид, закон... тут у нас приходил нэдавно... – продавец было пытался что-то объяснить покупателю, но тот уже не стал его слушать и покинул магазин так же поспешно, как в него и вошел.

На улице уже начинались сумерки и несколько мигающих звезд появились над покрывшимися буквально за последнюю неделю листьями деревьями. Но темно еще не было. Или не было уже. Петербург входил в то блаженное свое состояние, которое с легкой руки поэтов и романтиков называлось «белыми ночами». И хоть за последние сотни лет многое что изменилось и экраны планшетных компьютеров и ноутбуков уже давно позволяли читать и писать без лампад даже в самое темное время года, это был тот период, который каждый житель города с нетерпением ждал на протяжении всей долгой, вводящей в депрессию слякотью, мокрыми перчатками и сосулями-убийцами зимы.

Молодой человек дошел до одного из перекрестков дороги в новом квартале и свернул направо, к недавно простроенной набережной, которая шла вдоль залива. Было уже поздно и это был вечер буднего дня. Но на улицах этих новых кварталов было всё еще многолюдно. Никто не хотел пропустить мимо себя то мимолетное явление, которые питерцы называют «летом». Где-то недалеко играла музыка и слышался смех. Группа подростков, где-то человек десять парней и девчонок, подогретые вином, которое, пряча от лишних глаз прохожих и, не дай бог, блюстителей порядка они разливали по стаканчикам, а также каким-то кумиром, который читал рэпчагу из небольшой, но орущей на всю улицу музыкальной колонки, бурно обсуждали что-то и смеялись. Один из них, видимо самый альфа-самец в этой стае, пулеметом строчил шутки и остроты, собранные накануне с просторов всего интернета. Девочки, умиленные его стараниями, или просто так, ради приличия, умирали от смеха, что придавало остряку

еще больше уверенности в себе и он заводился, кривлялся, брызгал слюной и орал всё громче и громче.

– Почему ты не можешь просто рассказать правду... – фраза, долетевшая до него неизвестно откуда и произнесенная неизвестно кем, заставила молодого человека повернуться. Мимо проходила молодая парочка. На глазах девушки были слезы. Она что-то разгоряченно говорила парню, вид которого был такой, как будто он только что сел на ежа голым задом, но слезть с него ему просто так не давали, ибо был виноват и должен был терпеть. Видимо парень где-то дал маху и вместо ночи страстной любви, на которую он рассчитывал, идя на это свидание, впереди у него была долгая ночь объяснений, отмазок и лести. Молодой человек проводил парня долгим понимающим взглядом. Тот, в свою очередь, тайком, несколько раз, бросил взгляд на компашку с вином и в его грустных глазах можно было прочесть дикое желание поменяться с кем-то из этих парней местами.

Гена. Рядом проходил какой-то мужик с телефоном, который он плотно держал у уха. Несколько раз он останавливался и громко говорил: «Гена! Гена, послушай меня! Ге-е-ена». Для убедительности, видимо чтобы Гена проникся полностью к его словам, мужик сильно жестикулировал руками, преимущественно пуская круги по воздуху. Поравнявшись с молодым человеком, он отнял телефон от уха и обратился к нему:

– Сигареты не будет?

– У Гены должна быть, – как-то не особо задумываясь, ответил ему молодой человек и, не обращая никакого внимания на какое-то недовольное бормотание, которое начал отпускать мужик в его адрес, так же неспешно продолжил двигаться дальше.

В самом конце набережной, там, где она поворачивала налево, а впереди открывался вид на казавшиеся бескрайними отсюда просторы залива, молодой человек замедлил шаг, подошел почти к самой воде, открыл бутылку пива, чипсы и уселся на небольшой заборчик, огораживавший тротуар от проезжей части. Пиво было горьковатым и пенистым. Видимо проходимость в этой забегаловке была никакая и оно пылилось на этой полке уже давно. Но другого-то не было. Да и не всё ли было равно. Он сделал несколько больших глотков, запустил себе в рот целую горсть чипсов, переживал их и смачно отгрынул, чем вызвал желание у немолодой пары интеллигентных с виду людей прервать свой разговор и обойти его стороной. Молодой человек проводил из вызывающим взглядом, выражая таким образом желание вступить с ними в дискуссию о нравах современного поколения «если чё», но пара была настолько воспитанной, что даже не повернулась к нему, что было крайне разумным решением с их стороны.

Минут через пять Андрей оглянулся по сторонам. Народ кругом был, но все они занимались чем-то своим, не обращая на него никакого внимания. Андрей спрыгнул с забора, поставил бутылку пива на асфальт и подошел к столбу, спрятавшись за которым, как слон за соломинкой, справил малую нужду. Через минуту он снова вернулся к забору, поднял бутылку пива и взобрался на него. Горлышко потянулось к губам, приятный аромат пива коснулся ноздрей, но насладиться в полной мере этим божественным напитком он уже не успел. Через несколько секунд где-то сзади скрипнули тормоза и рядом с ним остановился полицейский УАЗ, из которого, так же вразвалку и не спеша (да, это был Питер), вылезли трое облаченных в форму людей.

## 4.

– Ты знаешь, Пикассо я открыл для себя не сразу, – раскинувшись в большом бархатном кресле, положив ногу на ногу, говорил спокойным тихим голосом Александр. Пару дней назад у Кати был день рождения, которое они для смены обстановки решили отметить в Тулузе, и теперь, возвращаясь домой в Барселону, остановились по пути в небольшом, но уютном ресторанчике где-то на границе с Андоррой.

– Почему? – Кати отняла от губ бокал с белым вином и на нем остался небольшой влажный след в виде цветка. Кати рассматривала его с легкой улыбкой на лице.

– Когда я был... маленьким (Александр чуть не сказал «молодым», но вовремя опомнился, так как в разговорах с Кати он взял за правило никогда не упоминать ничего, что связано с возрастом), я смотрел на его картины как на какую-то галиматью. Честно! Этот кубизм, этот сюрреализм... всё это мне казалось какой-то халтурой на скорую руку, которую мог бы сделать любой, то есть казалось чем-то второсортным. Понимаешь, искусство таких направлений очень сложно верифицировать, в плане качества. Для этого нужны годы, даже десятилетия. Это приходит со временем.

– Неужели «Герника» для тебя это картина второсортная? – взгляд Кати перелетел с бокала на Александра. Улыбка по-прежнему украшала ее личико.

– Теперь нет, но, признаюсь, так было далеко не всегда. Когда ты приходишь в Русский Музей, Эрмитаж или Третьяковку, ты видишь этих русских живописцев, видишь Шишкина, Седова, Репина, ты можешь сразу оценить качество их работ. Возьмем Репина. Его «Бурлаки на Волге», к примеру. Ну что, не качественно? Не идеально с точки зрения исполнения? Каждый элемент отработан с фотографической точностью, каждый мазок, каждое выражение лица у этих несчастных. Ведь это какая работа была проделана, сколько времени на это ушло, ведь это сразу видно, что шедевр, хотя бы даже по затраченным трудочасам! И это не только у Репина или даже у русских художников. Это у всех живописцев. И посмотри теперь на Пикассо! Чисто так, дилетантски посмотри. «Герника» ладно, картина действительно сложная, но ты посмотри на всё остальное, поменьше масштабом. Ведь, опять же повторюсь, не считай меня деревенщиной, если дилетантским взглядом посмотреть, не нашим с тобой, ведь это какая-то, – при этих словах Александр чуть наклонился к Кати и заговорил тише, будто кто-то из посетителей рядом мог понимать русскую речь и расценить его как человека крайне недалекого, – дешевка какая-то, с точки зрения технического исполнения, имею ввиду. Качество картины как у какого-то школьника. Полная диспропорция глаз, носа, головы, задний фон вообще непонятно чем забит. А это его «Любительница абсента». Ведь тоже нарисовано чёрт знает как. Так и я бы мог нарисовать, если бы хотя бы год походил в художественную школу. А потом знаешь...

– Любимый, ты путаешь технику и искусство. Ведь Пикассо (они оба говорили Пика́ссо, на испанский манер, так как оба сходились во мнении, что имя человека, родившегося в Испании, должно было произноситься по-испански) не очень интересовался именно внешней стороной своих картин, его интересовало только внутреннее содержание.

– Вот это-то и смущало. Как отличить художника просто от того, кто не умеет ничего рисовать и просто мажет чёрт знает как? Поначалу я видел в нем лишь шарлатана, который непонятно каким образом, видимо на той же волне времени, что и Малевич со своим «Квадратом», достиг славы, а потом просто зарабатывал на этом деньги.

– Но?

– Но что? – не поняв, переспросил Александр.

– Как правило с такой интонацией в конце говорят «но» и приводят какой-то новый аргумент, – губки Кати снова коснулись бокала.

– А-а-а, – улыбнулся в ответ Александр, – но потом я познакомился с его ранними картинами, вернее с одной из них и мое отношение к нему изменилось.

«Написанная в самом конце девятнадцатого века «Знание и Милосердие», – проговорила про себя Кати.

– Написанная в самом конце девятнадцатого века, – начал с видом эксперта Александр и на мгновение замолчал, поднимая глаза вверх, к потолку, будто пытаясь отыскать в безграничных просторах своих энциклопедических познаний про живопись наименование той самой первой картины Пикассо, – «Знание и Милосердие».

– Что-то знакомое, – голос Кати звучал всё так же спокойно и непринужденно, легкая улыбка оголяла белоснежные зубы, – и что в ней тебя так поразило? – здесь надо оговориться, что Кати не читала мысли Александра, просто Александр, в силу возраста или каких-либо других своих особенностей, имел свойство говорить про одну и ту же вещь одним и тем же людям по несколько раз, причем умудрялся зачастую говорить теми же самыми словами и с тем же самым языком жестов, что и до этого. Кати относилась к этому с пониманием, как к чему-то, что неизбежно приходило вместе со старостью. Именно про эту картину, про ее фотографическую точность и свое прозрение он говорил ей уже третий раз, что теперь, учитывая два предыдущих раза, ее уже даже немного веселило.

– А то, что она была написана точно с такой же фотографической точностью, что и картины Репина, Седова, Куинджи и прочих. И это значило одно – он действительно умел рисовать! А значит, все те картины уже более поздних периодов, весь этот кубизм его и сюрреализм, не проистекал в нем из простого неумения, а из чего-то другого! Он рисовал так не потому, что не умел, а потому, что не считал уже такую манеру исполнения для себя подходящей!

Весь монолог строился точно так же, как и в прошлый раз. Не подозревая сам об этом, Александр зачастую был похож на какого-то актера, который выучил одну роль, но выучил ее хорошо и теперь везде, куда бы он ни попал, исполнял только ее. Но в этот раз Кати было весело. После поездки и подарков у нее было хорошее настроение, и она решила внести некое разнообразие в эту странную игру. Она помнила, что прошлый раз она спросила его из чего же он проистекал, в ответ на что Александр принялся читать ей долгую и нудную лекцию про то, что это шло от «души», от «сердца» и от каких-то других частей тела. Второй раз слушать всё то же самое ей совершенно не хотелось.

– А не кажется ли тебе, что он действительно был шарлатаном, который нисколько не умел рисовать? – спросила она у него и вдруг весело рассмеялась. Повторить одну и ту же вещь точно с такими же словами было смешно, но когда он повторял это уже третий раз, это уже походило на настоящий сюрреализм. Правда она тут же пожалела о своем непроизвольно вырвавшемся смехе, так как сразу подумала, что он может вспомнить свой предыдущий с ней разговор и даже обидеться на нее за столь не совсем деликатное поведение, но по восторженному виду того (когда он делал из себя эксперта по художественным ценностям, лицо его приобретало какой-то напыщенный пафосный оттенок), она поняла, что он не помнил ничего и ни о чем не догадывался. От этого ей стало еще смешней. Она уже даже представила, как вечером расскажет об этом своей подруге, которая жила между Москвой и Миланом, и с которой они имели обыкновение созваниваться по вечерам, и которую Александр, даже не будучи знакомым, успел возненавидеть всей своей душой, так как очень хорошо догадывался о содержании этих их разговорчиков.

– В случае Пикассо точно нет, – продолжал Александр с таким видом, как будто Пикассо был его соседом по лестничной площадке и собственнически ему всё про себя рассказывал. Он действительно ничего не помнил и ни о чем не догадывался. Его простодушная в этом вопросе натура приписывала смех Кати скорее шарлатанам, нежели себе, – есть у него, конечно, и дешевые вещи, но есть же и «Герника» (а вот здесь их позиции по произношению не совпали).

Александр говорил на русский манер, делая ударение на первый слог (как русский мужлан, со слов Кати), сама же она произносила Герни́ка).

– Да, картина действительно великая, – Кати прекратила смеяться и показала знаком подошедшему официанту, что больше вина ей не надо. – Не удивительно, что в музее Королевы Софии народ ходит только в один зал – тот, где висит она.

– Он сумел нарисовать ее очень вовремя.

– Да, она очень неплохо вписалась в картину Европы того времени. Кстати, многие действительно считают, что он написал ее про Вторую Мировую.

– Да, как многие думают, что «Сталкер» Тарковского это про Чернобыль.

– А что это?

– Фильм.

– Русский?

– Да.

– Я такие не смотрю.

В этот момент появился официант с чеком. Лицо его выражало состояние какой-то рабской услужливости и чем ближе дело подходило к финальному расчету, тем лицо его больше принимало какую-то малиново-мармеладную форму. Казалось, скажи ему Александр сейчас выпрыгнуть из своей одежды и пробежаться по залу, работая своим коротким писюном как пропеллером, он с удовольствием бы это исполнил. И причина такого отношения была достаточно проста – несмотря на свой молодой возраст (ему было не больше двадцати пяти), он обладал незаурядной разборчивостью в этих вопросах и его чуткий взгляд еще на входе подметил на руке товарища из России дорогие часы, и, конечно же, главный атрибут любого богатого сумасброда – молоденькую девушку рядом, которую, судя по кольцам, он еще и сделал своей женой. Эти два фактора сразу сплелись в его голове в важное для его финансового благосостояния умозаключение – старый хер был при деньгах и был не прочь их тратить. Ради того, чтобы угодить ему, он даже вспомнил и тут же выложил какое-то выражение по-русски (что-то из Горького или из какой-то рекламы), чтобы уж наверняка растрогать это холодное сибирское сердце, закаленное водкой и гуляющими по улицам медведями, но ни Кати, ни Александр не поняли ровным счетом ничего.

– Понимаешь, о чем он? — тихо спросила Кати у Александра. Русское произношение официанта, действительно, было настолько плохим, что больше напоминало речь жителя планеты Ка-Пэкс, который вдруг заговорил по-украински.

– Видимо что-то по древне-андорски, – так же тихо ответил Александр и всунул в кожаную книжечку официанта, не проверяя чек, две купюры номиналом по сто Евро каждая. – Молодец, друг, постарался. Получи отработанное!

Официант этого только и ждал. Без излишних дальнейших стараний он проговорил лаконично «thank you, sir<sup>26</sup>» и быстро удалился. Александр же, старательно прочистив передний ряд зубов зубочисткой, снова вернулся к прежней теме.

– Насчет «Герники» и войны, кстати. Я слышал одну интересную легенду, – начал он. Кати не помнила, чтобы он рассказывал ей когда-то какую-то легенду про Гернику и даже отложила в сторону свой Айфон, в который полезла, воспользовавшись паузой в разговоре.

– Что за легенда?

– Ну ты знаешь, что большую часть своей жизни Пикассо прожил во Франции, в Париже, – Александр снова откинулся в кресле и лицо его приняло прежнее экспертное выражение. – Когда Францию оккупировали немцы в самом начале войны, один из немецких офицеров, видимо поклонник изобразительного искусства, узнав от кого-то там о том, что где-то неподалеку живет великий художник, автор знаменитой картины, которая прошумела на весь

---

<sup>26</sup> Спасибо, сэр (англ.)

свет, решил наведаться к нему и, так сказать, свести знакомства. Он пришел к нему в студию, позвал к себе Пикассо и показал ему фотографию картины, которую принес с собой. «Это сделали вы?», – спросил офицер у Пикассо, – здесь Александр остановился, выдерживая для драматизма паузу. – «Нет, – ответил ему Пикассо, – это сделали вы!»

Кати улыбнулась. История показалась ей красивой, но совсем не правдоподобной.

– Это легенда и не больше, как мне кажется. Пикассо в моих глазах это прежде всего художник, но никак не борец с фашизмом.

– Когда ты настолько знаменит, ты можешь себе позволить дерзости даже с врагами, – проговорил нехотя Александр и тут же отмахнулся от вернувшегося официанта, – *keep the change* <sup>27</sup>!

– Я не думаю, что всё было именно так. Если эта встреча и была в действительности, там присутствовали только два человека. Кто рассказал эту легенду? Немецкий офицер? Сомневаюсь, уж слишком это было не в духе арийцев. Ну а если рассказал Пикассо, – Кати поднялась с кресла и накинула себе на плечи тонкую кофту, – то это не самый достоверный источник.

– Не веришь в силу его сопротивления? – с улыбкой проговорил Александр, открывая перед Кати дверь на улицу. Теплый воздух, наполненный ароматом цветов, приятно касался их лиц.

– Сопротивление тогда было по другую сторону Европы, – уже безо всякой улыбки отвечала ему Кати, – во Франции же люди боялись биться даже словами.

Александр хотел ей что-то возразить, но подумал и решил эту идею оставить. Поэтому несколько минут они шли в тишине. Был уже вечер и на улице стремительно темнело. Солнце уже давно скрылось за горизонтом и тусклые, мерцающие звезды повывлезали на небе. Час еще был совсем не поздний, но в этом небольшом приграничном городишке, вернее даже не городишке, а поселке городского типа, как называли они это там, на родине, на улицах уже не было ни души. Все спали, сидели дома или просто провалились куда-то под землю, как почти всегда это бывает с небольшими городками в Европе лишь только стрелка часов переползает за девять вечера.

– Слушай, – Александр заговорил первым, – через пару недель, дней на десять, мне надо будет съездить в Питер. Пара дел, которые требуют присутствия.

Они проходили мимо скамейки, окруженной клумбами с яркими цветами. Кати подошла к ней и молча на нее опустила. Александр поспешно сел рядом.

– А как же Америка? – спросила она, рассматривая вечерний холмистый пейзаж, как на ладони расстилавшийся с этой видовой площадки. – Ведь мы же туда вроде как собирались.

– Америка никуда не денется! Я вернусь, и мы сразу туда поедем.

– А что за дела в России? – спросила она голосом, в котором Александр уловил уже какое-то легкое недовольство.

– Да ничего особенного, пара дел, которыми надо лично заняться, да и на охоту сможем. Ты же знаешь, раз в году, летом, у нас это традиция!

– И если я скажу, что хочу ехать с тобой на эту охоту, ты опять скажешь мне «нет»? В каком-то роде это тоже уже традиция.

Александр предвидел заранее такой поворот разговора.

– Ты видела прогноз, Кейт? Там будет двенадцать градусов тепла и постоянные дожди. Ты как-то идеализируешь всё это. Тебе кажется, что это что-то вроде пляжного отдыха, где ты сидишь целый день под солнцем и только расслабляешься, но это не так! – здесь Александр протянул руку и нежно обнял ее за плечи, – охота это сырость, грязь, холод. А комары! Это вообще отдельная история. Это в Питере и области комаров мало, а в Карелии их как в Сибири!

---

<sup>27</sup> Оставьте сдачу себе (англ.)

И явно не такие изысканные и культурные, как в Питере. Вся эта грязь не для тебя, ты существо нежное...

– Существо? – удивилась Кати, впрочем, уже без злобы и больше для видимости.

– Ну ты поняла, о чем я! Я не хочу, чтобы ты простудилась там или тебя бы кабан там покусал. Ведь охота это тоже не шутка. Михину собаку прошлый раз кабан задрал прямо у нас на глазах и это притом, что он уже раненый был. Остайся в Барселоне с детьми. А я быстро. Неделя с небольшим – это максимум. Больше там делать нечего!

– А в прошлом году ты говорил, что в этом помотришь.

– И я посмотрел, Кати, честно. Ну надо оно тебе?!

– Пожалуй, что и нет, – она ответила ему не сразу и в знак того, что она наконец-то смирилась с очередным отказом, положила голову ему на плечо. Александр же с силой сжал в своей большой и уже морщинистой руке ее тоненькую ручку. Ему казалось, он знал ее хорошо: она любила тепло, социальные сети, дорогую одежду, элитную косметику и завистливые взгляды себе вслед. Почему она так хотела ехать с ним, причем второй уже раз подряд? Может блефовала? Может таким образом она хотела показать ему свою преданность и то, что она, как жена декабриста, готова была поехать за своим избранным чуть ли ни на край света? Блеф или правда? Эх, если бы он только мог залезть внутрь ее и понять, что творилось в этой ее красивой головке, что пряталось от него за этой завесой красивых глаз, касаний и слов. А что если повернуться к ней сейчас и прямо в лоб сказать, «поехали! давай!» Поедет или нет?! Вот это будет хороший тест на верность. Может согласится, может нет, а может скажет, что да, а потом, за пару дней до вылета вдруг слегка «приболеет».

Это странное чувство охватило его тогда с такой силой, что он готов был уже встать, потянуть ее за руку и сказать: «да!» и «поехали!» Он действительно хотел, чтобы когда-нибудь она ступила с ним на этот остров, чтобы была всё это время рядом, чтобы она точно так же, как и он, держала в руках карабин, чтобы смотрела на жертву сквозь прицел, чтобы касалась своим тоненьким пальчиком спускового крючка мощного оружия, может быть даже нажала его, может быть даже убила! Но это были иллюзии и планы, то, что было лишь целью какой-то отдаленной перспективы на будущее. Но нет! Мысли его остались лишь мыслями. А что, если согласится? Ведь их охота была вещь личной и даже интимной. Охота была делом сугубо семейным, а ее, несмотря на красивое личико, своей настоящей семьей он все-таки пока ещё не считал.

## 5.

– Ну что, расслабляемся?

Голос сзади прозвучал громко и недружелюбно. Молодой человек нехотя повернулся, имея на лице явное желание отправить эту особь, бесцеремонно влезавшую в его личное пространство куда-нибудь на хутор ко всем половым чертям, но вид полицейской формы и значок патруля на груди, мгновенно остудил его пыл.

– Типа того, командир, – проговорил он недовольно, пытаясь запрятать открытую бутылку пива себе под куртку, но один из полицейских, сержант, заметил это и причмокивая покачал головой.

– Не надо так делать, уважаемый! Ведь прольётся пиво-то, стирать придется! А то, не дай бог, жена или матушка еще учует...

Молодой человек послушался совета служителя порядка и оставил эти жалкие попытки скрыть оружие преступления. Он достал бутылку из-под куртки, и не стесняясь больше своей новой компании, сделал большой глоток.

– Прогуляться вот перед сном решил мальчика. Морской воздух, чайки там и всё такое! Врачи говорят для психического здоровья полезно!.. Карма, говорят, улучшается!

– Поссать посреди улицы тоже карму улучшает? – проговорил старший из них по званию, лейтенант.

– Дак я и не ссал, это я так... просто постоял там.

– С членом в руке постоял! Красава! Ну а с пивом что? Зовут-то как?

– Степан Разин.

– Тебя зовут как?

– Андрей.

– И где ты купил Степана Разина, Андрей? – спросил его третий полицейский, старший сержант, в лице которого было что-то южное.

– У черножопых, тут, на углу... – смотря ему прямо в лицо с какой-то дерзостью, ответил Андрей.

Старший сержант недовольно нахмурился, лейтенант же пристально посмотрел на Андрея.

– Не порядок пиво-то пить в общественных местах, гражданин!.. Преступление в наши несвободные времена!

– А, собственно, – Андрей поднял бутылку, приложил ее к губам и остатки пива быстро перетекли ему в рот, – кто пьет-то? Бутылочка-то, опа! Пустая!

– Молодец, Копперфильд!.. – засмеялся лейтенант и в смехе этом было в этот раз что-то естественное и натуральное. – Давай сюда документы, протокол будем составлять!

– Нет документов, командир. Не ношу с собой. Боюсь украдут. Ведь полиция в наше время, командир, вместо поиска преступников, херней всякой занимается! – при этих словах он смачно сплюнул в сторону и со звоном поставил бутылку на асфальт.

– Ну тогда поехали с нами, покажем тебе, чем полиция занимается.

– Куда?

– Туда, куда надо! Собирайся! – проговорил ему старший сержант с южными чертами лица. – Пустую бутылку тоже с собой прихвати, там тебе она пригодится!

– Да ладно, лейтёха! – Андрей заговорил громче. Теперь он обращался исключительно к лейтенанту. Его громкий и уже напряжённый голос привлек внимание многих, в том числе и немолодой интеллигентной пары, рядом с которой он имел тогда неосторожность громко отрыгнуть. Они остановились метрах в двадцати от него и с каким-то особым потаенным удо-

влетворением начали смотреть на эту воплощающуюся в жизнь справедливость. – Чё вы до меня-то докопались? Не запахло вам меня морщить? Вон пацаны там тоже бухают и чего?!

Лейтенанта покорило от «лейтёхи», «докопались» и «запахло». У него появилось дикое желание впечатать этому красавчику ботинком в лицо, но он смог подавить в себе это желание, по крайней мере здесь, на глазах у всех, и лишь тихо проговорил сержанту: «в машину его». Старший сержант и его напарник только этого и ждали. Они вмиг подскочили к нарушителю и «приняли» его под руки. Андрей было тряхнул плечами, пытаясь освободиться, но силы были неравными и через минуту с небольшим он уже сидел на заднем сиденье козелка, подпираемый двумя мясистыми плечами.

– Да ладно, мужики, чё вы быка-то включаете?! Пивка хлебнул и всё. Я что, докопался до кого-то, а? Отпустите, мужики, не буду больше, ну... бывает, согласен, накосячил, закон там нарушил. Я же так, по-тихому, почти никто не видел. Отпустите, а?

– Мы тебе не мужики, гнида, сейчас я тебе как... – процедил ему сквозь зубы полицейский южной внешности.

– Заур! – окрикнул его лейтенант и полицейский замолчал. Андрей же продолжал:

– Ладно, милиционеры или как вас там, отпустите, а? У меня есть там пара сотенев с собой, давайте по-любовному разойдемся, а?! – голос Андрея уже не звучал так дерзко, как в самом начале и в нем уже был слышен страх.

– За пиво и за то, что отлил где не положено, тебе штраф тысячу рублей будет, а за взятку можешь на пять лет сесть, этого хочешь? – вопросом ответил ему лейтенант.

– Пара сотен! – засмеялся младший сержант. – За пару сотен ты себе пива даже нормального не купить!..

– Херня! – отрезал ему Андрей, – я за полтос купил!

– Живешь-то где?

– А тут, рядом, улица Доблести.

– Дом?

– Зеленый такой... девять этажей. Номер забыл...

– Не местный что ли?

– С Петрика.

– Петрозаводска?

– Петропавловска.

– Это на Камчатке который?

– Ну.

– Далеко заехал. А здесь что делаешь?

– Сел не в тот автобус.

– Чего?

– Деньги, говорю, зарабатываю.

– И чем зарабатываешь?

– Руками, ясно чем.

Лейтенант обернулся к нему и посмотрел с язвительной улыбкой ему в лицо.

– По физиономии и видно, что не головой. Делаешь-то что?

– Ремонты там по дому всякие! Плитку кладу, обои там, потолки и всё такое.

Вскоре полицейский автомобиль подъехал к невысокому трехэтажному зданию с решетками на окнах.

– Э-э-э! Не спать мне тут! – сержант толкнул Андрей в плечо. – Давай на выход, шевели жопой!

Андрей нехотя вылез, потирая лицо ладонью.

– Давай, за лейтенантом! – процедил ему сзади Заур и сильно толкнул в спину, в сторону входа.

Они прошли несколько коридоров и вошли в помещение, общей площадью метров тридцать с небольшим. За столом, в майорских погонах, сидел человек лет пятидесяти пяти с усами и в очках, он не спеша просматривал какие-то бумаги, которые лежали пачкой на столе.

– Это кто? – спросил он нехотя, по виду Андрея и по пустой бутылке, которую он продолжал сжимать в руке, видимо сразу догадываясь о составе его преступления.

– Андрей меня зовут, товарищ...

– Тебя что ли спрашивают? – прервал его лейтенант. – Сначала пописал, товарищ майор, посреди улицы, а потом залез на забор и пиво там пить стал! Документов нет...

– То есть как залез на забор и пиво стал пить? – майор снял очки, положил их на бумаги перед собой и удивленно посмотрел на задержанного.

– Ну... залез на забор и пил. Задницей в смысле... Ну, забор этот, ограждение, в смысле... такое не высокое.

– То, что ты пописать решил это я себе хоть как-то объяснить могу. Ну а на забор-то ты с пивом зачем полез? Ты ведь не против, что я на «ты» так сразу?

– Да ладно, чё там, норм, конечно! – Андрей широко улыбнулся. Майор этот почему-то сразу показался ему по виду нормальным мужиком и скованность его, длившаяся целые несколько секунд, мгновенно прошла. – Да шел тут... товарищ...

– Майор.

– Товарищ майор, шел тут вечером, настроение никакущее, думаю, дай пивка хоть возьму. Тут, понимаете, дело такое. Расстался с теткой своей, в общем... скверное настроение там...

– С теткой?

– Ну с бабой... с девушкой! – для убедительности, Андрей показал какой-то жест, отдаленно описывающий форму гитары.

– И что же ты натворил, что тебя женщина бросила?

– Да ничего! Нового себе нашла... дебила. За телефон ему проданась. Айфон. На рынке купил ей какой-то бэушный, это сразу видно. Послала меня, в общем, ко всем собачьим чертям. Мужик я, говорит, дерьмовый. Денег нет, мозгов тоже. Потратила, говорит, на тебя несколько месяцев своей жизни, лучше бы, говорит, вязать научилась или блог завела. Вали, говорит, к чёрту из моего дома. Ну вот я вышел от нее, весь как... дерьмом полит... Нажраться хотел, думаю блин, пойду ухайдакаюсь в говнину, да на машине надо утром завтра ехать. Ваш брат же в этом деле суров и... и жаден... В общем... решил пивка взять, ну так, душу хоть как-то отвести. А то чё-т тяжело, товарищ командир, на душе так погано, как будто стая собак туда, прям по самые гланды нагадила.

– И что, эта твоя женщина красивой была?

– Да какое, командир... то есть майор, – здесь Андрей засмеялся и даже прихрюкнул, – жирная, усатая свинья и... и блядина в добавок! – при этих его словах оба сержанта прыгнули со смеха, лейтенант глупо улыбнулся, а майор окончательно отложил бумаги в сторону и прищурил глаза, пытаясь лучше рассмотреть этого кадра, который таким необычным образом разукрасил эту скучную ночную смену.

– Так, может это и к лучшему, Андрюша? Ты меня извини, конечно, может сердце твое, как говорят, целиком и полностью этой даме принадлежит, но, ведь, с усами, как ты выражаешься, это уж... какой-то поручик Ржевский, ей богу, получается! Это уж, наверное, слишком!

– Да я и не парюсь особенно! – проговорил Андрей тихо и задумчиво, но вдруг лицо его быстро преобразилось и он громко рассмеялся. Он без особой церемонности подошел к столу майора и плюхнулся на стул рядом. – Я ее тоже нормально послал. Уродина ты, говорю. Усы у тебя, говорю, как у командира кавалерийских войск и рожа у тебя, говорю, такая, как будто с банки свиной тушенки срисовывали. И Айфон твой, говорю, говно американское! До-о-олго терпела! Сидела улыбалась такая, типа всё похер. Но как про Айфон ей сказал, вот тут-то ее

дерьмом и прорвало! Визжала как свинья. Но дура, хер ли! Мозгов нет. И это... не воспитанная такая, ваще нихера. Но в жопу ее! Чё говорить теперь о ней. Закончил я с ней. Я уж... по правде сказать вам на ухо, майор, и сам тут посматривать по сторонам уже пару неделек как стал. Ну и подыскал уже тут себе другую тёлочку. Поумнее будет мальчика, это уж точно.

– И симпатичнее? Ну, по части усов по крайней мере? Бреется?..

– Да... наверное!

– Наверное?

– Не видел пока, но вроде там даже что-то такое... – и Андрей снова показал руками гитару. В этот раз медленнее и гораздо выразительнее.

– То есть, как не видел? По телефону что ли общались?

– В интернете. Фоточку там скинула, но со спины. Лица не видно, но лицо у женщины разве главное? – здесь Андрей снова прихрюкнул, отчего у него даже выдавилась изо рта слюна, которую он поспешил смахнуть на пол, а остатки вытереть рукавом. – Вроде такая ничё себе. Попка такая, ножки, всё там типа на месте...

– Ну уж ты можешь нам в такие подробности не вдаваться. Но, постой, кроме интернета ваши эти знакомства как-то в дальнейшем материализуются?

– Да, завтра! Завтра, мать их, и реализуются! – Андрей бросил взгляд на настенные часы, которые показывали уже начало третьего. – То есть, сегодня уже, получается. Уже скоро, получается. Договорились встретиться с ней побазарить там чё да как, присмотреться.

– Где?

– То есть чё где?

– Встретиться договорились где?

– А-а-а, да в кафе там какой-то в центре, на Марата. Не помню название, но если надо могу найти, тут у меня записано в СМСке! – Андрей полез в карман за телефоном, но майор махнул на него рукой.

– Оставь это, не надо! Меня, честно признаться, эти твои любовные встречи не очень интересуют, – он откинулся в своем кресле и с полминуты молчал, обдумывая что-то. Наконец он провёл пальцами по усам сверху вниз и пристально посмотрел в лицо Андрею. – Ладно, Андрюша. Можешь считать, что тебе повезло. Держать тебя здесь и штрафовать мы не будем. Урок ты, надеюсь, усвоил. Завтра у тебя будет любовное randevu с этой твоей дамой, на котором ты должен будешь появиться выспавшимся и опрятным. В общем... иди домой... и приведи себя в порядок, а то выглядишь, ей богу, как лошадиная задница. Но смотри, – майор вдруг повысил голос и грозно потряс пальцем над столом, – поймают тебя еще раз за чем-нибудь таким, будем с тобой уже по-другому разговаривать! Верно говорю, лейтенант?!

– Верно, – нехотя прошипел тот. Он как-то исподлобья смотрел на добряка начальника, который испортил им всю малину. Видно было, что вся эта сцена не очень ему нравилась и он с его командой с большим удовольствием приложился бы пару раз по почкам этого оленя... Но майор был майором, а лейтенант лейтенантом, которому не оставалось больше ничего, как стоять в стороне, покачиваясь слабо взад и вперед и бросать глупые взгляды на двух своих, тоже опечаленных подчиненных.

– Ну, Андрюха, – майор откинулся в кресле и его большое пузо, как надувшийся мыльный пузырь, вылезло из-под стола, – давай, вали отсюда. Не то, что мне было не приятно с тобой познакомиться, но видеть тебя здесь я больше не хочу! – он кивнул Андрею в сторону выхода и пошевелился в кресле, отчего оно жалобно заскрипело. Андрей послушно кивнул головой, промямлил что-то вроде «спасибо» и направился к двери. Полицейские последовали за ним. Майор же снова одел свои очки и снова глаза его уперлись в лежавшие перед ним бумаги. Вскоре бюрократическая работа с головой утащила его в свои катакомбы, и он почти полностью забыл про паренька, который еще совсем недавно стоял перед ним. Да и зачем ему было его помнить? Что в нем было такого, что было достойно запоминания? Он встречал таких много

раз и очень часто, по своей природной доброте, прописывая им словесный нагоняй, отправлял их куда подальше. И этот раз не был исключением. По крайней мере так думал он в ту ночь. Но в этот раз его многолетняя профессиональная интуиция все-таки дала осечку.

## 6.

– Реакция на свет нормальная, ссадины и сотрясение. Тошнит? – полная женщина в белом халате выключила фонарик и отодвинулась от Андрея.

– Хочется блевать, мать, но это больше от вашей еды.

– Ну не надо вот этого только мне тут! Еда здесь самая простая, усваивается даже самым слабым организмом.

– Хм-м, видимо не моим. Ну чё, идти-то могу, мамань, а?..

– Надежда Ивановна меня зовут, – проворчала женщина, – сначала подпишите, что отказываетесь от госпитализации и комплексного медицинского освидетельствования. Здесь и здесь подпись надо. Да не тут, а тут! – она ткнула пальцем в нужную часть, так как Андрей начал подписываться за врача. – Теперь ваши проблемы это только ваши проблемы.

– Нет желания тут больше сидеть, целый день уже тут торчу...

– Ну и ничего. У нас тут, молодой человек, в соседнем корпусе есть такие, которые по десять лет лежат и особо не жалуются.

– Так может не живые уже?

Женщина внимательно посмотрела на Андрея.

– Случилось-то что с вами?

– Мудак какой-то... пьяный или слепой... Выехал хрен знает откуда и прямо в лоб мне! Бах! Хорошо еще пристегнут был, а то бы вообще кранты. – Андрей с гримасой потер свой нос. – Еще эти чертовы подушки безопасности, работают, как оказалось. По роже так долбануло, мать, думал нос сломает!

– А что с этим-то, с тем, кто влетел?

– Свалил! Нахрен! – Андрей недовольно покачал головой. – Ему-то что! Там грузовик какой-то или автобус, я даже толком не понял. Вижу лишь фары, бампер, потом на-а-а, блин! Бамц!!! В башке всё загудело, всё поплыло перед глазами, всё в такой пелене, как... как, не знаю, будто выпил так... нормально выпил и идешь под этим делом, всё плывет, всё прыгает вокруг... Народу еще, как назло никого. С трудом скорую вызвал.

– Сотрясение, ясное дело...

– В ушах гудит, звук такой гулкий, как... как, не знаю, голову будто в унитаз засунул и орешь туда. Вылез из машины кое-как – смотрю никого нет уже, только стекла от фар его валяются, да след светлый от краски на бампере. В общем, ищи его свищи, хрен кто найдет!

– А полиция-то что говорит?

– Да приходил уже тут какой-то мусорок. Пол часа сидел тут булки мял, потом встает и говорит, что, мол, всё записал, дело они заведут, но найти этого перца, говорит, вряд ли просто так получится. Говорит, уже тихо так говорит, телефончик хотите дам, позвоните – поищут, но надо, говорит, будет чувачку на лапу присунуть пару пятунь. Красавчик такой, да? Послал я его на ху... хутор, говорю, ты чё, командир, попутал что ли?! За десяток рублей я сам кого угодно найду и яйца повыкручиваю! Тем более машина-то этой десятки и не стоит. В общем обиделся! «Как знаете», – говорит. Морду такую сделал кирпичом и молчал уже потом всё время, что-то только писал там у себя и мне потом на подпись дал.

– Ай-ай-ай! – понимающе покачала головой Надежда Ивановна. – Эти точно никого искать не будут. И кто за ремонт-то будет платить?

– Хрен лысый платить будет! – Андрей горько усмехнулся. – Никто. Эвакуаторщик приехал за машиной на следующий день, попросил его отвезти к чуркам на сервис, может что подмандят подешевке, но от страховой в таком случае я вот что получу, – Андрей сжал кулак в фигу. – Нет, говорят, виновника происшествия – нет и бабла. Вот так вот у нас всё и происхо-

дит. Да и хрен ты с этой машиной. Жалко куртку там оставил, новая почти... сперли, наверное, чурбаны или ходят в ней всю по своим этим гаражам!

– Что творится, что творится! – качала головой Надежда Ивановна. – Врежутся – уедут. Собьют кого-то – уедут. Никой совести! Разбаловался народ, ой разбаловался. Нет на них управы! Сажать надо! Сажать! Всегда это говорила...

– Машина-то хрен с ней! Да и куртка в принципе тоже, – прервал ее начавшиеся причитания Андрей, продолжая вслух полет своих мыслей. – Не особо-то и жалко. Это ж вещи. Плохо то, что я из-за этого дебила на свидание не приехал. Столько обхаживал, столько переписывался, первое свидание и... и всё к собачьим херам. Теперь... – Андрей взял с тумбочки свой телефон и нажал на последние исходящие вызовы, – теперь вот звоню – выключен, добавила меня в черный список. Видимо думает, что я дебил какой-то, ну это и понятно – первое свидание и я его просрал. А то, что с человеком что случиться могло – это типа нет, об этом типа даже не подумать! – Андрей прислонил телефон к уху и дождался очередного автоматического ответа о том, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети. – Что женщины за существа такие, мать их всех за ногу!

– Может сел или потеряла? Через пару дней сама перезвонит.

– Да не, не сел и не потеряла, мать, – с горечью заметил Андрей. – Удалила даже с сайта знакомств свой аккаунт. Это уже что-то серьезное. Видимо то, что я не приехал, совсем с катушек ее сорвало. Хотя... может и да. Подожду еще пару деньков, может и нарисуетя. А не нарисуетя, так и пошла она в жопу, другую буду искать!..

– Что удалила? – переспросила не понявшая ничего Надежда Ивановна.

– Аккаунт удалила, ну... в интернете там, на сайте знакомств. Типа регистрируешься, фотку свою ставишь и... в общем знакомишься там с тетками всякими... или с мужиками, это уж кому больше нравится; тебе пишут, ты там пишешь, а потом, если кто понравился, уже вживую свиданку назначаешь, ну и... в общем дальше уже всё там туда-сюда как у обычных людей.

– А-а-а! – Надежда Ивановна понимающе кивнула головой, хотя и не поняла ровным счетом ничего, так как была уверена в том, что «интернет» это было что-то вроде публичного дома, где не происходило ничего, кроме разного рода мерзостей, – так и что в итоге случилось-то?

– Кароч, утром в четверг договорились встретиться в кафехе на Марата. Выехал заранее. Специально выехал заранее, думаю, чтобы не опоздать, первое свидание, ведь это ж надо вовремя быть, да?! Пробки там еще вдобавок. Э-э-х! Уж лучше бы опоздал! Выехал, в общем, проехал пару кварталов и... и... на тебе! Ни машины теперь, ни тетки и... рожа вся разбита. Надо же этому мудаку было взяться, откуда его только чёрт принес?!..

– Тут еще подпись! – Надежда Ивановна подала Андрею какой-то очередной лист, на котором он, даже не читая, сразу поставил закорючку. – Может все-таки пройдет обследование, а?

– Да зачем мне мать... вся эта ваша херня?! – Андрей приподнялся и взял с тумбочки свой кошелек и мобильный телефон. – Да и... нормально там всё, голова прошла уже почти, нос вот только побаливает, но и это пройдет, не первый раз я в своей жизни по таблу получал, – Андрей вдруг громко загоготал, но быстро остановился. Надежда Ивановна неодобрительно покачала головой. Она хотела сказать еще что-то, но из коридора ее кто-то окрикнул, она приподняла со стула свое полноватое тело и, собрав со стола подписанные Андреем бумаги, медленно пошла к выходу.

Высокая трава чертила мокрые полосы на брюках и сапогах. Вода просачивалась сквозь плотную одежду и стекала по ногам в высокие сапоги, от чего они громко хлюпали в такт к каждому движению ног. Дождь не прекращался ни на минуту. Мелкой, но интенсивной моросью падали капли на лицо, на шапку, на промокшую до самой кожи одежду. Было холодно. Ветер, северный и совсем не летний, дул порывами со стороны воды. Он то налетал на идущего с неистовой силой, раздувал полы его плаща и пытался сорвать с него шапку, то затихал до полной тишины, так, что становилось слышно, как касалась трава его одежды, как хлюпали промокшие ноги в сапогах, как где-то, будто совсем далеко, пели свою заунывную песню разбивавшиеся о каменный берег волны.

Он знал, что он спит. Тот же сон, что видел он уже и до этого. Тот же лес, та же погода, та же еле различимая сквозь высокую траву тропа, которая вела к ветхому, запрятавшемуся между вековых деревьев, дому. Сколько раз он был здесь? Он помнил их всех, как помнил все свои значимые добычи опытный охотник. Он был здесь много раз, был во сне, был наяву. Ведь здесь, в этом самом доме, он стал тем, кем был он сейчас, здесь закалялся его характер. Именно здесь он стал настоящим мужчиной. Не в этом наивном юношеском смысле, подразумевающим первую попытку внедрения своего поднимавшегося при малейшей эротической мысли писюна в соседскую деваху на даче у родителей, а в прямом, в самом настоящем. Здесь в первый раз в жизни, сжимая карабин в руке, он понял разницу между собой и другими. Сколько жалостливых причитаний он слышал за все эти годы, сколько просьб, мольбы, угроз от всей этой массы биологического мусора. Со временем он научился их не слушать. Как шумы в радиэфире проносились они мимо, уходя в небытие вместе с самими источниками этих шумов. Но он не был жесток, скорее расчетлив. Он не был убийцей, он был лишь охотником.

Но сейчас, в этом своем сне, ковывая в хлюпающих сапогах сквозь заросли высокой травы, промокший под каплями этого северного холодного дождя, он вдруг почувствовал, что что-то менялось, что-то стало другим. Что-то иное поджидало его в этом доме, что-то, что восстало в сыром подвале из тьмы и праха, и что нисколько его не боялось. Сегодня он чувствовал себя по-другому. Смелость и бравада уступали место новому чувству, которое как червь точило его изнутри, откладывая свои личины глубоко в израненную душу. Он чувствовал напряжение и страх, в первый раз в жизни чувствовал, что значит быть не хищником, а добычей.

Последние несколько ступенек вверх, старая ива с раскинувшимися до земли ветками. Он отодвинул ветви руками и вот перед ним из тумана вырисовался он – дом, огромный и мрачный. Он сделал еще несколько несмелых шагов и вступил на крыльцо. Оно слабо скрипнуло под ногами и где-то на чердаке, будто приветствуя его, или, наоборот, его предостерегая, засвистел ветер. Александр остановился. Дышать становилось тяжелее. Сердце сильнее колотилось в груди. Он дышал часто и громко, но воздуха всё равно было мало, будто в нем не было кислорода, будто он были лишь какой-то дистиллированной пустышкой, лишенной всего того, что необходимо было его легким и мозгу.

– Эй!.. Есть кто?.. – он слабо толкнул незапертую дверь и мрак пустого пространства открылся перед ним. Никто ему не ответил, лишь ветер гудел в пустых помещениях, да жалобно скрипели под ногами доски. Александр шагнул вперед. Щелкнула кобура и дуло блестящего Смит энд Вессона направилось во мрак. Подствольный фонарь ярко осветил покрытые вековой пылью стулья и покосившийся от времени круглый стол. Еще пара шагов. Звук взведенного курка и вдруг хлопок, который заставил его вздрогнуть. Желание броситься прочь из этого дома, с этого острова, с этой страны раз и навсегда туда, где спокойствие и комфорт, где всегда хорошая погода... Но это лишь ветер захлопнул за ним дверь, лишь чувства, обостренные этим местом и непогодой до предела, дернули внутри его натянутую струну.

– Чёрт бы тебя побрал... – он проглотил слюну, тряхнул плечами и медленно пошел дальше. Луч фонаря резал мрак, освещая маленькие звездочки суетливой пыли, пятна подтеков на стенах и интерьер старых помещений.

– Есть здесь кто-нибудь?! – проговорил он через минуту, проговорил громче и эхо понесло его слова по пустынным залам и комнатам. Что-то скрипнуло где-то в глубине, что-то зашумело, что-то завывало. Александр вышел из прихожей в холл и приблизился к почерневшей от времени лестнице. Она вела в подвал. Он наклонился, взялся за ручку на почерневшей от времени двери, и потянул ее на себя, но тут же отпустил. Страх пустил электричество по нервам, страх сковывал его движения, и, как опустившегося слишком глубоко аквалангиста, вгонял его в тупое полубредовое состояние. Он сделал несколько больших глотков, вдыхая его вместе с пылью уже без всякой предосторожности и, наконец, дернул дверцу на себя. Она заскрипела и новые ароматы гнили и смрада ударили в лицо.

– Эй! Кто здесь?! – голос его звучал уже тише. Он будто хотел, чтобы его не слышали. Ему никто не ответил, но ветер, играя с его страхом и нервами, завывал громче. Шаг за шагом Александр опускался в подвал. Было холодно и с каждой секундой, с каждым скрипом ступени становилось еще холоднее, будто он шел не в подвал, а медленно опускался в могилу. – Э-э-й, кто-нибудь... здесь... есть?!.. – голос его уже дрожал и сбивался. Он чувствовал, что говорить становилось сложнее – язык с трудом шевелился во рту, он будто отяжелел, будто прилип к небу. И вдруг он почувствовал, что в этой темноте, совсем рядом с ним, был кто-то еще, кто тихо прошептал ему в самое ухо: «одну ошибку ты все-таки сделал, Саня, и она убьет тебя».

Дикий ужас овладел им почти в мгновение. Он хотел рвануться наверх, прочь из подвала, прочь из дома к качавшейся на волнах лодке, но дверь подвала, как крышка гроба, со скрипом опустилась над ним. В диком отчаянии, хватаясь руками за ступени, он пополз наверх, он хотел рукой толкнуть дверь наружу, пытаясь вылезти и броситься прочь, но подствольный фонарь потух, оставляя его наедине с этим мраком. И вдруг... движение! Слабый звук. Кто-то стоял в темноте перед ним, кто-то рассматривал его лицо, нюхал его, ощущал его страх. Кто-то, кого он не мог видеть, но кто прекрасно видел его. Александр направил пистолет туда, где чувствовал чье-то присутствие, слышал дыхание, холодное, спокойное и будто неживое. Щелкнул спусковой крючок, курок глухо ударил по капсюлю, но выстрел... его почему-то не произошло. Осечка. Александр нажал на спусковой крючок еще раз, потом еще. Щелкал барабан, курок безжалостно лупил по патронам, но всё это было напрасно. Что-то было не то, что-то пошло не так. Он отбросил пистолет в сторону и снова повернулся к двери. Руками и головой пытался он выдавить ее наружу, пытался вылезти из этого подвала, сдирая в кровь ногти на руках, пытаясь раздвинуть доски, но вдруг чьи-то руки, холодные как лед и сильные, как гидравлический пресс, сжали его плечи и потащили во мрак за собой.

– Sir, please fasten your seatbelt, we are coming for a landing <sup>28</sup>, – женский голос пробудил его, возвращая из мрака в его прежний мир. Улыбка борт проводницы, легкое касание его плеча, покачивание самолета и запах обеда, который он давно проспал. Это был сон, бредовый и кошмарный. Он облегченно вздохнул, протер рукой влажный лоб и выглянул наружу. За окном иллюминатора был серый пейзаж. Низкие облака еще цеплялись сверху за крылья самолета, но внизу уже проплывали линии черных дорог со светлыми точками фар ползших по ним автомобилей. Как и во сне, Петербург встречал его своей обычной непогодой.

Коттедж, куда привез Александра водитель, находился в отдаленной части поселка на первой линии Финского залива. Высокий, со смотровой башней, он казался какой-то готической крепостью, которую некогда построили себе шведы для того, чтобы сдерживать атаки своего во всю рубившего окно в Европу соседа. Гостевой дом, гаражи, котельная, дом для охраны с прислугой, и высоченный забор по всему периметру, – всё это создавало на этих сорока или пятидесяти сотках ансамбль неповторимой строительной мощи, полностью компенсировавшей все недочеты архитектурного дизайна гигантизмом и монументальностью

---

<sup>28</sup> Сэр, пристегните ремень, мы начинаем снижаться (англ.)

постройки. «Если бы Гауди попросили построить крепость по мотивам Маяковского, то это выглядело бы именно так», – подумал Александр, когда он увидел в первый раз тот дом, который построил себе брат.

– А вот и он! Вот и о-о-он! – услышал он вдруг знакомый писклявый голосок с крыльца. Александр повернулся.

– Ну здравствуй, брательник! – приветствовал он встречавшего. – Ты, как всегда, при параде?

– Привет, привет! Я же дома у себя, что ж мне, пиджаки да галстуки носить? Заходи... давай, не мокни там! – невысокий полноватый мужчина нетерпеливо переминался с ноги на ногу на крыльце. Было видно, что он очень хотел приблизиться к брату, но поскольку был лишь в халате и домашних пушистых тапках, он не решался спрыгнуть на мокрую траву перед домом. Александр не спеша подошел к нему и всунул свою загорелую большую руку в его бледную пухленькую ручонку. Тот с силой сжал ее и притянул Александра к себе с такой силой, которую сложно было ожидать в таком теле. – Рад тебя видеть, Саша... рад! Нисколько не изменился за год, наоборот – похорошел! – он обнял Александра, поцеловал его в обе щеки и несколько раз хлопнул рукой по спине. – Ну что же мы тут стоим... давай... сыро тут и холодно, не то, что у вас в Испании, небось. Заходи! – он быстро юркнул внутрь и Александр медленно последовал за им.

Внутри было тепло. Пахло жареным луком и какими-то специями. Брат провел Александра мимо копошившейся на кухне домработницы в большой зал. В этом зале, в дорогом кожаном кресле, с бокалом коньяка в руке, закинув ногу на ногу, одетый в костюм с галстуком, ждал их еще один господин. Как и Александру, ему было под шестьдесят с небольшим, но той молоджавости, которая с первого взгляда бросалась в глаза при виде Александра, в нем не было. Наоборот, было что-то, что сразу намекало любому вошедшему, что бокал в его руке по утрам был вещью далеко не редкой. При виде вошедшего Александра, мужчина приподнялся и поставил бокал на край стеклянного столика. С широкой улыбкой и вытянутыми вперед руками он двинулся к вошедшему и точно так же как и брат обнял его.

– Здравствуй, Петро! – Александр хлопнул его по плечу и слегка отодвинулся, смотря в его красноватые глаза. – Всё как всегда! Ты хоть когда-нибудь расстаешься со своим костюмом? С женой своей ты тоже, наверное, спишь в галстукее?!

Петро улыбнулся и слегка отодвинулся от Александра:

– Друг мой! С женой я уже не сплю много лет, по крайней мере со своей!

– Опа! А, Миш, каков красавец?! Ты посмотри на него – само воплощение половой энергии! – Александр слабо коснулся кулаком живота Петро. – В зал-то ходишь еще?!

– Нет, занятие в наше время совершенно бессмысленное, – улыбаясь, заметил тот.

– Это почему же?

– Женщин в наше время гораздо больше интересует что у тебя здесь, нежели тут, – он поочередно показал сначала на свой нагрудный карман, потом на бицепс правой руки. – Ведь мудрость она, Саша, с годами приходит!

– Ну уж это ты зря! Видимо мы с тобой с разными женщинами общаемся. Впрочем, вижу, ты в нормальной форме.

– Дак это потому, что толком не жрет ничего! – ответил за него Миха и тут же затрясся от смеха.

– Гуляю пешком много, – с легкой улыбкой ответил Александру Петро.

– Где?

– По поселку. Каждый день. Ведь движение это жизнь, как сказал Ньютон! – он засмеялся и отпустил из своей руки руку Александра.

– Не уверен, что Ньютон говорил именно так, но в целом согласен. Двигаться, конечно, надо. Правда, говорю Миша? – Александр повернулся к брату, посмеиваясь. Тот понял намек,

но несколько не стушеввался и не обиделся. Наоборот, он хлопнул себя обеими руками по брюху, которое давило на халат изнутри и так же с улыбкой проговорил:

– А я тоже в форме! Это у меня пресс вылезает, мужики!

Все засмеялись. Петро взял Александра под руку и подвел его к свободному креслу, которое было рядом со столиком. Миша дошел до входной двери, захлопнул ее и закрыл на щеколду изнутри. Затем он бухнулся на большой кожаный диван у стены.

– Что-нибудь выпьешь? – поинтересовался Петро.

– Пока нет.

– Как долетел, расскажи?

– Нормально. Вот только трясло. Так трясло, что даже сны всякие... странные снились.

– Я эти самолеты вообще не выношу. Никогда не летаю! – утвердительно кивнул головой Петро. – Знаешь, для меня лучше проехать на машине ночью по неосвещенной трассе в какую-нибудь дикую непогоду, чем летать.

– Ты думаешь это безопаснее?

– Спокойнее, по крайней мере. Ведь кто бы там что ни говорил про статистику, но на машине всегда запасной выход есть. Всегда можешь остановиться, закрыть глаза, посидеть, подумать, а потом сказать – «а катись оно всё к черту», выйти, бросить ее и пойти куда глаза глядят. А вот на самолете – нет. На самолете от тебя не зависит уже ничего. Сидишь в этой консервной банке, смотришь, как крылья трясутся от ветра и только и остается надеяться, чтобы пилот там рычаг правильный дернул или, не дай бог, что-нибудь не отвалилось в полете. Выбора там нет, свободы действий нет.

– Ну и баранов там в воздухе поменьше попадается, согласись! – вступил в разговор Миша. – И права там все сами получали, а не покупали. Не выйдет тебе никакой мудака на встречную полосу потому что пьяный или заснул, или просто водить не умеет.

– Ну уж и нет мудаков! – Петро усмехнулся. – А фактор человеческий как же? Сколько этих катастроф произошло из-за ошибки пилота? Да и пьяные там тоже вроде как попадались.

– Ну уже сколько на дороге пьяных и сколько в небе, я думаю и сравнивать не надо. Выедешь тут в пятницу или в субботу вечером на машине куда-то, проедешь мимо пятака, посмотришь на всю эту молодежь и...

– Господа! – громкий голос Александра вдруг прервал начавшийся оживленный спор и все в один миг замолчали. – Давайте об этом потом. И желательно без меня уже. У нас есть сейчас вещи поважнее обсудить, нет, разве?

При упоминании о «других вещах» лицо Миши сразу изменилось. Прежняя улыбка ушла и на место ее пришло какое-то нервное состояние, проявлявшее в нем всегда в частом моргании глаз и покусывании нижней губы.

– Давай подождем, Саша! – проговорил он тихо. – Диана будет тут с минуты на минуту. Без нее не хотелось бы начинать.

– Есть одна вещь, брат, которую я хотел бы уяснить до прихода Дианы, чтобы ее в это не впутывать. Расскажите мне, друзья-товарищи, мать вашу за ногу, кого из вас наградить орденом почетного Петросяна за особые, так сказать, юмористические заслуги?

Петро и Миха переглянулись друг с другом. Еще некоторое время у Петро сохранялась на лице какая-то улыбка, но под конец она превратилась в какую-то натянутую гримасу и вскоре полностью сошла с лица, оставляя на нем лишь легкий оттенок беспокойства и непонимания. Брат же, Миха, вылупил глаза и с открытым ртом смотрел на говорившего, всем своим видом напоминая какого-то окуня, которого выловили только что из озера и бросили умирать на дно лодки.

– Чё? – произнес он где-то через пол минуты, часто моргая своими выкатившимися глазами.

– Твоих рук дело, Михаил Ваганыч?

– Чё моих рук дело? – тем же тоном и с тем же видом переспросил он брата, только в этот раз к морганию глаз и покусыванию губы прибавилось еще и сморкание носом.

– Это! – Александр привстал, быстро достал из кармана куртки мобильный телефон, разблокировал его и с грохотом бросил на стол.

Миша скинул свои пухлые ножки с дивана, вставил их в пушистые тапки и быстро подошел к столу. Петро же оставался неподвижен. Он внимательно рассматривал лицо Александра.

– И... что такое-то, Саша? – Миша взял мобильник и поднес его к глазам. – Что мы тут видеть-то должны?

– А вот это вот я бы хотел услышать от тебя... или от тебя, – взгляд Александра скользнул от Миши к Петро.

– Я не понимаю, – Миха пожал плечами и повернулся за поддержкой к Петро. Тот, сообразив, что в одиночку с этого головоломкой Михе не справиться, приподнялся с кресла, подошел к нему и осторожно взял телефон из его рук. «Одну ошибку ты все-таки сделал, Саня, и она убьет тебя» – прочитал он вслух. Лицо его мгновенно изменилось, оно будто побледнело, но через пару мгновений, то ли усилием воли, то ли логики, оно приняло прежний слегка румяный оттенок, характерный для любителей выпить до обеда. Только теперь в нем было что-то беспокойное, что-то напряженное. Он аккуратно положил телефон на стол, несколько раз ударил кончиками пальцев по его лакированной поверхности и через пол минуты пошел к своему прежнему месту. Глаза обоих – и Александра и Михи следили за ним, будто одна его походка могла им оторвать глаза на все их вопросы. Но она не открыла. Он сел на свое прежнее место и тихим голосом спросил:

– И что это значит, Саша?

– А вот это я бы хотел узнать у вас.

– Чей это номер телефона?

– Нет номера. Отправлено с сервера бесплатных сообщений.

– Кем?

– А ты не догадываешься?! – Александр поднялся из-за стола. Голос его в одно мгновение изменился. Эту фразу он сказал резко и отрывисто, почти прокричал. – Это что, шутка такая? Мне смешно должно быть?! Слезы может у меня ручьем должны от вашего юмора из глаз потечь, может на полу должен валяться от приступа смеха?! А?! Юмористы, мать вашу!

– Подожди, брателло, остынь! – заговорил быстро Миша. На смену напряженному состоянию в его лице пришел испуг. Своего брата он боялся сейчас точно так же, как и в детстве. Гнев его никогда не предвещал ничего хорошего. – Ты объясни нормально, мы не понимаем ничего, ну, по крайней мере, я. Ты может, Петро?

– Что случилось, Саша? – в противовес Мише, голос Петро звучал совершенно спокойно. – Что ты хочешь нам сказать?

– Делаете вид, что не знаете, да?! Дурачка со мной играете? Запоздалая первоапрельская шутка, да? Вот только мне не смешно ни хрена! Кто из вас... идиотов хочет поиграть со мной?! Или что, хотите сказать, что это он мне написал? Оттуда?!

– Подожди, Саш! – Петро встал, подошел к Александру и сел на стул рядом. Он положил руку ему на плечо. – Мы реально не понимаем, что произошло! Объясни нормально. Ты тут обижаешь меня, Мишу обижаешь, но... объяснись сначала!

– Кто отправил мне это сообщение?

– Ну не я точно и не Миша, судя по всему. Что оно значит? Угроза какая-то? Шантажировать тебя пробуют? Это бывает иногда, не бойся! Найдем, возьмем за яйценки и...

– Давай без советов этих своих! Конфуций, твою мать! Сколько я этих писюлек и всякий посланий получал в своей жизни! В большинстве своем это лишь пустое сотрясение воздуха...

– Ну так и в этот раз всё то же самое! Не бойся, уладим! Мы же профессионалы. Просто не обращай на это внимание.

– Уладите?! Найдете?! Внимание не обращать? – Александр вдруг засмеялся. – А почему бы и нет? Почему бы реально взять и не забить на это, внимание не обращать. Ведь всякие идиоты бывают. Уж сколько я в свое время их встречал...

– Ну так и всё, брось это дело, забей! – подхватил слова Петро Миша. На его лице снова появилась улыбка, впрочем, она пробыла там совсем не долго. Александр вдруг скинул с себя руку Петро и резко встал. – Вот только проблемка есть, забивальщик ты, твою мать! Тот, кто произнес это, уже давно лежит там, – Александр показал пальцем вниз, – в могиле. Это были последние слова, которые слышал я и которые слышал он, – здесь Александр ткнул пальцем в Петро. – Через пару каких-то секунд я прострелил ему башку! Она лопнула как воздушный шар, в который вогнали шило! Понимаете, что это значит? – Александр замолчал на несколько секунд, окидывая взглядом обоих своих собеседников. – Не, вижу не понимаете ни хрена, – он недовольно покачал головой, – мы слышали это вдвоем, он и я! – здесь он снова ткнул в Петро пальцем, – потом обо всем этом узнал ты. Так нас стало трое. Я, ты и ты! – при этих словах он взял телефон со стола и открыл прежнее сообщение, – и вот спустя столько лет, когда я был в Барселоне, где у меня жена и дети, где у меня уже совершенно другая жизнь, я вдруг получаю на свой телефон это послание (здесь голос Александра стал замолкать и под конец фразы стал вообще еле слышен) от покойника со словами, которые слышал только я, ты... и ты... И больше никого!

Закончив, Александр дошел до окна и посмотрел во двор, будто опасаясь, что кто-то мог наблюдать за ними оттуда всё это время. Но там никого не было и через несколько секунд он снова вернулся к столу.

– Итак, я объяснился. А теперь вопрос. Кто мог отправить мне это сообщение кроме вас? Дух потусторонний, призрак, мать его, приведение какое-то в простыне? Или труп его уже разложившийся до самых костей вдруг вылез из могилы на Красненьком, пошел куда-нибудь, куда вы тут ходите, чтобы в интернет зайти и отправил мне это сообщение?! Просто так отправил, да? Поржать. Чисто так, по приколу. Скучно, ведь, в могиле-то. Дай, думает, хоть поприкалываюсь. Так?! – голос Александра снова зазвучал громче, он уже почти кричал, – так я говорю, вашу... за ногу?! А?! Или в приведения верите? Или в то, что человек, которому башку разнесли на куски еще ходит по земле и СМСки направо и налево строчит?!

– Послушай, Саш, мне видится это какой-то ошибкой или совпадением, – пытался успокоить его Петро, – ведь... могли просто ошибиться номером или спам...

– Да-да! Сколько лет-то прошло, брат! – поддержал его Миха. – Девяностые были, девяносто пятый или шестой. Двадцать лет уже прошло с лишним! Ты чего, помнишь наизусть, что тебе каждый там из них говорил? Кажется тебе это всё, брат! Что-то другое он сказал, ты это забыл, а теперь что-то увидел и вот тебе показалось, что...

Александр вмиг подскочил к Михе и дернул его за ворот халата с такой силой, что у халата затрещали нитки, а Миша, то ли от неожиданности, то ли от страха, громко пискнул. Но эта сцена не вызвала ни у кого даже улыбки. Напряжённость обстановки убивала всё веселье.

– Послушай... меня... сюда! Если у тебя плохо с памятью, это не значит, что и у меня должно быть так же всё плохо. Я помню это так, как будто это было вчера. Нет, сегодня даже как будто это было помню. Я могу забыть этот твой халат, в котором ты встречаешь гостей, твой этот писк даже могу забыть. Но то, что было тогда в доме – нет! Я помню его глаза в тот момент, его лицо и эту улыбку на его окровавленной физиономии. Я помню слово в слово то, что сказал он мне тогда. Я помню даже интонацию его голоса, его тембр, этот хрип в его легких, помню тиканье настенных часов в тишине! Я помню его лицо. Помню как улыбался он мне тогда за несколько секунд до смерти. Никакого страха, никакой паники, полнейшее спокойствие. Человек, которому прострелили навывлет легкое, человек, чьего сына замочили прямо у него на глазах, сидел тогда на полу, прислонившись к стене, плевался кровью и... улыбался! Надежд у него уже не было. То, что ему настал конец, он знал уже точно. Уж меня-

то он хорошо знал и иллюзий насчет этого не строил. Еще тем утром в его жизни было всё хорошо, а потом в его дверь постучались мы... и вот теперь ему осталась лишь пара каких-то секунд. И он знал это, он понимал это, и он... улыбался!.. В лицо мне улыбался, смотря в дуло пистолета улыбался, будто это был не конец, будто для него всё это только начиналось!..

– Бред, Саш! Это бред! – Петро перебил его, он пытался выглядеть совершенно спокойно, но нервный озноб бегал по всему его телу и поднял волосы даже на ногах. – Ты сам себя послушай. Тот, кто сказал тебе это мертв. Ты знаешь это сам, не нам тебе рассказывать. Кто отправил тебе это сообщения я не знаю, но... поверь мне, нам поверь, ты знаешь меня, Мишу знаешь. Не мы это были...

– И здесь я снова задаю свой прежний вопрос – тогда кто?

– Не знаю. Но оставь! Может совпадение, может... извини, но может с годами ты действительно что-то подзабыл. Это нормально, это было давно. Это уже прошлое, которого нет. Много времени уже прошло. Мы изменились, мир вокруг изменился, ты изменился. Тебя знают все, его же не помнит уже никто. Это прошлое уже давно похоронено. Оставь это, просто забудь. Я же со своей стороны этим вопросом займусь, закинем пару удочек. Ведь не в первый раз мы такие послания получаем. Если это была какая-то шутка, то шутника этого мы найдем и задница его будет долго дымиться!

– Оставить, говоришь?! – Александр язвительно улыбнулся и снова приготовился говорить, но в этот момент за окном послышался звук двигателя. Он быстро подошел к окну и выглянул на улицу. На хмуром его лице появилась легкая улыбка.

## 7.

Через несколько минут в комнату вошел еще один человек. Это была женщина на вид лет тридцати, с прямыми длинными волосами, опускавшимися чуть ниже плеч. Она была одета в темный костюм с юбкой, который элегантно подчеркивал ее стройные формы. Рукава костюма были открытыми и на правой руке красовалась большая татуировка, с какими-то иероглифами. В своих руках она держала брелок с эмблемой «Мерседес» и небольшой клатчик с двумя золотистыми буквами – «LV».

Вошедшую звали Диана и она была дочерью Александра. «Самая большая драгоценность всей моей жизни», – как любил говорить Александр всем, кто спрашивал его про нее. И действительно, несмотря на свой уже не юный возраст, она по-прежнему была необычайно красива собой и многие из тех, кто видел ее в первый раз, чувствовали странное желание свести с ней отношения поближе. У нее был какой-то особый взгляд, который, как кумулятивный снаряд, сразу проникал с самую душу смотревшего. Во многом взгляд этот был обязан красоте ее больших темных глаз и правильной форме носа и подбородка (здесь, конечно же, не обошлось без помощи пластической хирургии). В ее глазах был какой-то особый блеск, который при первой встрече заставлял многих мужчин теряться и говорить какой-то несвязный бред. Но была и еще одна особенность в ее взгляде, которая многими, особенно представителями сильной половины человечества, трактовалась совершенно неправильно. Когда она смотрела на кого-то, она не делала это одними глазами, а поворачивала к собеседнику всё свое лицо, будто старалась внимательно изучить каждую морщинку, каждую даже малую черту в его лице. Многие понимали этот язык жестов как особое расположение к себе и почти все они здесь очень сильно ошибались.

Вдобавок ко всем своим внешним качествам, Диана была хорошо образована и воспитана. В беседе она никогда не перебивала без нужды, никогда не садилась на уши с какой-то чушью, вычитанной на какой-то странице какого-то там блогера. Будучи дочерью Александра, она давно не испытывала никакой нужды в деньгах, но своим богатством она никогда не кичилась, образ ее выглядел естественно и натурально, и никак не соотносился с образом тех гламурных «тёлочек», которые разъезжали вокруг на точно таких же дорогих машинах. В разговорах же с малознакомыми людьми, пускай даже стоящими ниже ее на лестнице социально-экономического развития, она вела себя крайне просто и вежливо, зачастую завораживая человека своей харизмой и умением поддержать разговор почти на любую тему, но лишь только этот человек пытался пройти чуть дальше, она сразу давала ему понять, в свойственной ей деликатной манере, что продолжать движение дальше по этой траектории уже не стоит. Это понимали не все. И тот, кто трудом неимоверных усилий все-таки имел неосторожность пробить этот внешний барьер и подобраться к ней ближе, тот, кто еще совсем недавно считал ее ангелом и существом абсолютно высшего порядка, вдруг сталкивался с тем, что перед ним оказывался совершенно другой человек, нежели поначалу он себе представлял. Он вдруг понимал, что сдержанность эта и деликатность, которые некоторые ошибочно приписывали ее скромности, была не больше чем оболочкой, за которой таилось что-то совершенно другое, что-то не по-женски сильное и опасное. И тогда он стремился уйти от нее прочь, убежать, забыть. Но это было уже нелегко. И цена, заплаченная за это некоторыми, была очень высока.

– А, вот и наша Амазонка! – Александр преобразовался при виде вошедшей Дианы. Вся тревога и злоба вмиг ушла и выражение искренней радости засветилось на его лице. – Ты как всегда бесподобна!

– Привет, пап! Пётр, дядя Миша! – она по очереди улыбнулась каждому, но подошла только к отцу, целуя его в его выбритую щеку, которую он тут же поспешил ей подставить. – Не замерз тут у нас?

– Да, у вас тут явно не Лас Пальмас. У нас в такую погоду даже зимой не каждый из дома выйдет! Дождь, холод! Читал, что у вас снег тут на днях падал. Вот где не хотел бы быть в начале лета, так это в Питере!

– Про снег это уже явно преувеличение, – как-то натянуто усмехнулся Петро. Он еще не до конца отошел от прошлого разговора.

– Боюсь, это правда! Я бы не поверила, если бы не увидела это сама, – ответила она ему с легкой улыбкой.

– Это всё климат, который меняется! – зевая, развалившись на диване, заметил своим тонким голоском Миха. Его жирные белые ляжи вылезали из-под халата, но его это нисколько не смущало, как, впрочем, и всех остальных, кто знал его всю жизнь. – Чайку может, Ди, или вон, как Петька, может погорячее чего налить?

– Лучше бери чай. Я – плохой пример, – с горькой иронией парировал Петро.

– Никто из нас не безгрешен, – ответила Диана с улыбкой, подходя к свободному креслу и осторожно опускаясь в него. Взгляд Петро невольно остановился на ее груди, потом сполз на ее тонкие ровные ноги. Это было совершенно непроизвольно, он сразу понял это и поспешил отвернуться куда-то в сторону, к окну. У него еще было живо воспоминание, как когда-то давно Александр, заметив несколько раз его странные взгляды, обращенные на его тогда уже совершенно раскрывшуюся в женском плане, но всё еще несовершеннолетнюю дочь, схватил его всей пятерней за яйца и держал его так до тех пор, пока Петро, тоненьким голоском только что прорезавшегося на «кукареку» петушка, не дал ему развернутое обещание не то что не думать и не смотреть, а напрочь забыть, что у него есть дочь.

– Дядя Миша, не против? – ее рука залезла в сумку и достала оттуда пачку тонких сигарет.

– Ну если папа разрешает, что я могу сделать? – засмеялся дядя Миша и его тучное тело затряслось в кресле.

– Курить вредно. Папа, конечно же, против. Но ремнем, говорят, детей бить в наше время нельзя, а других управ на тебя у меня не осталось.

Диана поднесла зажигалку к сигарете и раскурила ее. Все остальные молчали, не отводя от нее глаз. Первым после паузы заговорил Александр:

– Ну что, Диана, расскажи нам теперь о своей личной жизни, – тут он поднялся с кресла и подошел к окну. – Ходят слухи, что у тебя новый молодой человек. Слышал даже, что он вроде какой-то даже... особенный.

– Это точно! – выдохнула Диана и струя сизого дыма вылетала из ее пухленьких губок к потолку. – Птица крайне редкого полета. В кафе меня пригласил. На Марата.

– Что-то элитное? Не помню, чтобы там были стоящие заведения...

– Тошниловка редкостная. Что-то между шавермой и рюмочной. Угостил шницелем, который, как мне показалось, кто-то уже до меня ел и картошкой фри. Предлагал выпить «пивка», но я все-таки нашла в себе силы отказаться.

– А что, я бы выпил! – засмеялся Миха.

– Самое интересное, что мой отказ ему нисколько не помешал, хотя он вроде за рулем был. Два бокала выпил, еще «водочки» хотел взять, «полирнуть», как он сказал, но здесь я его уже отговорила. Не знаю, как он после этого до дома доехал, но, судя по всему, все-таки доехал. Таким людям просто как-то везет.

– И как зовут этого принца?

– Андрей.

– Симпатичный?

– Ну насколько такое существо вообще может быть симпатичным. Обычного телосложения, волосы короткие, физиономия явно не несет на себе следы Гарвардской Школы Экономики. Работает на каких-то там объектах, что-то там ремонтирует.

– Не по оборонной части, случайно? – зачем-то спросил Петро.

Диана отрицательно покачала головой и снова выпустила из себя дым.

– Чернорабочий. Ремонты по дому. Плитку положить, обои поклеить, мусор выкинуть. Образования нет, сам не местный, приехал откуда-то издалека. Не знаю зачем, но мне он это всё выложил при первом же свидании, видимо, чтобы я окончательно прониклась к силе его личности. Он мне, вообще, столько всего рассказал при первой встрече, что я себя Андреем Малаховым почувствовала: про свою предыдущую подругу, про то, как кинула она его из-за телефона, который ей новый парень подарил, про каких-то там полицейских, которые ночью перед этим его где-то там недалеко поймали за то, что он где-то там пива на улице выпить решил или пописал даже. В общем дошло даже до того, что он мне рассказал про то, что у него прыщ на интимном месте вскочил, и вот он думал что с ним делать, выдавить или все-таки показать кому.

– Надеюсь, не показал?

– К счастью нет. Тут я ему уже сказала, что мне пора по делам. Впрочем, еще покажет, я в этом почему-то не сомневаюсь.

– Интеллектом, следовательно, особо не наделен, – уже совершенно серьезно заметил Александр.

– Да. У него есть свои странности и это очень мягко сказано.

– Что ж, интересно. А что семья, друзья?

– Родные у него где-то далеко отсюда; друзей, как я поняла, у него нет. Все увлечения и хобби сводятся к одному – пиво и телевизор.

– А чего, нормальный парень! Мне кажется, мы могли бы с ним подружиться, – тело Миши снова затряслось от смеха. Александр посмотрел на него неодобрительно и Миша, откашлявшись, прекратил.

– И когда ты познакомишь нас с этой любовью всей своей жизни? – В отличие от Миши, который постоянно смеялся и Петро, на лице которого была еле заметная улыбка, Александр выглядел серьезно и немного даже угрюмо.

– Через недельку. В четверг. Он берет себе отпуск.

– Отпуск? Ты говоришь, у него даже работы нормальной нет.

– Он это так называет. Говорит, договорились с заказчиками, чтобы неделю его не беспокоили. Думаю, этой недели на его знакомство с нами ему должно хватить.

– Хватит! – подтвердил ее слова Александр. – Это уже точно или мы еще чего-то ждем?

– Это точно, – Диана выпустила последнюю струйку дыма из губ и аккуратно положила не затушенный окурочек в пепельницу. Петро затушил его за нее.

– То есть встретимся мы с ним в четверг?

– Да.

– Здесь или там?

– Лучше там.

– Хорошо! Это хорошо! – Александр несколько раз прошелся по комнате, потирая руки. В голове его протекал какой-то серьезный мыслительный процесс. – Там, значит там. Выезжайте рано утром, до пробок. К обеду будете у пристани. Там мы будем вас ждать на лодках. На острове все приготовлено, Мих? – повернулся он к брату. – Провизия, снаряжение, оружие?

– Был там несколько недель назад. Всё в лучшем своем виде!

– А ты что молчишь, Петро? – повернулся Александр ко второму собеседнику.

– Что мне говорить, я там не был, ты сам знаешь. Я же не охотник...

– Я в общем и целом. Информационный фон интересует. Какие-то вопросы может кто-то задает? Любопытство может какое-то излишнее кто-то проявляет? Может слухи какие-то, легенды новые?

– С этой стороны всё чисто. Не беспокойся, – Петро налил себе еще. Александр посмотрел на него и неодобрительно покачал головой.

– Убьет тебя это дерьмо когда-нибудь, Петро, послушай мои слова. Бросай это. Иди в качалку, жену себе найди новую! Ко мне в Испанию приедете, погостите у нас там месяц другой. Там другая жизнь, другой климат, вернешься – на всё будешь по-другому смотреть!

– Рано или поздно мы все умрем, – с иронией ответил ему Петро, – а умирать здоровым мне как-то не хочется.

– Что-то мне подсказывает, что здоровым ты уже не умрешь. Впрочем ладно, дело твое, я тебе как другу просто совет даю. Ди, – Александр повернулся к дочери, – ты парню этому только своему объясни как на охоту одеваться надо. Если он рабочий, то нужная одежда у него должна быть. Сапоги, куртка, даже перчатки пускай возьмет. Лето у нас суровое, а комары в тех краях так вообще звери. Всё это будет не лишним, особенно ему. И главное... не чмори его уж так особо, а то ведь сбежит, ей богу! Парни в наше время не то, что раньше были!

– Пап! – Диана посмотрела на отца с каким-то упреком. – Со своим молодым человеком я уж сама как-нибудь разберусь!

– Ну ладно, ладно! – Александр с улыбкой махнул на нее рукой. – Что касается тебя, то здесь у меня нет сомнений.

– А насчет кого-то есть?

– Нет никаких сомнений, – ответил Александр, но ответил не сразу. По этой задержке и по тому взгляду, который в этот момент бросил на отца Петро, Диана поняла, что он ей что-то не договаривал, но она знала его слишком хорошо для того, чтобы пытаться выведать это напрямую и она продолжила уже о совершенно другом:

– Как Яков, как Платон? Как жена? Вы с ней всё еще вместе?

– Вместе и жены есть имя. Ее зовут Кати.

– Как необычно для жены, – засмеялась Диана. – Как у нее дела?

– У нее всё хорошо. Она, кстати, передавала тебе привет.

– Как мило! Отплати ей взаимностью.

– Через пару недель мы поедem в Америку. Закончу здесь все дала, заскочу в Барсу и оттуда в Майами. Думаю, ты сможешь прилететь туда к нам и передать ей свой привет лично. Рано или поздно вы найдете общий язык, я в этом уверен.

– Обязательно слетаю туда! – Диана продолжала с прежней улыбкой, – но после того, как она вернется в Барселону.

Александр неодобрительно покачал головой.

– Зря ты так. К тебе она по-другому относится.

– Нисколько не удивлена. Она приспособленка. Есть такие люди, пап, которые принимают окраску окружающей среды. Это что-то из животного мира и этой тактикой выживания твоя молодая жена, поверь мне, обладает в совершенстве.

– Ладно, прекращай давай! – Александр недовольно отвернулся и опустился в кресло. Мышцы на его лице слегка вздрагивали. Не первый раз приходилось ему защищать Кати от нападков Дианы и каждый раз он чувствовал какое-то неприятное чувство, защищая одного близкого человека от нападков другого. Впрочем, в словах Дианы все-таки было какое-то рациональное зерно. То, что она ему говорила так или иначе приходило на ум и ему самому, но ему очень сильно хотелось верить в то, что Кати его любила. – Кати моя жена, Диана.

– Катя, пап. Ее имя – Катя...

– Не важно. Хочешь ты того или нет, но она будет со мной. Можно по-разному смотреть на эту разницу в возрасте, на мои отношения к ней, на ее отношения ко мне...

– Ее отношения к тебе диктуются сугубо материальными интересами, – Диана улыбнулась отцу, – не будь таким наивным, пап, ты же умный человек.

– Для меня важно то, что она есть и она будет. А насчет денег – здесь ты можешь не беспокоиться, их хватит и тебе и ей, и чтобы тебе было совсем спокойно, – здесь он заговорил тише, но все те, кто был в комнате его слышали, – я уже не в том возрасте, когда женщина может заставить тебя потерять всякий контроль, понимаешь, о чем я?

– Любовь, пап, может сделать с человеком и не такое, – здесь Диана улыбнулась той очаровательной улыбкой, которая у одних вызывала эрекцию, а у других дикий ужас, – любовь иногда может даже убить!

## 8.

Несмотря на широкий круг знакомых, которые окружали Александра, его старых друзей у него почти не осталось. Конечно была кучка людей, которые по разным соображениям называли себя его друзьями и даже, возможно, себя такими искренне считали, но в жизни его не было ни одного человека, с которым он бы мог говорить откровенно и обо всем. Петро был всего лишь слугой, Миша – братом, Диана была его дочерью, а Кати... что ж, Кати была просто Кати. Конечно, его статус и состояние позволяли ему с легкостью сводить знакомства и с людьми из самого высшего общества, с которыми он нередко, закинув ногу на ногу, вел дискурс на разных языках об истории, об экономике, о политике и в последнее время о том единственном, от чего его пока еще не тошнило, – об искусстве. Они все были немолодыми, все были образованными, все с деньгами и посещали все те модные тусовки (только они называли это «клубами»), которые просто обязаны были посещать люди их статуса. Они жали друг другу руки, они спорили, они улыбались своими белоснежными, выведенными с микроскопической точностью лучшими стоматологами Европы зубами и каждый раз, забыв по причине начинавшегося уже в таком возрасте слабоумия имя того, к кому обращались, называли его просто и непринуждённо «my friend». Каждый раз, уезжая из клуба прочь на своих дорогих автомобилях, эти люди на долгое время забывали о существовании друг друга и вспоминали лишь тогда, когда двери клуба снова растворялись перед ними и очередной «friend» протягивал им с белоснежной улыбкой собственноручно поднятый им с подноса официанта бокал МОЁТа, что было с его стороны, поверьте, жестом крайне благородным.

Но так было не всегда. В жизни Александра были времена, когда у него было много друзей и они были другими. То были друзья, к которым он смело поворачивал спину и слышал за собой выстрел. Только выстрел этот был не в него, а в того, к кому повернулся он лицом. Они все были его ребятами, с которыми он, не жалея ни своей, ни чужой крови, строил империю, они все работали с ним, на него, это не важно, важно то, что все они без исключения готовы были отдать свою жизнь за нечто большее, чем абонемент в гольф-клуб за пятьдесят тысяч долларов в год и вертолетную площадку на яхте, которую он, увидев однажды в действии, сразу окрестил «шлюходромом». Как жаль, что теперь здесь, рядом с любимой женщиной, с видом на голубое море и горы, чувствуя запах цветов и смакуя аромат дорогого вина, он вынужден был слушать бессмысленный треп этого старого богатого мудачья, в жизни которого не было ничего настоящего, кроме двух вещей – шлюх и дорогих автомобилей, на которых они этих шлюх возили по дорогим ресторанам. Но что ж поделать, когда-то он так этого хотел. В конце концов, лучше быть живыми и богатым, чем бедным и мертвым. Да и все его тогдашние друзья... были ли они тогда ему действительно так дороги?

– Кто этот джентльмен? – спросила его как-то Кати на одном из таких ужинов в Монако, организованном в честь дня рождения одной из таких благородных физиономий.

– Кто именно?

– Тот, у которого Patek Philippe на правой руке и с которым рядом сидит девушка, которую, как мне кажется, я видела в каком-то фильме.

– Ульрик Свиндбек, шведский миллиардер и налоговый резидент здешних мест. Любит молодых актрис и себя.

– А этот... который справа?

– Филлип де Монтонье. Писатель, поэт, художник и вдобавок ко всему – гей.

– О-о-о! Сколько таланта в одном человеке. Ему повезло.

– Повезло... но немного в другом.

– В чем же?

– В том, что он родился, – Александр взглядом, осторожно, так чтобы его не заметили, показал на дряблого старика, который сидел за соседним столом и над которым, сгорбившись в почтительном уважении, стояла сразу три официанта, – сыном вот этого дедули, имя которому...

– Рене де Монтонье, – закончила за Александра Кати.

– Да, Рене, старый хер, Монтонье.

– Каждый человек здесь легенда.

– Но не каждая легенда здесь человек. Послушай, – Александр повернулся к Кати и на лбу его появилась большая морщина. – Как насчет того, что мы дослушаем речь вот этого старого... му... мужчины и поедем в номер? У меня от всего этого как-то уже побаливает голова.

– Еще пол часика, любимый, мне очень интересно посмотреть на этих людей! – Кати нежно провела рукой по вспотевшей не то от жары, не то от напряжения руке Александра и ему не осталось ничего, как ответить «конечно» и бессмысленный его взгляд снова остановился на Филлипе де Монтонье, который декламировал какой-то пассаж из своего величайшего поэтического творения какому-то молодому пареньку, которого, наверняка, планировал затащить сегодня к себе в номер. Что ж, так тоже рождаются легенды.

Но среди всей этой рутины новой его жизни, которая, одновременно, доставляла ему спокойствие, но и какую-то грусть по бесцельно проживаемым им дням, прорвался к нему однажды росток чего-то приятного из его прошлого. И звали его – Лёня.

Это был его день рождения и они, закончив с трапезой, сидели в саду. Дети плескались в бассейне, Кати же с Александром вели на террасе какой-то непринуждённый разговор о Дэне Брауне и о том, как, вообще, можно было писать так ужасно, как делал это он. Кати утверждала, что читать его невозможно, что речь его суха и лишена всякой литературной элегантности, Александр в целом соглашался с ней, но не полностью. Он считал, что читать Дэна Брауна все-таки возможно, но обязательным условием прочтения его считал прочтение в переводе на русский, ибо переводчик в разы улучил качество повествования и что если бы Дэн Браун в конечном итоге взял этот русский его перевод и снова перевел бы его на английский, повествование, да и смысл в некотором роде, от этого только бы выиграли. Кати начала на это возражать, что искажение текста не является его улучшением, так как теряется смысл, который изначально закладывал в него автор, она хотел привести пример со знаменитым гоголевским «Носом», но не успела. В этот момент перед ними появилась Эстела с каким-то красным от возмущения лицом (что было для нее очень нетипично) и трубкой переносного телефона в руке. Причину этого недовольства Александр узнал позже от самого звонившего. Оказывается тот, услышав в телефоне голос «симпатичной и страстной кубиночки», вспомнил сразу все свои познания в испанском языке, назвал ее с первых же секунд *mi chica bonita*<sup>29</sup> и предложил ей *besame mucho*<sup>30</sup> с элементами чуть позже «пертедте диспуэс».

– ¡Señor, es pare usted!<sup>31</sup> – проговорила тогда Эстела на одном дыхании и резко протянула телефон Александру, как будто хотела избавиться от этого гадости как можно быстрее. Тот взял его без лишних вопросов, хотя они у него были, так как мало кто звонил ему на городской телефон их испанского дома, и поднес его к уху.

– ¡Es Alexander, le escucho!<sup>32</sup>

– Чё, б...я? – в трубке послышался какой-то отдаленно знакомый голос и Александр, немного растерявшись, проговорил уже по-русски:

– Я вас слушаю.

---

<sup>29</sup> Моя сладкая девочка (исп.)

<sup>30</sup> Целуй меня сильно (исп.)

<sup>31</sup> Сеньор, вам звонят (исп.)

<sup>32</sup> Это Александр. Слушаю (исп.)

- Здорова, мужик! Здро-о-ва! Как твое ничего там в этом колумбийском вертепе?
- Кто это?
- Лёня это!
- Какой Лёня? – Александр так и не понимал, кто был тот, кто звонил ему.
- Ну блин! Лёня! Хачик Лёня!

Сердце Александра на мгновение замерло, но потом, сорвавшись, быстро заколотилось в груди. Он не слышал о Лёне долгое время и, по правде говоря, считал, что тот уже давно отправился в мир иной. Ему даже казалось, или, скорее, помнилось, будто кто-то ему говорил про то, что был на его похоронах и видел лежавшего в гробу Лёню. Он якобы улыбался и будто даже после смерти посылал всех «на х...й». Но вот Лёня звонил ему и это напрочь выбило его из привычной колеи его теперешней жизни.

– С днюхой тебя что ли, мужик! Не видел тебя уже миллион лет!.. Как живешь, чем дышишь?!

Александр растерялся от этого звонка настолько, что не ответил ему стандартным «спасибо» или чем-то в этом роде, а тихим голосом, будто всё еще не до конца уверенный в том, что он с ним разговаривает, спросил: «а ты разве еще не умер?», на что Лёна, нисколько в свою очередь не теряясь и не обижаясь, ответил: «да я вас еще всех мудаков переживу!»

Этот разговор между ними был за несколько месяцев до того, как Александр приехал в Россию и тогда они договорились о том, что он обязательно позвонит и договориться о встрече с Лёней как только снова приедет в Питер, на что Лёня пообещал «вломить ему п...ды, если он его обманет и поступит как последний п...рас». И Александр исполнил свое обещание во второй же день после прилета в Россию, за несколько дней то того, как началось то, чего он ждал с нетерпением весь год, а именно – охота.

Неординарность Лёни поражала любого с первых же самых строк знакомства с его непростой биографией. Свою кличку он получил в начале девяностых за то, что имея полное имя Федоров Леонид Николаевич, обладал настолько нетипичной для гражданина славянского происхождения внешностью, что азербайджанцы на рынке считали его за своего и обращались исключительно на своем родном языке. Лёня же крыл их трехэтажным русским матом, добавляя при этом, что «по-хачевски не понимает», чем получил себе кличку на всю оставшуюся жизнь. Откуда Лёне досталась такая внешность не мог сказать никто, даже он сам. Его отец был белокурым, мать шатенкой. Кто-то из их рода по материнской линии действительно был откуда-то с юга. Но это был толи дед, то ли даже прадед. На откровенные вопросы в свой адрес «как же, Лёня, так получилось», он лишь пожимал плечами и говорил, что, видимо, в жилах его течет кровь «Принца Персии».

Несмотря на их долгую дружбу, Лёня никогда не принадлежал к тем кругам, к которым принадлежал Александр. Он не пытался покорить мир, построить империю или вести войну с врагами на истребление. Его всегда интересовало что-то другое. Он жил какой-то своей особой жизнью, независимой ни от кого другого, но это совсем не означало, что жизнь его текла как по маслу. Лёня обладал огромнейшим талантом без чьей-либо помощи находить на свою задницу такие приключения, которые не снились даже армии генерала Паулюса той далекой русской зимой. Вообще, жизнь Лёни была целой чередой взлетов и падений. Иногда казалось, что Лёня забрался на такие высоты, с которых было даже сложно рассмотреть своих старых знакомых, но через несколько месяцев Лёня сидел уже в такой глубокой заднице, из которой, как этим же самым знакомым казалось, не мог его вытащить даже стотонный корабельный кран. Но проходило время, и Лёня снова восставал из пепла или дерьма как Феникс или как жидкий Терминатор из второй части, и снова продолжал свои козлиные прыжки по холмам и оврагам своей непростой жизни.

Они познакомились с Александром еще в конце семидесятых. Они учились на одном курсе. Правда сказать «учились» в случае с Лёней было бы не совсем корректно, вернее было бы сказать, что Александр поступил за год до того, как Лёню окончательно выгнали из Университета за появление в нетрезвом виде, драку с профессором во время лекции, систематические прогулы и, что самое страшное, за какую-то подрывавшую нравственные устои советской молодежи деятельность, которую Лёня вел и которая не очень сочеталась с идеями Мировой революции, так активно продвигаемой тогда в массы. Лёня тогда играл рок на квартирах и в подвальных клубах Ленинграда в составе группы «Звезды интернационала» и нередко их концерты оканчивались в обезьяннике, в одной клетке с алкашами и люмпен-пролетариями, которые, несмотря на господствующее положение в стране, тоже нередко умудрялись попадать в опалу властей. Впрочем, Лёня был тогда молод и всё это по его же собственным словам было ему тогда «по х...ю».

Наступил восемьдесят первый год. Александр к тому времени закончил Университет и уже работал. О Лёне он слышал изредка от общих знакомых, которые между делом говорили ему, что, мол, Лёня был там-то, делал то-то, загремел туда-то и на столько-то. Но однажды случилось что-то, что полностью изменило жизнь его старого знакомого. По крайней мере так думали тогда все, в том числе и Александр. Слава «Звезд интернационала» прогремела, вдруг, на весь Союз. Поговаривали, что причиной этого было то, что на одном из квартирников их заметил сам БГ и решил слегка помочь парням, замолвив на за ними пару словечек. Как по команде, бобины с их песнями стали популярны не только среди извращенцев, любивших их музыку, но и среди обычного рабочего люда. Из подвалов и квартир, с тараканами, алкашами и стучавшими по батареям соседями, они вдруг вылезли в концертные залы и начали выступать даже в известном тогда Ленинградском Рок клубе. Тексты их песен были по-прежнему понятны только избранным (к коим, кстати, Лёня не принадлежал, хотя почти все из них были написаны им самим), но они были смелыми и звучали как-то совсем современно. Что самое интересное, в отличие от многих рокеров тех времен, к «Звездам» вдруг стали благосклонно относиться и сами власти, не запрещая их больше и лишь изредка, чтобы не расслаблялись, поливали их говнецом в «Комсомольской правде» или какой-то подобного рода газетенке, в которой любой порядочный рокер тех времен только за честь бы посчитал быть политым.

В восемьдесят второму их слава достигла уже таких вершин, что о них говорили чуть ли не с таким же восторгом, как о Кобзоне и Пугачевой, они начали активно гастролировать по стране и несколько раз выступали даже в Афганистане перед ограниченным контингентом войск, исполнявшим там тогда свой интернациональный долг. Кто-то где-то дал отмашку и в одночасье газеты запестрили положительными статьями о них. «Молодые таланты», «Ударим гитарой по империализму», «Рок исполнители за мир», и «Леонид Ильич Брежнев лично поблагодарил...» Но вот тут-то и случился конфуз, который и явил собой первое сильное падение Лёни с пьедестала и немалую роль в этом сыграл, хоть и косвенно, как раз сам его великий тезка, никто иной, как Леонид Ильич, который некоторое время назад их якобы лично и благодарил. Непонятно почему и непонятно как, но выступая с брони танка в Кандагаре, Лёня вдруг исполнил какую-то совсем антивоенную песню и закончил ее такими словами, которые не то что вслух произнести, даже подумать в те времена было нельзя. Текст песни для многих остался тогда смутен, но последняя фраза последнего куплета не оставляла особого маневра для альтернативного понимания:

Я б отп...л сгоряча  
Леонида Ильича!

Это была первая серьезная капля, но она же оказалась и последней. После такого дефиле, парней «приняли» прямо в аэропорту Ленинграда. Говорят, чтобы не было излишнего ажио-

тажа, самолет специально привезли на другой терминал, где «почетных гостей» встречал чуть ли не сам глава местного Комитета Государственной Безопасности со словами «ну что, сучьи потроха, теперь мы вас п...ть будем!»

Наступили тяжелые времена для всех участников этого вокально-инструментального оркестра. Парням хотели приписать всё, что можно было только найти на страницах новейшей истории. Их обвинили и в государственной измене, и в попытке государственного переворота, и в оскорблении личности (еще и какой!), их обвиняли в сговоре с врагом, с «гнидой империализма, которая прокралась в ослабленные алкоголем умы безответственных подонков». Одного из членов группы, клавишника Ипполита Фролова, более известного как Фрол, обвинили даже в мужеложстве, но вскоре, правда, от этих обвинений отказались, поскольку буквально за несколько дней до этого в не менее уважаемом газетном издании была опубликована разоблачающая статья, в которой говорилось о том, что у Фрола чуть ли не в каждом городе, куда они ездили на гастроли, появлялись какие-то внебрачные дети от разных женщин.

Осенью положение парней ухудшилось еще больше. Народ требовал справедливой расправы над подонками. Колхозники со всех частей Союза писали в редакции газет гневные сообщения с призывом к правосудию, учителя и доярки требовали наказать их тяжелыми работами, металлурги из Магнитогорска просили сослать их куда-то на поселение, матросы Черноморского флота засадить в казематы какой-то там крепости. Ходили слухи, что сам Леонид Ильич настолько оскорбился этой глупой выходкой Лёни, что взял дело на особый контроль и якобы сказал, что пока он жив, эти твари будут сидеть. Дело выходило на финишную прямую. Говорят, в «Крестах» на них уже начали заполнять какие-то ведомости, а заведующих по хозяйской части запросил даже уже одежду для новых арестантов, которые сразу после выходных должны были поступить, но... наступило 10 ноября 1982 года и новый ветер, в этот раз несший какие-то легкие нотки свободы, подул откуда-то с горизонта.

Их не посадили. Их не сгноили в казематах, не сослали в Сибирь, не расстреляли у стен Петропавловской крепости. Но больше ни один клуб или концертный зал, каким бы значным он не был, не хотел брать на себя ответственность пускать их на сцену. Они организовали несколько квартирников, на которых было больше кэзбэшников, чем обычных слушателей, выступили один раз в актовом зале какой-то путяги где-то на ЮЗах (директора путяги, естественно, после этого уволили) и через год с небольшим окончательно развалились. Фрол стал водителем трамвая, Никита Бармалей учителем физкультуры в той путяге, где уволили директора, Эрнест Гимранов, по кличке «Че Гимрана» стал банщиком в бане на улице Корзуна, Лёня же пристроился лучше всех их – он просто забухал.

Так выглядела дорога, которая привела Лёню на самое дно. По своим же собственным словам, в те времена он «пил как черт, жрал как собака, а жил как свинья». Через некоторое время от него ушла жена с маленьким сыном и Лёня окончательно потерял связь со всем тем нормальным, что когда-либо было в его жизни. Несколько раз соседи по парадной вызывали наряд милиции, когда видели Лёню прогуливающимся в одних лишь резиновых сапогах с мусорным ведром по лестничной площадке. Несколько раз его увозили в вытрезвитель. Несколько раз насильно пристраивали на какие-то работы, с которых он убегал, а однажды даже уехал на гусеничном тракторе прямо через жилые дворы, за что получил пятнадцать суток. Эрнест Гимранов, по старой дружбе, помог ему пристроиться уборщиком в баню, но карьера Лёни закончилась в первый же свой день после того как Лёня, приняв беленькой с утра на грудь, вместо мужского отделения пошел убираться в женское и там, говорят, впал в дикий восторг от всего увиденного и стоял неподвижно в эрегированном состоянии до тех пор, пока его снова не приняли его «друзья» из соседнего отделения милиции.

К середине восьмидесятых видом своим Лёня напоминал больше какого-то домового из советских мультиков. Он был грязный, небритый и куда бы он ни ходил, дичайший аромат человеческих нечистот следовал за ним как единственный верный его друг. И вот однажды,

прогуливаясь в таком виде по набережной Красненькой речки в поисках пустых бутылок, которые можно было бы сдать и которые оставляли на берегах этой реки более успешные его коллеги-алкаши, он встретил своего старого знакомого, с которым вместе когда-то давно учились или просто виделись и который, проезжая мимо и не в состоянии больше терпеть, забежал туда по малой нужде.

– Как жизнь-то? – спросил его знакомый, выпуская в воздух победное «а-а-а-ах».

– Жизнь говно, – честно ответил ему Лёня, с какой-то завистью смотря на напористый поток здоровой, полной переработанными витаминами и питательными веществами мочи.

– Ты же в Универе тоже вроде как учился? – не то спросил, но то ответил знакомый.

– Учился, – с какой-то горестью ответил Лёня.

– Человек, значит, не глупый.

– Умным бы был, здесь бы не торчал, – честно признался Лёня.

– Хочешь работу?

– Хочу! – ответил Лёня, не особо даже интересуясь, что именно ему предлагали.

Этим знакомым оказался Александр, который к тому времени, кроме основной своей работы, как и все предприимчивые люди того времени, подрабатывал то там, то здесь, ибо за кордона уже тогда начинало пахнуть запахом свободы и капитализма.

Работа, которую Александр предложил Лёне, оказалась хоть и порядком более интеллектуальной, по сравнению со всем тем, чем он занимался в последние годы, да и всю свою жизнь, но отнюдь не легкой, как могло бы показаться человеку несведущему. Задача состояла в том, чтобы переводить американские фильмы, хлынувшие тогда потоком из-за границы с английского языка на русский. Лёня, как и любой советский гражданин, закончивший среднюю школу и даже заходивший пару раз в Университет, английский язык, конечно знал, но знания его ограничивались лишь фразами вроде «who is on duty today <sup>33</sup>». Но голод, отсутствие денег и сильное желание жить, сделали свое. Лёня согласился и почти сразу погрузился в свою новую работу с такой силой и энергией, что за сутки мог перевести (причем синхронным переводом) до пяти фильмов! Переводы его, конечно, не отличались особой художественной изысканностью и Рита Райт-Ковалева вряд ли сгорала от зависти, слушая его «иди сюда, твою мать, говно, ублюдок чертов», но то, что говорили про нее, можно было сказать и про Лёню. Фильмы в его переводе, зачастую, звучали гораздо лучше оригиналов. Обладая крайне слабым знанием иностранного языка, Лёня одной силой своего воображения умел поднять сюжетную линию и накал страстей до такого уровня, что даже самый дерьмовый боевичек с каким-нибудь там Сталлоне или Клинт Иствудом превращался в его переводе в «Крестного Отца» или даже «Лицо со шрамом».

К концу восьмидесятых Лёню было не узнать. Его бородка стала тоньше и аккуратнее, зад уже не вылезал из штанов, завязанных проводом, выданным на лестничной площадке, а был прикрыт модными джинсами марки Levi's, которые привезли ему из самой Америки; аромат же нечистот, его верный спутник последний лет, сменился тонким ароматом туалетной воды. К тому времени Лёня перестал ездить на общественном транспорте и передвигался теперь исключительно на Жигулях шестой модели, с какой-то импортной магнитолой, которая, хоть и не работала, но прекрасно радовала уже начинавший привыкать к комфорту глаз. В начале девяностых он снова попал в какую-то передрагу, в этот раз виной были валютные спекуляции. Милиция нашла у него несколько сотен долларов, которые были запрещены тогда в стране и несколько видеокассет с фильмами порнографического содержания, которые, как объяснил Лёня во время допроса, являлись всего лишь «учебными пособиями». Лёню снова хотели посадить, но снова исторический ход событий спас его от несправедливостей государственной системы. Наступил август девяносто первого и Лёня, будучи еще несколько недель назад

---

<sup>33</sup> Кто сегодня дежурный (англ.)

«врагом государства» и «онанистом», неожиданно для самого себя и всех окружающих, стал простым «предпринимателем» и «личностью, раскрепощенной в сексуальном плане». Вообще, начало девяностых были не лучшими временами для страны, но никак не для Лёни. Инфляция его особо не коснулась, так как за свою работу он получал в валюте. Жена его и сын жили где-то в другом месте и хоть Лёня по-прежнему чувствовал какое-то родство к своему отпрыску, он отдавал себя отчет в том, что он теперь находился на балансе какого-то другого мужика, следовательно, кормить его теперь было совершенно не его делом. В итоге скоро Лёня столкнулся с тем, что он получал денег гораздо больше тех, которые он мог потратить, и как единственный разумный выход из ситуации, он решил послушаться советов своего тезки Лёни Голубкова и вложить их всех в популярный в те дни финансовый институт под названием «МММ». Что стало дальше, понятно и так. Справедливость все-таки восторжествовала и Лёня, как и вся тогда страна, остался ни с чем.

Но жизнь его здесь не закончилась. Фильмы продолжали переводиться и неискушенный еще голливудскими новинками народ требовал всё больше и больше зрелищ. Лёня же, раздосадованный потерянными деньгами, со всей головой окунулся в работу, занимаясь иногда переводами по двадцать с лишним часов в день. Поддерживать себя при таком темпе с каждым днем становилось все сложнее и здесь он познал для себя чудодействующее воздействие психотропных веществ. Это действительно стимулировало его рабочий процесс, но также привело к неожиданному обратному эффекту – переводы стали становиться какими-то, мягко говоря, странноватыми. Так, например, в переводе мультфильма «Король Лев», почему-то несколько раз прозвучало «Хакуна Матата, сучьи дети», а дух короля Муфтасы, обращаясь с Симбе, называет своих недоброжелателей не иначе как «фраера» и упрекал их в том, что они «базарят слишком уж кучеряво». Всё было бы ничего, но фильм был предназначен для более юной зрительской аудитории, чем всё то, что он переводил до этого, и этот перевод вызвал гневную реакцию со стороны тех, кто ему платил (к тому времени это был же не Александр, так как его уже тогда интересовали вещи куда более высокого характера). Еще в одном фильме, который он переводил и который назывался «Апокалипсис сегодня», Лёня и вовсе заснул минут на двадцать. Когда же он проснулся, он слышимо зевнул и обратился к зрителю со словами «ладно, пойду поессу, всё равно пока ничего интересного». Но всё это были лишь мелочи и несмотря на все эти незначительные с художественной точки зрения огрехи, народ смотрел его переводы и работодатель, хоть и выражал недовольство, принимал его труды без каких-либо финансовых претензий со своей стороны.

Но новая слабость Лёни все-таки оказала негативное воздействие на его карьеру. Вскоре Лёня понял, что деньги в этом дивном новом мире можно было зарабатывать не только переводом фильмов, но и помогая кое-кому «банчить» там и здесь тем «дерьмом», на которое он сам нормально успел уже тогда подсесть. Деньги полились сплошным ручьем. Стодолларовыми купюрами он мог теперь не только снюхивать со стола белый порошок, но даже и подтирать задницу, что он однажды и сделал, за неимением другой бумаги в сортире. Теперь денег у него было столько, что он их даже не считал. Зачем? Лишняя трата времени, которое он мог бы потратить на что-то более полезное.

Но реальность оказалась чуть более жесткой, чем он предполагал, и однажды Лёня перешел дорогу каким-то большим и важным людям. Понял же он всю глубину того колодца с дерьмом, в котором оказался, только одним осенним вечером, когда по дороге из Сестрорецка, куда он ездил всё по этим же темным делишкам, дорогу ему перекрыли сразу три милициские машины. Сдаваться он не стал. Завязалась погоня со стрельбой, которая длилась общей сложностью больше часа. И когда милиционеры и сотрудники прочих ведомств, которые участвовали в этой охоте, вооружившись автоматами, пистолетами и огнетушителями, подбежали к лежавшей на крыше и начинавшей уже гореть машине Лёни, он, не обращая внимание на пламя, которое уже лизало рукав его куртки, спокойно закурил сигарету от лужи горевшего

рядом бензина и отправил «фараонов» куда-то в сторону хера. В тот день карьера начинавшего наркобарона была решена. Его под усиленным конвоем доставили в больницу, где несколько дней держали под капельницей, так как, по словам врача, кровью его можно было заправлять даже ракетные двигатели. Сразу оттуда его перевезли в какое-то новое место, где в течение нескольких дней, без сна и отдыха «работали» с ним, пытаясь выведать у него главное – куда он дел деньги, которые, они были уверены, он получил в Сестрорецке. Но на все их вопросы, Лёня говорил либо что-то совершенно непонятное, либо совершенно оскорбительное. Итог всех следственных мероприятий оказался хоть и зрелищным, но весьма скудным – сломав ему почти все пальцы на правой руке, выбив три зуба и оставив несколько сильных сигаретных ожогов, сотрудники органов вынуждены были отправить его уже в следующую инстанцию не получив совершенно ничего за свой труд.

Так Лёня оказался в тюрьме. Годы, которые он там провел, были не самыми приятными годами в его жизни, но и не и не самыми плохими. По крайней мере здесь он ел каждый день и не имел никакого доступа ко всей той дряни, которая, оставаясь он на свободе, несомненно, убила бы его очень быстро. Имея кучу свободного времени, Лёня начал сначала изучать английский язык и вскоре был сильно удивлен, насколько лишеными всякого смысла были сюжеты всех тех фильмов, которые он переводил. Казавшийся ему тогда чем-то божественным со своими красивыми актрисами и актерами, с дорогими виллами и дерзкими планами ограблений и побегов, голливудская киноиндустрия показалась ему теперь гнилым бессмысленным дерьмом. Он полностью разочаровался в ней и перекинулся на нечто другое – литературу о финансовых рынках, акциях, фьючерсах, опционах и прочих вещах, которые до этого слышал только в переводимым им фильмах, причем тогда он считал их исключительно ругательствами. Больше всего он был удивлен, что термин «бычья дивергенция», который он услышал в фильме «Уолл Стрит» с Майклом Дугласом не имел ничего общего с редким извращением, а означал что-то про падающий рынок. Однако, что в рынке может падать он так и не понял, поскольку единственный рынок, который он знал, Кировский (где он, собственно, и заработал свою кличку), по его воспоминаниям представлял из себя достаточно крепкую бетонную структуру, которая, в принципе, упасть никуда не могла. Впрочем, из этих книг главную вещь он все-таки усвоил – все эти бычьи дивергенции, все эти опционы, фьючерсы, акции, облигации и прочие неприличные к произношению в приличной компании вещи есть ничто иное, как инструменты, созданные с одной лишь целью – обманывать простой народ. Лёня же людей обманывать не любил и с негодованием начал пускать одну за одной эти книги под свои гигиенические нужды.

Вышел он на свободу уже в двухтысячных, в новой стране, с новыми правилами и новыми законами. Фильмы теперь переводили профессиональные переводчики, а дублировали не менее профессиональные актеры. С удивлением для себя он узнал, что теперь надо было переводить лишь то, что говорится в фильмах, а не вступать в диалог со зрителем. Здесь он невольно вспомнил пассаж из какого-то фильма, где была игра слов с английским словом «dick», что в переводе означало «половой член» и так же распространенное в Америке мужское имя (сокращенное от Richard). Лёня тогда старательно объяснил зрителям, что вся та сцена заключалась именно в игре слов «член» и имени главного героя.

Чем занимался Лёня многие годы после тюрьмы для всех оставалось загадкой, включая его самого. Он работал то в гараже каким-то механиком, то на какой-то спасательной станции красил какие-то лодки, то играл блюз на гитаре в каком-то злачном клубе, правда играл не долго, так как на одном из самых первых своих концертов разбил гитару о голову слушателя, когда тот сказал ему «полное говно, сыграй-ка лучше что-нить из Шнура!»

В конце две тысячи восьмого о Лёне вспомнили из-за рубежа. Его, как старого рокера, боровшегося с системой, вместе с какими-то личностями пригласили на какую-то конференцию либерального толка, организованную одним из представленных в России иностранных

новостных каналов. Лёня должен был рассказать изысканной публике свое мнение об ущемлении свободы слова в России и о проблемах людей нетрадиционной сексуальной ориентации, закончить же он должен был благодарностью в адрес развитых стран и Америки, во главе которой только что встал первый чернокожий президент (здесь он должен был подчеркнуть истинное проявление свободы). Но то, что могло стать переломным моментом для Лёни и открыть для него новую дверь, закончилось так и не начавшись. После интервью Лёне не только не заплатили за участие, как обещали, но, наоборот, обвинив в расизме и гомофобии, внесли его в какие-то списки, которые навсегда лишали его возможности получить визу (Лёня, правда, не очень понимал, что такое виза и за сколько ее можно будет продать). Впрочем, здесь был больше прокол со стороны либеральных друзей России. Они почему-то ожидали от опустившегося, жившего непонятно как и питавшегося непонятно чем человека готовности говорить всё, что скажут. Но желудок никогда не имел верха над принципами Лёни, и эта конференция либерального толка, как и тот далекий концерт в Кандагаре, закончилась дичайшим скандалом, в который оказались впутаны уже и «ниггеры» и «пидоры», и «обычные люди».

После этого Лёня недолгое время работал администратором в каком-то интернет казино. Вроде ему там даже всё нравилось, но когда закончился месяц и Лёня, потирая руки и строя планы на первый нормальный ужин за долгие месяцы, прибежал к хозяину сего заведения с протянутой рукой за зарплатой, хозяин вместо реальных денег заплатил ему виртуальными, проговорив при этом что-то вроде того, что, мол, бумажных денег скоро не будет, а виртуальные деньги это будущее, чувак, это следующий день. Впрочем, следующий свой день Лёня опять провел в кутузке, ибо поблагодарив от всего сердца своего заботливого работодателя за столь щедрый подарок, он тут же втащил ему своим волосатым кулачищем с набитой в тюрьме татухой «Лёня» (по букве на каждом пальце) прямо в левое ухо.

Последнее, что было слышно о Лёне, по крайней мере то, что слышал о «живом» Лёне Александр, проживая уже то в Испании, то в Америке, было то, что Лёня, одетый в костюм большого розового кролика, ходил по рынку Юнона и раздавал листовки, рекламирующие продукцию нанявшего его магазина. Но и здесь он удержался не долго, так как вжившись быстро в роль, вместе с листовками Лёня очень скоро начал раздавать в адрес молодых симпатичных девушек очень пикантные комментарии, что опять же спровоцировало ряд драк и не осталось без внимания правоохранительных органов.

К десятым годам жизнь Лёни продолжала катиться вниз. Снова голод стал его основным спутником в жизни, снова можно было заметить как Лёня с холщовой грязной сумкой совершал вечерний моцион по району, заглядывая в мусорки в поисках пустых банок и иногда даже чего-то съестного. И вот, наконец, случилось то, что всё это время так боялись его старые соседи. В один прекрасный день Лёня, уже поседевший и значительно постаревший, как в старые добрые времена, появился на лестничной площадке в чем мать родила и в прежних своих резиновых сапогах. Мария Петровна, его соседка напротив, женщина уже тоже далеко не молодая, которую уже было сложно напугать тем, чем пугал ее Лёня тридцать лет назад, лишь вздохнула и предложила ему отдать нижнее белье, которое осталось у нее от покойного мужа. Лёня поблагодарил ее за это предложение, но что-либо взять у нее отказался, сославшись на то, что никогда не брал чужое и что всё, что было у него в этой жизни, он заработал сам. На вопрос же Марии Петровны, что именно у него было, Лёня как-то неопределенно показал ни то на сапоги, ни то на то, что болталось у него чуть ниже пояса.

И вот однажды, уже в семнадцатом году, случилось то, что застало Лёню сначала врасплох, а потом полностью изменило полосу его жизни. В один летний ясный день, задерживая дыхание и как-то стараясь ничего не тронуть, чтобы не подцепить тараканов или клопов, в его квартиру вошла его бывшая жена Люся. С чувством ни то жалости, ни то отвращения, она села на скрипучий стул и рассказала ему про то, что их сын Игорь через неделю женится и что он, по непонятной ей причине, очень хотел бы видеть «биологического отца», то есть его, на свадьбе.

Люся принесла ему в пакете одежду, которую купила по дороге в каком-то дисконтере, которую он должен был, по ее представлению, надеть на это мероприятие. Когда же Лёня заметил ей, что одежда у него есть и так, Люся ответила, что по информации от Марии Петровны это не совсем так. «Ты меня любишь?», – зачем-то спросил ее Лёня, когда бывшая его жена была уже на пороге. Люся не ответила ему тогда ничего и даже не повернулась.

Тот вечер Лёня прибывал в каком-то одновременно возбужденном и мрачном состоянии. Этот день начинался для него так хорошо и безмятежно, кто-то оставил на мусоропроводе первого этажа почти еще целый и не сильно просроченный торт, который Лёня быстро принес себе домой и поставил в еле дышавший еще пока холодильник. Вечером он хотел съесть его, смакуя каждый кусочек и ностальгируя по тем временам, когда, бывало, он ел каждый день, да и не по одному разу. Но пришел вечер и с ним это дикое, сосущее чувство. Конечно он был рад за Игоря, за его будущую жизнь в браке, он был рад детям, которые появятся у него, то есть его внукам. Но проблема в том, что эти внуки уже никогда не будут его внуками. Они будут ее внуки – Люси, и этого хрена, ее второго мужа. А он... что он? Он не мог не то что купить подарок, а даже портки себе не мог купить. Он встал и медленно прошелся по квартире, осматривая потолок, стены, старый, трещавший, как будто в нем был дизельный двигатель, холодильник. Его взгляд, расстроенный и угрюмый, бегал по полкам, стенам, ящикам в поисках того, что можно было бы еще продать, чтобы получить хоть немного денег на подарок. Ладно подарок, хотя бы на цветы. Но ничего такого не было. Он видел лишь разбегавшихся в разные стороны тараканов, и оборванные обои, из которых вылезали желтые куски советских газет. Он добрался до книжного шкафа – Достоевский, Пикюль, Шолохов и как дикий стеб над ними всеми – «Великий Гэтсби» Фицджеральда. Он нагнулся чуть ниже, к деревянной шкатулке, в которой хранил он все бумаги. Он открыл ее – старые квитанции, открытки, переписка, фотографии. Он взял одну из фотографий. Там был он, Кинчев и еще какой-то парень, которого он видел тогда в первый и последний раз. Снимок был сделан какой-то зимой, где-то на Дворцовой, напротив Эрмитажа. Лёня перевернул фотографию и прочитал размашистый подчерк сзади: «Гуляли по центру. Зашли в туалет. Алиса!» Лёня долго держал эту фотографию в руках, будто по весу пытаясь определить, сколько за нее можно было получить. Наконец, он отложил ее в сторону и полез дальше. Переписка со Стругацкими, письмо от Довлатова со штампом New York Postal Service<sup>34</sup>, какие-то пожелтевшие от старости бумаги. Одна из бумаг привлекла его внимание и он долго, нахмурившись, рассматривал ее, вспоминая тот день, когда приперся домой злой и голодный из-за того, что тот придурок, имя которого он уже не помнил, кинул его на зарплату. Наконец он бросил ее в общую кучу, но потом через минуту снова достал, еще раз посмотрел, повертел в руках и положил рядом с отложенной для продажи в сторону фотографией. В конце концов, по дороге на Юнону, где он хотел предложить барыгам эту старую фотографию, он мог зайти в банк и спросить, могут ли они предложить ему хоть что-то за девять тысяч этих непонятных ему виртуальных монет с глупым названием «Биткоин».

Через неделю, когда нарядные гости в ожидании молодоженов собрались у дворца бракосочетаний Кировского района, более известному за свою форму как «Подкова», ко входу, странно дергаясь и как-то неумело цепляя колесом за поребрик, подъехал новый Мерседес S-класса с затонированными стеклами без номеров и с повязанным сверху на крыше бантиком, как бы намекавшим на то, что это подарочный экземпляр. Его мотор породисто звучал и из приоткрытого окна доносилось «Мое поколение» Кости Кинчева. Все собравшиеся невольно повернулись, в ожидании увидеть того, кто же вылезет из дорогой новой машины. Каково же было удивление Люси и ее мужа, когда дверь Мерседеса открылась и оттуда вылез слегка смущенный от неожиданного внимания, но улыбающийся уже белоснежной улыбкой Лёня. На нем был пиджак Ralph Lauren, светлые брюки Henderson и сверкавшие на солнце новые ботинки

<sup>34</sup> Почта Нью-Йорка (англ.)

Armani. На руке же его висели с еще с неукороченным под руку браслетом часы марки Breitling Transocean и даже с какой-то еще биркой. Лёня не спеша подошел к задней двери автомобиля, открыл ее и достал оттуда сначала огромных размеров корзину с цветами, а потом пакет с одеждой, которую неделю назад принесла ему Люся. Среди ожидавших воцарилось полное молчание, и когда через несколько секунд дверь ЗАГСа открылась и оттуда, держась под руку, вышли молодожены, на них уже никто не смотрел. Взгляды поздравлявших были обращены на этого странного типа с аккуратной бородкой, смущенной улыбкой, в дорогой одежде и с большим букетом цветов, который он с трудом удерживал на весу.

– Ты где это всё украл? – спросила его Люся, всё еще бледная и с дрожащими губами, когда он подошел к ней.

– Азино «Три топора», – честно признался ей Лёня, и тут же протянул ей пакет с одеждой, – на, не пригодилось!

– Кто это? – то первое, что спросила невеста жениха.

– Это... батя... – не то утвердительно, не то вопросительно ответил он ей.

– Ты же говорил, что он алкаш!

– Видимо сдал бутылки, – как-то неуверенно подметил он ей и слегка подвинул рукой в сторону фотографа, который, загородив им путь, почему-то начал фотографировать не их, а этого странного мужика и дорогой автомобиль рядом.

Но такой кипишь продолжался недолго. Лёня, не надеясь на помощь бывшей жены, которая стояла рядом с открытым ртом и хлопала глазами, бодрым голосом, точно таким же, каким он заканчивал в том далеком восемьдесят втором под гитару последний куплет песни с брони танка в Кандагаре, заявил, что он отец этого замечательного молодого человека и что не пора ли теперь им всем поехать куда-нибудь и нажраться в дикую свинью. Кто-то один захлопал в ладоши и вдруг вся остальная толпа поддержала аплодисментами это предложение. Вскоре гости отправились в ресторан и когда началась очередь подарков и к молодоженам потянулась вереница поздравляющих с конвертиками, Лёня поздравил их целым кожаным чемоданом, который, как показалось всем, слегка даже округлился по середине. И вот в этот самый момент сердца интеллигентных родителей невесты окончательно растаяли. Именно тогда они поняли, что они уже не против этого брака и что, конечно, хоть у жениха и есть свои слабости (куда же без них), человек он крайне интересный и даже, в каком-то смысле, перспективный.

Лёня же, несмотря на всё то количество алкоголя, которое он влил в себя, временами чувствовал себя всё равно как-то неловко. Временами выработанное десятилетиями чутье того, что его вот-вот попросят по старому обычаю «на хер» одолевало его с такой силой, что он начинал теревить свои еще с неснятой биркой часы на руке, пытаясь в этом неживом объекте за восемьсот тысяч рублей получить для себя хоть какую-то поддержку. Когда же дело дошло до очереди тостов и Лёня, под звуки аплодисментов, неловко вышел в центр зала, ему вдруг показалось, что костюм его сшит слишком не по форме, что часы его слишком дешевы, что бородка и прическа слишком неаккуратны. Какое-то паническое чувство страха охватило его настолько сильно, что он с минуту простоял в полной тишине, как-то неуклюже качаясь взад и вперед на своих ботинках и лишь в самом конце, когда тамада, понимая, что мужику надо помочь, подошел к нему, Лёня, наконец, собрался силами и выдал из себя громко и надорвано: «Молодец сынок, зае...сь бабу нашел!»

Через несколько дней они снова встретились с Люсей. В этот раз это было в каком-то дорогом ресторане где-то на Невском. Она пригласила его и выбрала ресторан. Она же заказала за них двоих – бутылку вина, суп, какие-то фирменные бараньи ребрышки от шеф-повара и большую тарелку салата. Отпив вина, Люся взяла его сухую с выступавшими венами руку в свои пухленькие две ручонки и тихо сказала ему: «да». «Что да?» – спросил ее тогда Лёня, вытирая по старой привычке рукавом (в этот раз костюма Ralph Lauren) губы и искренне не понимая, о чем, вообще, шла речь. «Я всё еще люблю тебя, – ответила она ему с каким-то

придыханием в голосе и опустила глаза вниз, на стол, – и... и если ты захочешь, я... – здесь она взяла долгую паузу, – я вернусь к тебе». Лёня помолчал несколько секунд и вдруг безо всяких колебаний ответил ей: «да на хер ты мне теперь нужна». Люся вздрогнула, будто уколотая тонкой иглой и тут же крупные слезы покатились из ее глаз. Лёня же, залив без ложки остатки супа себе в рот, отрыгнул, кинул на стол скомканную пятитысячную купюру и вышел из ресторана. На входе стояли дорогие машины, но Лёня пробежал мимо них и успел прыгнуть в последнюю дверь троллейбуса, идущего к метро. Сквозь стекло он еще некоторое время видел мрачное лицо Люси, которая продолжала сидеть неподвижно и смотреть на положенную перед ней купюру. Вскоре официант принес ей счет. Он был на четыре тысячи девятьсот с чем-то рублей. Лёня угадал с суммой. И это было не случайно. Они никогда не переплачивал проституткам больше, чем стоили они на самом деле.

Возвращаясь в тот вечер из ресторана, Александр думал о Лёне и о всей его нелегкой, но насыщенной жизни. Еще утром он думал, что Лёня пробудит в нем какую-то жалость. Перед тем как приехать в ресторан, он даже остановился перед банкоматом, чтобы снять немного денег, в общей сложности пару тысяч рублей, причем мелкими купюрами, для объема. Он почему-то был уверен в том, что Лёня (хоть до этого он никогда и не просил его об этом) позвал его лишь для того, чтобы поесть за его счет и попросить у него денег в долг. Но опасения его не оправдались. Приехав в ресторан, он встретил там человека, совокупное состояние которого, после продажи всех биткоинов, превышало его состояние. Это оставляло в душе Александра какое-то чувство странной зависти и какого-то иронического фатализма, смеявшегося в лицо одновременно и жизни, и смерти. Даже в своих самых диких мыслях он не думал о том, что когда-нибудь наступит такой день, когда он будет завидовать состоянию Хачика Лёни. И вот такой день наступил.

Но Лёня был Лёней. И американские горки судьбы продолжали нести его вперед по всем своим виражам. Уже прощаясь, Лёня обмолвился о том, что теперь, имея все эти деньги, он стал чаще думать о высоком и что теперь он даже является почетным членом каких-то религиозных организаций. «Сайентологии или Свидетелей Иеговы?» – спросил его в шутку Александр. «И тех и тех и... и еще пары тройки других», – с какой-то гордостью объявил Лёня и Александр, хоть и не смог удержать смех, решил не развивать эту тему дальше. В конце концов Лёню переубедить было невозможно. Да и, честно признаться, не очень-то ему и хотелось осознавать, что этот парень вдруг стал богаче его.

Пребывая в этих мыслях, как-то незаметно для самого себя, он вдруг оказался в новых кварталах старого района. Высотки медленно проплывали за окнами автомобиля. Он рассматривал их сквозь опущенное стекло, вдыхая влажный и холодный воздух, пропитанный запахом цветущей черемухи и сирени. В этих кварталах при этих же самых ароматах, прошло его детство, его юность, здесь прошли первые годы его взрослой жизни. Он не был в этих краях уже много лет и был удивлен тому, насколько быстро всё может измениться. Гигантскими каменными глыбами выросли вдоль залива новостройки. Там, где некогда пацанами купались они в озере, теперь стояли огромные жилые массивы, которые были настолько высокими, что цепляли крышами низкие облака. Там, где были леса, выросли торговые комплексы, а на том поле, где когда-то давно пускали они воздушных змеев, стоял теперь высокий синий забор, на котором очередная строительная компания рекламировала свой очередной жилой комплекс.

Он доехал до залива и развернулся. Машина быстро понесла его в сторону ЗСД, с которого он должен был съехать на кольцевую и двинуться к Приморскому шоссе. Но на Автомобильной улице, вопреки указаниям навигатора, он вдруг повернул влево, в сторону Красненького кладбища. В конце концов, сегодня был день, когда он вспоминал свое прошлое. А прошлое его и это кладбище были неотделимы.

Это было единственное место во всем этом районе, которого, казалось, не коснулись изменения – всё те же покосившиеся кресты, всё те же деревья, те же пластмассовые покрытые многолетней пылью венки. Мертвым не нужны были ни жилые массивы, ни новые развязки автодорог, ни возвышавшиеся на десятки метров вверх рекламные плакаты. Здесь всё было как тогда, как двадцать с лишним лет назад, когда он, вернее они, нередко бывали здесь, оставляя за красной каменной оградой кого-то из своих.

Могила Косого. То первое, что он увидел. Это был его приятель со двора. Он получил эту кликуху за то, что левый его глаз или правый (он не помнил это уже за давностью лет) смотрел куда-то в сторону. Тогда почти у всех у них были кликухи. В той жизни, в той переходной эпохе, когда старое было разрушено, а новое еще не создано, у них не было имен, будто даже сами имена, как какой-то архаизм, уходили в прошлое, подобно учениям великих идеологов марксизма. Он помнил, как хоронили они его. Как стояла над гробом его поседевшая за несколько дней мать. Через несколько недель после похорон умер и его отец, он так и не пришел в себя от своего затянувшегося после смерти сына алкогольного опьянения. В тот день пуля, выпущенная кем-то из этих ублюдков с Форели <sup>35</sup>, пробила не просто сердце одного человека, она завершила собой целую семью. Но они не остались в долгу, и дальше, по этой же аллее, ближе к железнодорожным путям, лежали те, кто посмел встать у них тогда на пути.

Александр медленно продвигался вперед по этому музею потерянных судеб. Чуть дальше, за почерневшим крестом какой-то умершей еще в пятидесятых годах женщины, стояла надгробная плита Слона, а за ним виднелась могила Дрища. Он хорошо помнил тот день, когда их обоих не стало, помнил не потому, что это были близкие его друзья, которых он не мог забыть, а потому что в тот день он был с ними, был у Юноны, где черномазые устроили им засаду. В тот день они лишились двух своих бойцов и всё из-за того, что тугой на голову Слон решил без его ведома засунуть свой хобот туда, куда засовывать его явно не следовало.

Он дошел почти до конца аллеи, рассматривая знакомые могильные плиты, каждая из которых, как древние свертки папируса, хранила в себе какую-то мрачную историю. Его прежняя жизнь и то, кем был он сейчас. Кем стал. По прошествии всех этих лет ему уже казалось, что между этими эпохами была зияющая чернотой пропасть. Но кем именно он стал? Кем-то лучше или хуже? Он сделал глубокий вдох и на мгновение закрыл глаза. Он вспомнил улыбку Кати и громкий смех его детей в рыжих лучах теплого испанского солнца. В конце концов, может и не так плохо, что его лихая молодость осталась позади?

Он дошел до конца аллеи, развернулся и быстрыми шагами пошел к выходу. Но на параллельной дорожке, на той, по которой он сознательно не хотел идти, он вдруг заметил немолодого мужчину, который сидел рядом с одной из могил и старательно выдергивал с ее поверхности траву. Это был не первый человек, который попался ему сегодня на кладбище. В нем не было ничего особенного, и он не обратил бы на него никакого внимания, если бы не одна странная вещь – могила, на которой он был и которую так усердно очищал от травы, была ему хорошо знакома. Именно из-за нее он хотел обойти это место стороной, хотел потому, что всё, что было связано с ней и с тем, кто лежал под ее тяжелой каменной плитой уже несколько десятков лет, тревожило его мысли даже спустя все эти годы.

Но что это был за человек? Знакомый или просто какой-то альтруист, решивший сделать доброе дело? Александр захотел понять это и, замедлив шаг, начал изучать его со спины, делая вид, что рассматривает что-то среди крестов и плит. Человек же вскоре выпрямился, полил из пластиковой бутылки водой себе на руки и неспешно двинулся к выходу. Заметив Александра недалеко от себя, он как-то бессмысленно посмотрел на него, посмотрел так, как, наверняка, посмотрел бы на любого другого, кого встретил бы в этот момент на кладбище. Это был седой немолодой мужчина, почти даже уже старик. На вид ему было семьдесят с чем-то. Он был одет

---

<sup>35</sup> Неофициальное название одного из микрорайонов на юго-западе Санкт-Петербурга

просто – в брюки и какую-то серую рубашку, поверх которой была надета поношенная темная куртка. На плече его висела сумка, из которой торчала ручка изогнутого зонта. Александр не знал его, но на мгновение ему показалось, что где-то, когда-то давно, он уже видел это лицо. Но присмотревшись внимательнее, он понял, что скорее всего ошибся.

Мужчина неспеша вышел на аллею, и слегка прихрамывая, зашагал в сторону выхода. Александр оставался неподвижным. Он дождался, когда мужчина скроется за кустами, быстро оглянулся, и с каким-то особым напряжением свернул с центральной аллеи в сторону той могилы, у которой этот мужчина только что был. Здесь всё было так, как и тогда – простая гранитная плита, на которой небольшими позолоченными буквами были высечены два имени с разными датами рождения, но с одинаковой датой смерти. Никаких надписей, никаких рисунков, никаких фотографий. Но эта плита, оградка вокруг нее, посаженные в небольшой клумбе цветы. Всё выглядело очень аккуратно и опрятно. Невольно вспомнилась могила Слона, у которой он был за несколько минут до этого. Могила Слона, заросшая травой и каким-то кустами, с запачкавшимися, выцветшими на солнце искусственными цветами, была заброшена уже долгое время. Никто не следил за ней, никто не любил этого парня ни при жизни, ни при смерти, но та могила, перед которой стоял он сейчас... За ней явно следили, и даже больше – теперь он увидел того, кто это делал.

Он догнал этого мужчину уже почти у самых ворот. Тот остановился на выходе, залез в потертую сумку и начал в ней что-то искать. Александр нагнулся и начал завязывать ботинок, исподлобья бросая взгляды на свой объект слежки. Через несколько секунд тот извлек из сумки пустую пластиковую бутылку, выбросил ее в урну и так же неспешно двинулся в сторону парковки. Александр быстро подошел к урне и на секунду остановился. В этот момент ему почему-то захотелось залезть в урну и достать то, что бросил он туда. Но он с отвращением погнал от себя эту мысль. Как надо было опуститься, чтобы делать это? Да и ради чего? Какой-то неизвестный мужик, явно не из богатых, выбросил какую-то дрянь в урну и он, Александр, ползет туда?! В эту кладбищенскую грязную русскую урну? Но кто этот мужик? Детектив? Шерлок Холмс? Тот, кто лежал в этой могиле, лежал там уже много лет и всё, что было с ним связано точно так же было похоронено уже давно за этим большим красным забором. Но это странное сообщение неизвестно от кого, сообщение, которое связывало его прошлое и настоящее, снова всплыло в его сознании и слабые морщинки появились на его накаченном ботоксом лбу. Может таинственным его отправителем был как раз он? Он вздрогнул от этой мысли, от этого воспоминания, а может от того, что мужчина, дойдя до старого серебристого Опеля, повернулся и второй раз за сегодня их глаза встретились. Впрочем, во взгляде его по-прежнему не было ни любопытства, ни удивления. Он посмотрел только потому, что у него были глаза, только по тому, что взгляд его, пока он копался в карманах куртки в поисках ключей, бегал по серому пространству дождливого вечера. Но вот он нашел ключи, открыл машину и сел в нее. Через несколько секунд фары зажглись и Опель, слабо поскрипывая старыми амортизаторами, медленно проехал мимо Александра. «С174РА 78», – прочитал Александр номер автомобиля и эти цифры и буквы вертелись у него на языке до тех пор, пока он не вытащил мобильный телефон и не вписал в него этот номер.

## 9.

Мерседес свернул во двор и остановился у первой парадной. Диана опустила окно и стряхнула на асфальт пепел с тонкой сигареты. Она опоздала на восемь минут, но его всё еще не было. Она вышла из машины и посмотрела по сторонам. Двор был пуст. Какая-то злость забурлила внутри нее, но она сразу смогла погасить ее в себе. Чего она не смогла, так это объяснить себе, как такое вообще могло быть. Она приехала за ним на машине, приехала с центра города к самому его дому, может даже к самой его парадной (она не знала в какой именно парадной он жил), но его не было! Он еще одевался, может еще ел, может даже спал! Как можно договариваться о встрече с девушкой и опаздывать, особенно когда единственное, что тебе нужно сделать, это всего лишь спуститься вниз?! Как можно быть таким «бараном»?! Она взяла телефон и полезла в записную книжку, желая найти его телефон и позвонить, но в этот момент где-то скрипнула дверь и через несколько секунд, похожий больше не на охотника, а на какого-то бойца иррегулярной армии, одетый в штаны и куртку зеленого цвета, из двери парадной вылез он. Диана натянула улыбку на лицо и сделала несколько шагов в его направлении. Ксеноновые фары подсвечивали сзади ее стройное тело.

– Проспал, блин! – с ходу, не доходя до нее метров десять, выпалил он. – Поставил будильник на телефон и его на кухне забыл, прикинь?! Вот... блин... осел! – он подошел вплотную к Диане и поставил к ее ногам какую-то коробку в пакете, которая при соприкосновении с асфальтом загремела звуком множества бутылок. Это было уже слишком и та улыбка, которую Диана смогла держать на лице те несколько секунд их встречи, испарилась практически моментально.

– Что... это?..

– Пивчага! – он пнул коробку ногой, видимо, чтобы показать, что не врет, и она ответила ему жалобным звоном. – Пиво! – повторил он, восприняв ее молчание как непонимание первого слова.

– Ты взял с собой коробку пива?

– Думаешь мало? – он посмотрел на нее удивленно и даже как будто с испугом. – Ну давай еще полтораху купим, если хочешь. Тут магазинчик есть недалеко, продают... собственно, в любое время.

– Хватит! Этого... нам... хватит. Я, если честно, вообще не хотела, чтобы ты с собой брал что-то из напитков...

– Да ты чё?! Какая охота и рыбалка без пива! Прикол что ли?..

– Поехали! Нам пора! – она подошла к машине и у двери, через силу, улыбнулась. – Мы и так уже опаздываем!

– Ну так я ж только за! – он быстро обошел машину, открыл багажник и бросил туда все свои вещи, включая снятую с плеч куртку. Коробку же с пивом он предусмотрительно положил сзади на сиденье. Диана недовольно покачала головой, рассматривая всё это в зеркало заднего вида. Но когда пассажир занял свое место, даже несмотря на резкий запах пота, наполнивший вмиг салон, на лице ее снова была улыбка.

Они выехали из города ближе к шести утра и уже к половине седьмого миновали всю транспортную суету, которая так или иначе существует в большом мегаполисе даже в самое раннее время суток. Перед ними открывалась почти пустая дорога. Лишь временами им попадались на пути грузовики, везущие контейнеры или какие-то строительные материалы, да садоводы-любители, машины которых больше напоминали передвижные теплицы, нежели транспортные средства. Диана ехала быстро. На обгонах стрелка спидометра заваливалась за сто семьдесят километров в час. Впрочем, пассажир ее насчет этого особо не беспокоился. Пер-

вые несколько минут он вел себя как-то напряженно, что Диана частично приписывала своей агрессивной и немного неженской манере езды, но потом, пробурчав что-то неразборчивое себе под нос, он повернулся и вытащил из коробки, которая лежала на заднем сиденье, бутылочку «Степана».

– Не против? – из учтивости спросил он у нее. Она, естественно, хотела возразить, но прежде чем губы ее успели что-то сказать, она услышала шипение открывшейся пробки и вскоре запах пива распространился на весь салон.

– Конечно нет, – проговорила она без особого удовольствия, впрочем, и без злобы. Перевоспитывать человека, которому было за тридцать, не входило в ее интересы. Да и, тем более, перевоспитанный человек это уже совершенно другой человек, а это им уже совсем было не нужно.

– Клевая у тебя тачка! – он поудобнее устроился в сиденье и расстегнул ремень безопасности. – Только вот не могу ехать с этой херней... фигней, – поправился он, – натирает... соски вот тут, потом болеть будут – он показал на себя рукой. Диана повернулась посмотреть и в этот момент заметила, как пена из открытой пивной бутылки капала вниз. Впрочем, она капала не на сиденье, а ему на футболку, что было еще хоть как-то терпимо. – Сколько разгонялась на нем?

– На ком? – не сразу поняла она вопрос.

– Ну на Мерене.

– А, ты про это. По ЗСД ехала как-то двести сорок, но это уже опасно. Может попасться какой-нибудь болт, который отвалился от предыдущей машины, и такая езда может плохо закончиться.

– Болт попасться может! – он как-то глупо хихикнул, но тут же остановился. – Слышь, а дашь мне покататься дэшку? Ну не тут, естественно! – начал успокаивать он ее, заметив мгновенный испуг в ее лице, – тут менты и машины. Там где-нибудь, ближе к этой... деревне твоей. Ну так, малость! Так просто километр – два, не знаю, так, чисто попробовать туда-сюда.

– Ты же выпил, как ты хочешь сесть за руль?! – удивилась она.

– Чё я выпил-то? Пол банки это что выпить? Послушай! – он наклонился над ней и она почувствовала запах пива и несвежего дыхания на своей щеке, – мы никому не скажем, ну... или боишься, что я разобью ее? Хочешь, на колешки ко мне, впрочем, – он вдруг будто сам смутился сказанному, – лучше рядом пока... А вожу я нормально, на самом деле, ну там были пару аварий, но это так, не по моей вине. Бухим меня, кстати, поймали один раз только, но я так... на месте всё порешал. Да и чё ты боишься?! Права-то отнимут у меня, у тебя... впрочем, у тебя тоже отнимут, – заключил он, видимо вспоминая какие-то пункты из своей личной водительской практики.

– Давай на обратном пути, хорошо? – Диана улыбнулась. – Не пей только перед выездом и я дам тебе порулить.

– Договорились! Договорились! – он вытянул руку и Диане показалось, что он хотел обнять ее, и, не дай бог, даже поцеловать, но нет... рука его резко изменила траекторию и направилась к задним сиденьям, обратно она вернулась уже с новой бутылочкой «Степана Тимофеича».

Часы показывали немногим больше двенадцати, когда он в очередной раз попросил ее остановиться.

– Это уже четвертый раз! – с нескрываемой досадой проговорила она.

– Да ладно, чё ты! Уж лучше там, чем здесь! – он как-то нервно дергал обеими ногами, отчего ботинок его задевал за пустые бутылки, валявшиеся внизу, заставляя их слабо позвякивать. – Вон тут, тут останови! – он ткнул пальцем в знак, предупреждавший, что вскоре будет съезд с главной дороги на второстепенную.

Диана послушно притормозила и съехала на обочину в нескольких метрах от того места, где начиналась сельская дорога. Пассажир в считанные секунды оказался на улице. Быстрыми шагами, а потом и вовсе бегом, удалился он по этой дороге куда-то в лес.

«Кретин...» – процедила Диана сквозь зубы. Она достала из пачки сигарету и закурила ее. Табачный дым наполнил салон, вытесняя хотя бы частично из него запах пота и пива. Она включила на максимум обдув, желая за это короткое время удалить хотя бы на несколько минут все эти мерзкие запахи из салона машины, которые, казалось, уже успели въестись даже в обшивку нового автомобиля. Через минуту появился он.

– Слушай, у тебя есть бумага?

– Зачем? – Диана настолько растерялась этому всякому отсутствию такта, что этот глупый вопрос как-то вылетел у нее сам по себе. – Нет! – ответила она почти сразу, не дожидаясь ответа. – Салфетки могу дать, если что...

– Да, давай, давай! – он быстро подскочил к водительскому окну и буквально вырвал нераспечатанную пачку салфеток у нее из руки и снова бегом удалился в лес.

– О боже! – Диана провела рукой по лбу, на котором, даже несмотря на работу кондиционера, начали появляться капли пота. От всего этого у нее пропало даже желание курить и она запихала недокуренную сигарету в пепельницу. Запах пота и пива в салоне так и остался, он будто въелся в кожаные сиденья и приборную панель, от этого запаха у нее начинала даже болеть голова.

Через несколько минут пассажир возвратился. Разорванная пачка с салфетками была у него в руке. Из нее, скомканная, наполовину вылезала одна из салфеток.

– Спасибо! – он протянул ей пачку и ей показалось, что в салоне добавились какие-то новые неприятные ароматы. Диане становилось дурно. Слюна начала выделяться у нее во рту, первый признак приближающейся рвоты. Она быстро вытащила из кармашка водительской двери пластиковую бутылку Evian и сделала несколько небольших глотков. Ее отпустило. Но вид салфеток, особенно не до конца использованной, которую он старательно засунул обратно, снова начал выворачивать наружу ее желудок.

– Оставь, пожалуйста, у себя!

– Да, а мне больше не надо!

– Тогда положи в дверь! – она попыталась сказать это мягко, но мягко не получилось. Голос ее прозвучал резко, в нем чувствовалось отвращение, которое уже невозможно было скрыть. Она боялась, что он обидится, но, что удивляло ее уже не в первый раз общения с ним, он не только ничего не заметил, но, наоборот, совершенно спокойно, со свойственным ему специфическим юмором, воспринял ее слова.

– Ну да! А то прихватит еще! Понос ведь он, как говорится, быстрее мысли. Не успеешь подумать – а уже полные штаны... – он снова засмеялся и в этот момент Диана почувствовала, что обильное слюновыделение у нее во рту снова возобновилось.

– Поехали, нам надо спешить!

– Поехали! Поехали! – он потянулся за новой бутылкой, но Диана остановила его.

– Оставь! Давай потом, пожалуйста. Давай мы доедем, а там мы уже все вместе соберемся и выпьем. Мне надо представить тебя своему папе, а он к алкоголю относится сдержанно.

– Не, ну нет, так нет! – его лицо было уже совершенно красным. На нем двумя светлыми точками виднелись глаза. Он будто слегка обиделся и некоторое время молчал. Впрочем, так продолжалось не долго.

– Подшитый?

– Что, прости?

– Батя твой подшитый, говорю? Ну, алкоголь там ему нельзя что ли пить?

– Нет! – Диана нахмурилась и покачала головой. Ей даже в голову не могла прийти мысль, что о ее отце кто-то мог подумать такое. – Он и сам может выпить, просто он делает это не так часто. Но сегодня вечером, я думаю, он будет не прочь.

– Ну ладно, как скажешь, подождем! – он бросил какой-то грустный взгляд на стоявшую коробку пива на заднем сиденье и откинулся в кресле. Когда через несколько минут Диана снова повернулась к нему, она увидела, что он сидел с откинутой головой и с открытым ртом из которого доносилось тяжелое дыхание. Он уже спал.

Они приехали к озеру ближе к трем часам дня. Погода окончательно разгулялась и те редкие облака, которые видели они на выезде из города, полностью исчезли со светло-синего неба. Температура на дисплее бортового компьютера продолжала повышаться и когда они подъезжали к концу своего маршрута, уже достигла двадцати шести градусов.

– Приехали! – громкий голос Дианы разбудил его.

– Куда? – он вздрогнул и на его заспанном, но всё еще красном лице отпечталось непонимание. Видимо количество пива, которое он выпил, не до конца отпустило его и рассудок его всё еще находился в подавленном алкоголем состоянии. Но реальность быстро пришла к нему, когда он приподнял свое тело над сиденьем и ноги снова нервно запрыгали по полу автомобиля.

Их уже ждали. У покосившейся полусгнившей пристани качалась на волнах две надувные лодки. Одна большая, с козырьком, защищавшим находившихся в ней двух людей от палящего солнца, вторая без козырька и чуть меньше. Обе были с моторами. Машина сделала небольшой круг по поляне и остановилась рядом с большим черным внедорожником. Диана повернулась к пассажиру и хотела что-то сказать, но не успела. Лишь только машина остановилась, пассажир, будто в штаны ему залетела оса, выскочил из нее и побежал куда-то к пристани. Оба сидевшие в лодке мужчины приподнялись и с удивлением посмотрели на него. Один из них, видимо, настолько напугался таким странным поведением гостя, что рука его коснулась карабина, который лежал у него в ногах. Но пассажир не добежал до них. Увидев людей, которые с удивлением и испугом рассматривали его, он выругался, резко повернулся и побежал совершенно в другую сторону, к высоким кустам малины. Послышался треск, мат, ругань и вскоре журчащий звук струи, который был настолько громким, что заглушил щебетание кузнечиков и пение лесных птиц.

– И что всё это значит? – спросил один из сидевших в лодке другого. Он не отрывал своего напряженного и удивленного взгляда от трясущихся кустов. Это был Александр.

– Пописать захотел, видимо, мальчик, – ответил ему, тихо хихикая, второй. Это был Миша.

– Совершенно нормальное для него поведение, – подключилась к начавшемуся разговору подошедшая к ним Диана. Ее лицо выглядело измученным и уставшим. – Судя по тому количеству пива, которое он выпил, это далеко не последний его раз!

– А-а-а-а! – послышался удовлетворенный стон из кустов, потом какая-то неразборчивая речь, потом снова треск и вскоре на полянку из кустов вылез мужчина. Нисколько не смущаясь, он на ходу застегнул ремень штанов и двинулся к ожидавшим его. Диана хотела представить его родственникам, но он опередил ее.

– Андрей! Можно Андрюха или Дрон! – протянул он руку, которую, соблюдая правила своего собственного этикета, демонстративно перед этим протер о футболку. Миша и Александр, изумленные таким представлением, молча и без движения смотрели на этого типа. Такое видели они в своей жизни не часто. Неудобную паузу прервала, наконец, Диана.

– Это Михаил, мой дядя! – показала она на ближайшего, сидевшего к пристани, человека. Миша как-то осторожно протянул ему свою пухлую руку и Андрюха схватил ее с такой силой,

что Миша невольно пискнул от боли. – А это мой папа, Александр! – показала она на второго мужчину.

– А-а, батюня! Как жизнь?! – Андрей протянул руку и папе.

– Хорошо, очень даже хорошо! – Александр приподнялся в лодке, но вместо того, чтобы пожать руку Андрею, лишь хлопнул молодого человека по плечу. – Как дорога?

– Нормально, без пробок, – ответила Диана.

– Блин, растрясло меня на этой дороге, начальник, так, что аж живот прихватило. Но это так... просто дорога дерьмо какое-то. Огоньку не будет? – в его губах вдруг оказалась сигарета. Миша поспешил достать из нагрудного кармана зажигалку и подать ему.

– Ты был когда-нибудь до этого на охоте, Андрей? Не против, что на «ты» сразу? – поинтересовался Александр.

– Да не, не против, конечно, командир. Я ж всё понимаю, возраст там и всё такое! – клубы дыма повалили вместе со словами из губ Андрея. – Меня, собственно, на вы никто и не зовет! Тебя, кстати, как величать-то, а то я чё-т упустил, – Андрей сплюнул в сторону и уперся взглядом, в котором показалось что-то баранье, в Александра.

– Меня – Александр. Можно без отчества, но лучше все-таки на «вы». «Возраст», как ты правильно подметил, и «всё такое»! – он снисходительно улыбнулся. – Впрочем, что насчет охоты?

– А чё насчет охоты?

– Ходил до этого?

– А! Не! Не был никогда. Да я вообще не по этой части немного. Мне бы так – рыбалочка, пивка там с друзьями под шашлычок. На охоте именно с ружьями там – не, не было. Но всему можно научиться, как батька говорил, царство ему небесное. Чё там сложного-то – сначала целишься, а потом просто стреляешь!

– Ну вот как раз целиться-то, да и стрелять – вот это и сложно.

– Ну это дело такое, один раз не попал, второй не попал, а на третий попадешь – всё это дело с опытом приходит!

– Мы сходим за вещами, – проговорила Диана, смотря на Мишу. Она повернулась и пошла к машине, за ней, своей неуклюжей медвежьей походкой, зашагал Миша.

– Да давайте я тож помогу! – Андрей было собирался пойти с ними, но Александр не дал ему.

– Ничего, они принесут. Вещей не так много. Мы же не на год туда едем, – он улыбнулся Андрею и его безупречные белые зубы засияли на солнце. – То есть, охоту саму по себе ты не любишь? Не охотник, значит?

– Да как тебе сказать... вам то есть! – Андрей сделал пару последних больших затяжек и бросил недокурную сигарету куда-то в камыши. – Не охотился никогда. Да и какой в этом смысл-то в наше время?

– Ну как, это самое мужское из всех занятий. С древнейших времен мужчины ходили на охоту.

– Дак это ж когда было-то, командир, еще при царе или еще раньше даже. Сейчас зачем эта охота нужна?! Пришел в магазин – вот тебе свининка, вот баранинка, вот курочка, вот колбаска, пельмени... бери, что хочешь! Пришел домой, в микроволновку там или духовочку зарядил, телевизор включил, через пол часа – «бац!» и готово. Пожарь только картошки себе или макарон отвари – и всё! И не надо задницу рвать! Ехать там куда-то за триста километров на машине, потом еще хрен знает сколько на лодке, а потом еще в кустах сидеть ночью с ружьем. Комары тебя кусают, дождь идет, а ты сидишь, смотришь там когда какая-нибудь животина вылезет. Да и денег-то сколько всё это стоит, – Андрей окинул взглядом лодку и зачем-то ткнул ее в резиновый борт указательным пальцем, будто по упругости натянутой резины пытаюсь понять ее стоимость, – наверное, там сотня тысяч рублёв, не меньше.

– Ну а ты допускаешь, что может дело совсем не в деньгах и не в комфорте, да и не в «животинке», собственно?

– Ха! А в чем же еще-то?

– Хобби. Назовем это так.

– Чё?

– Любимое занятие. То, без чего не можешь нормально жить.

– Ну я-то живу! И нормально, вроде, живу!

Александр улыбнулся. Это получилось как-то непроизвольно, впрочем, собеседник его этой улыбки не заметил или не придал ей совершенно никакого внимания.

– Один умный человек мне как-то сказал, что в этой жизни ты либо охотник, либо жертва. И кем ты становишься, ты выбираешь для себя сам.

– Я тоже это где-то читал, в какой-то газетенке там или где-то вроде этого.

– Это был мой отец.

– М-м-м! – как-то совершенно безразлично промычал Андрей. – Фраза какая-то избитая. Люди любят вставлять умные словечки по делу и без. Но в целом да, папаша ваш прав был, наверное. А может и не прав. Хрен знает. Тогда давно времена были другие. Другие нравы, как говорят. Охотиться надо было, чтобы выжить. Не поймал медведя – замерзнешь, так как будешь зимой с голым задом бегать, кабана не подстрелишь – умрешь не жравши. А щас времена другие. Посмотри кругом себя, командир, – Андрей кивнул на блестящий револьвер, который висел на поясе у Александра, – продай всё это ваше оружие, все эти ваши лодки, машины, сколько можно хавчика купить?

– Но ведь я уже сказал, что еда в охоте это не главное.

– А что главное-то?

– Сам процесс! Сама реализация врожденного любому человеку инстинкта убивать.

– Ну... загнул! – Андрей вдруг так громко засмеялся, что лодка затряслась, пуская от бортов слабую водную зыбь. – Инстинкт! Сидеть там в кустах вон с этой штукой, как она называется?..

– Это карабин.

– Да это я знаю. Вот эта хренота черная сверху...

– А это коллиматорный прицел, – спокойно ответил ему Александр.

– Ну так вот с этим вот коллиматорным прицелом и ждать, когда где-то там за километр какой-то кабан пойдет пожрать и попадает в прицел и вы его там шлепнете. И что вы там инстинкт какой-то свой удовлетворите? Нажал на кнопку сидя там в своем суперджипе и всё! И типа ты убил его, типа ты такой мужик, охотник такой ваще, прям, да?! Не-е-е, это так, игрушки, бать. Хотя не, не так. Не игрушки, а просто так – убивательство и... и не более того.

– Убийство? Но... – начал было Александр с ядовитой ухмылкой на лице, но Андрей не дал ему говорить.

– Ну не, не поймите меня не правильно, папаша. А то щас припишите мне там всякого. Я не гринпис там какой-нибудь или что-то вроде. Мне-то на этих животных как-то пострать, я к тому, что такая охота ничем не отличается от резни там свиней на свиноферме или куриц там на куровферме. Понимаете? Ну, типа, этот чувак, который курицам головы рубит по тысячи в день, он что охотник номер один во всем мире? Типа инстинкт там охотника, как говорите? Нет конечно. Херня!

– Вы путаете понятия! Это другое! – Александр начинал раздражаться, а когда он раздражался он начинал обращаться к своим собеседникам, пусть даже и самым близким, исключительно на «вы». Андрей тоже, подогретый пивом и солнцем, с покрасневшим до цвета спелого помидора лицом, чувствовал в себе какое-то возбуждение и пытался доказать свою правоту Александру.

– Ну и чё я путаю? Чё не так-то? Охота сейчас и охота тогда ваше вещи разные, совершенно. Раньше охота была – да! Дреналин там, страх, риск какой-то. Раньше охота давала тебе возможность выжить. Мужик, который ходил голыми руками с рогатиной на медведя или десять мужиков, которые ходили с копьями на слонов...

– Мамонтов! – поправил Андрея Александр.

– Мамонтов, шмамонтов, похер. Я к тому, что раньше при этой твоей охоте, животное могло нормально тебя так нагнуть. А сейчас это так... тьфу! – Андрей смачно сплюнул. Он хотел попасть в воду, но промахнулся и слюна приземлилась на борт лодки. Он хотел стереть ее рукавом, но лишь размазал. – Блин, во сука... Извини, командир, я тебе тут походу вафлю повесил на лодку... но это высохнет... в общем... о чем мы там говорили-то? А, охота эта ваша, это просто игрушка для богатых и не больше того! А все эти разговоры про инстинкты там и прочую херню, это так, это всё больше от безделья! Заняться вам больше нечем, а денег до дури, вот и занимаетесь какой-то херомантией!

– Вы ошибаетесь, молодой человек, – Александра перевернуло изнутри, но он смог подавить в себе все признаки распивавшего его изнутри раздражения. Голос его, сначала повысившись до высокого тона, вдруг стал как-то слишком холоден и спокоен. В отличие от лица Андрея, которое приняло пурпурный оттенок, лицо Александра, казалось, стало только бледнее. Те, кто знал его хорошо, без труда узнали бы в нем крайне раздраженное состояние. Но Андрей не знал этого и чрезмерная его разговорчивость вкупе с полным отсутствием такта, могли бы обернуться для него серьезными проблемами гораздо раньше, если бы в этот момент на пристани рядом с лодкой не появились Диана и Миха.

– Ну петухи сцепились! – проговорил громким и нарочито веселым голосом Миха. – Держи, Саша! – он подал Александру сумку. Александр не сразу, но принял ее. Было видно, что дискуссия эта не закончена, что он собирался вернуться к ней, но вернуться чуть позже.

– Мы тут обсуждали охоту с Андреем, – начал он спокойно, но желваки сильно ходили на его загорелом лице. – Мы не сошлись с ним по ряду вопросов. Но, – Александр посмотрел на Андрея и еле заметно усмехнулся, – к теме охоты мы с Андреем обязательно еще вернемся!

## 10.

«Заехал на кладбище. Встретил странного типа у его могилы. Проверь С174РА 78», – такое сообщение отправил тогда Александр Петро из своей припаркованной у кладбища машины. Он аккуратно положил телефон на сиденье рядом и несколько минут, смотря сквозь лобовое стекло на кладбищенский забор, на серость улицы, на морозящий холодный дождь, сидел неподвижно. Воспоминания того дождливого ноябрьского дня невольно лезли в голову. Они проносились у него перед глазами как киноплёнка, как кадры какого-то загруженного давно в сеть видеоролика. Этот его взгляд, хрипкое дыхание последних секунд его жизни, изувеченный труп сына на полу рядом и эта странная улыбка, воспоминание о которой пускало мурашки по коже даже сейчас, спустя все эти годы. Почему он улыбался тогда?! Это было загадкой тогда и это оставалось загадкой сейчас. Он будто знал что-то тогда, будто, болтаясь на волоске от смерти, лежа в луже своей крови, смешанной с кровью его убитого отпрыска он понимал что-то, что он, Александр, спустя все эти годы, понять так и не смог. «Одну ошибку ты все-таки сделал, Саня, и она убьёт тебя» – слышался голос где-то совсем рядом, голос толи снаружи, то ли изнутри его. Он вздрогнул и обернулся. Пустая машина, сумка с документами на заднем сиденье, не открытая бутылка минералки и капли дождя, стекавшие вниз по стеклам автомобиля. Он напряженно выдохнул, снова взял телефон и нервно добавил большими буквами к предыдущему сообщению: «ЭТО СРОЧНО!!!»

Вскоре двигатель загудел и машина медленно покатила прочь. Как преступник, скрывавшийся от погони, он то и дело смотрел в зеркало заднего вида; он видел, как становились всё меньше и меньше очертания красного забора, как превращались в зеленую однотипную массу кладбищенские деревья. Вскоре он доехал до главной дороги и повернул налево, в сторону ЗСД. Серое кладбище с его еле заметными крестами всё еще виднелось по ту сторону реки. Поворот направо, прямой участок дороги и кладбище скрылось сзади за припаркованными вдоль дороги автомобилями. Еще несколько секунд, пол минуты максимум, и он был на светофоре. Последний взгляд, последний вид этого мрачного места и машина, набирая скорость, быстро понеслась в сторону заезда на скоростную магистраль.

Ответ пришел к нему не сразу. Часа через два, когда он был уже у себя в комнате, когда переоделся в халат и читал, развалившись на диване, новости экономики, раздался телефонный звонок и имя «Петро» высветилось на экране. Он аккуратно отложил газету в сторону и нажал на кнопку вызова.

– Говори!

– Что это за мужик, Саш?

– Этот вопрос я задал тебе.

– Я вряд ли тебе что проясню, по крайней мере что-то, что будет представлять для тебя какую-то ценность...

– Говори всё, что узнал.

– Да узнал немного. Да и много если бы узнал, вряд ли бы тебе это было интересно. Некий Кузнецов Владимир Петрович сорок седьмого года рождения. На пенсии, не работает, была жена, был сын. Ныне оба покойные. Все грустно и всё совсем не интересно...

– Может он родственник ему?

– Нет.

– Тогда зачем он копался у этой могилы?

– Не знаю. Может проходил мимо, увидел заросли и решил прибраться. Ведь мир не без добрых людей, Саня, сам же знаешь.

– Нет в наше время добрых людей, Петь. Да никогда их и не было. Там куча могил, у которых никто не убирался уже десятки лет, если не сотни, которые выглядят хуже, чем захоронения древних людей где-нибудь в Сибири. Почему именно у этой? И ведь не просто траву вычистил или мусор убрал. Участок ухожен, забор покрашен, трава прополота, собраны даже старые листья. За этой могилой он следит очень хорошо!

– Может где-то были знакомы когда-то давно? Может приходил на могилу своих родственников и решил немного убраться на могиле человека, которого когда-то знал. Мне кажется, ты видишь то, чего нет. Я бы, Саша, не парился особо.

– Я бы не парился, но слишком много странных вещей в последнее время.

– Ты опять про сообщение?

– Да.

– Н-н-не думаю, что это связано. Это обычный пенсионер, которого в жизни вряд ли интересует что-то, кроме выпивки и дачи. Его член не стоит уже лет тридцать, пошаливает сердечко, наверняка еще и «лекарством» балуется после обеда. Ни детей, ни жены, ни родственников. Его жизнь это полная скукота. Возможно именно эта совокупность факторов и привела его к этой могиле.

– Проверь о нем всё, подними всю информацию, которую только сможешь найти. Не нравится мне всё это, Петро. Не всё здесь так просто. Кто-то нюхает нас. Кто-то копается под нас! Чувствую это!

– Остынь, старина, брось. Ты, видимо, там перечитал у себя новостей про русских. Все эти сны твои, все эти сообщения, все эти «идущие по твоим следам», которых ты видишь в каждом первом прохожем. Всё это бред какой-то! Здесь всё нормально, говорю тебе, здесь всё под контролем. Я говорил с нашими ребятами, сегодня говорил, они подтвердили, что всё хорошо, всё как всегда. А у тебя нервишки просто шалют. Другой климат, дождь, холодно. Просто наслаждайся жизнью, выпей хорошего вина, сыграй с Михой в шахматы и ложись спать, бога ради, тебе завтра рано вставать и далеко ехать.

– Миха будет за рулем... – как-то машинально проговорил Александр.

– Хорошо, но, Саш, не навинчивай себе в голову. Мужичка этого я проверю, конечно, но не потому, что думаю, что там что-то нечистое, а лишь так, чтоб тебе поспокойнее было. Может сам встречусь с ним, побеседую о жизни за рюмочкой – другой. Ты же знаешь, – здесь Петро хихикнул, – по этой части я профессионал!

– Осторожней только! Если он не при делах, не надо его трогать. Аккуратнее с ним!

– Да кто его будет трогать, Саш? Времена нынче другие. Людей не кладут нынче на улице из-за того, что на могиле траву выдергивает. Мир меняется, Саша! Мы меняемся!

– Мир такой же, просто мы стареем...

– Даже пирамиды стареют, Саня. Такова жизнь.

– Хорошо, хорошо! – уверенность Петро, его тихий спокойный голос сделали свое дело. Александр поуспокоился, он и сам начинал уже понимать, что все эти сны, все эти подозрительные личности, которые попадались ему то тут, то там, были не больше чем фантазиями его нездорового воображения. Он менялся, он действительно старел. Как бы ни хотел он верить в обратное, но жизнь его незамедлительно катилась к закату. Имея деньги и доступ к ресурсам, к которым не имело доступ большинство с этой планеты, он мог продлить свою жизнь, мог ее значительно улучшить, но остановить необратимый процесс было не в его власти. Старость и смерть были вне власти каждого из нас. «You think we are being killed by exhaust gas, you thing that radiation from supernovas is killing us? <sup>36</sup>» – почему-то вспомнились ему философские размышления Майка, толстого, вечно пьяного чернокожего англичанина, завсегдатого бара в Барселоне, с которым их подружила обоюдная любовь к философским темам и хорошему виски, –

---

<sup>36</sup> Думаешь, нас выхлопные газы убивают или радиация от сверхновых?

«Bullshite, Alex! Bull shite! It's oxygen. Fucking oxygen is killin' us, man, I tell ya. Kills us like shite. You know what oxidize is? It means to get rusty! It has the same root as «oxygen». And it's not a coincidence, man. Oxygen is a number one killer on this planet. Everything is getting old because of the fucking oxygen! You want something to exist forever – just throw it away into space. If you are not exposed to oxygen, you'll stay young forever! Kidding man, just kidding. You'll die! Because you can't exist without oxygen. Nobody can. We just got used to breezing oxygen like bugs got used to eating shite. And we eat this shite. And oxygen is a shite, man, it's a byproduct of vegetative life on Earth. Plants produce oxygen just like we produce shite. Plants don't care about me or you, they care about themselves and they fart like shit man, li-i-ke shieet! <sup>37</sup>»

– Саша?! – послышался голос в трубке и Александр невольно вздрогнул. Мысли его, еще секунду назад пребывавшие в Барселоне, снова вернулись в серый петербургский вечер. – Ты со мной?

– Да, задумался... О чем ты?

– О том, что мы стареем и о том, что зря себе в голове не накручивай. Но будь осторожен.

Все эти ваши игры это вещь опасная.

– Я всегда осторожен.

– Главное, всегда помни это.

– Хорошо, как только я вернусь обратно, я тебе сразу позвоню. Этот телефон будет выключен. Куда звонить и писать ты знаешь сам. И да, послушай! Насчет Кати. Она думает, что я чем-то аморальным занимаюсь здесь, в плане женщин там и всего прочего. Думает, что эти пару недель я тут... в общем понимаешь, да? Она не верит, что я езжу сюда на охоту, хоть я ей и фотки отправлял. Она несколько раз просила взять ее с собой на остров!

– И ты отказался?

– Да!

– Почему?

– Она не готова. Она не поймет.

– Мне кажется ты недооцениваешь современных женщин! – Петро тихо засмеялся.

– Не надо ей это, поверь. Но дело в другом. Она и в этот раз просила взять ее. Я отказал ей, сказал, что здесь ей будет совершенно неинтересно. Она знает твой телефон, я дал ей его на всякий случай. Если она не сможет дозвониться до меня и будет звонить тебе, скажи, что я в лесу и тут проблемы со связью. Придумай что-нибудь, но ни за что и ни при каких обстоятельствах не давай ей звонить мне и ехать сюда. Понял?

– Понял.

– Что ты понял?

– Кончай, Саш. Я не школьник. Раз сказал и достаточно!

– Хорошо, хорошо, – повторил несколько раз Александр. – Тогда до встречи через несколько дней.

– Удачи и будь осторожен! И помни... даже заяц, которого загнали в угол, может больно укусить!

Александр отнял телефон от уха и аккуратно положил его на стол. Дисплей показал 22:18 московского времени. Он поднялся и медленно пошел в душ. Когда он вернулся в спальню и лег, на часах было уже начало двенадцатого. Он закрыл глаза, желая открыть их в следующий раз лишь при свете утреннего солнца, но сон не приходил до самого утра. Мысли змеями ползали в его голове. Нервное напряжение, всегда так пикантно щекотавшее его нервы перед охотой, то ожидание, которое, зачастую, доставляло ему больше удовольствия, чем сам этот

---

<sup>37</sup> Шучу, чувак. Я шучу. Ты умрешь! Умрешь потому, что не сможешь жить без кислорода. Никто не сможет. Мы привыкли дышать кислородом как жуки привыкли жрать дерьмо. И мы жрем это дерьмо. Потому что кислород это дерьмо, чувак, это побочный продукт растительной жизнедеятельности на Земле. Растения выделяют кислород точно так же, как мы выделяем дерьмо. Растениям пофиг на тебя или на меня, они думают только о себе и они реально срут, чувак. Реа-а-ально срут!

процесс, в этот раз имело какой-то неприятный привкус чего-то мрачного. Он пытался думать о детях, о Кати, о «Гернике», о Барселоне, о всем том «нормальном» или не очень, что оставил он где-то там, но волей-неволей мысли его снова опускались на землю и снова несли его на этот остров, омываемый холодными волнами северных карельских широт. В первый раз за долгие годы ему было страшно. Страшно не потому, что не верил в свои силы, страшно потому, что чувствовал каким-то особым чутьем, что во всех тайнах его прошлой жизни оставалась одна страшная и неразгаданная, которая была связана с этим островом.

## 11.

Через несколько дней после своей выписки из больницы, Андрей наведалься в автосервис. К слову, это сложно было назвать выпиской, потому что он, не слушая никакие предупреждения врачей, почти с боем покинул стены медицинского учреждения. «Зачем мне торчать в этой вашей больнице, командир, если я себя чувствую нормально!» – огрызнулся он на главу врача, который после жалобы Надежды Ивановны собственноручно хотел переубедить пациента пройти дополнительные обследования. – Денег у меня нет, так что вы хрен чего получите! Дай ты выйти мне, – он отпихнул рукой охранника, какого-то пожилого бородатого мужика, который зачем-то встал на его пути, видимо желая таким образом выслужиться перед врачом. Впрочем, типаж Андрея был таким, что главврач и сам вскоре смекнул, что уже лучше бы было не оставлять здесь более этого пациента, дабы избежать всяких возможных инцидентов, которые, он знал уже по горькому опыту, среди такой группы населения возникали не редко.

– Командир, до Юноны довезешь за сотэн?! – поймал он какого-то бомбилу на ближайшем перекрестке.

– Дешево даешь.

– Тогда езжай на хер!

– Ладно, садись, чё ты сразу!..

Через десять минут Андрей стоял перед гаражами, над которыми большими буквами виднелась вывеска «Автосервис». Под этой вывеской, уже более маленькими буквами, видимо, чтобы не вызывать излишних иллюзий у любого, кто имел удовольствие оказаться здесь со своим проблемным транспортным средством, были приписаны три взаимно исключавших друг друга пункта: «качественно, быстро, недорого».

– Ну как мой пепелац? – обратился он к первому попавшемуся ремонтнику, который, с измазанным отработанным маслом лицом, вылез из одного из гаражей покурить. Тот не понял его. Как, впрочем, не понял бы и любого другого, кто обратился бы к нему по-русски. – А-а-эй! Хер с тобой! – Андрей махнул на него рукой и пошел дальше. Вскоре он увидел свою Тойоту, без бампера, но уже с новым радиатором и замененной фарой. Конечно, новым его назвать было сложно, так как его вид (черновато-рыжий от грязи и ржавчины), сразу выдавал в нем что-то, что побывало до этого не на одной машине, но каким-то чудесным образом смогло пережить их всех. У этого радиатора была еще одна особенность, которая сразу выдавала его среди всех других – он выпирал в разные стороны настолько сильно, что бампер не смог бы поместиться, по крайней мере на стандартные крепления, но механиков, которые подошли к нему через минуту это, видимо, нисколько не смущало.

– Оригинальный и новый, небось? С Японии сам привез, небось?! – Андрей как-то брезгливо ударил радиатор носом ботинка. С него на залитый маслом асфальт посыпалась пыль и грязь.

– Лучше чем новый будет, с Лексуса снял. Пацаны немного подмандили и встал как родной, – услышал хрипучий голос сзади. Андрей обернулся. Это был толстый Боря, хозяин автосервиса, по совместительству электрик и менеджер по связям с общественностью.

– Каких годов Лексус-то будет! Трофейный еще, с Русско-Японской? – Андрей обошел машину со всех сторон, внимательно осматривая ее. После этой чудо мастерской, на машине почему-то появилось несколько новых вмятин, которых не было, когда машину грузили на эвакуатор. Впрочем, Андрей их не заметил или сделал вид, что не заметил. То, что он действительно заметил, так это то, что у машины отсутствовало одно колесо, хотя он точно помнил, что все четыре были в наличии, когда ее грузили. – А колесо-то где, начальник? – обратился он к толстому Боре, – или что, на Лексус, вместо радиатора поставил?

– Сейчас приедет! Тут... – Боря почесал шею и слегка замялся, – ... в общем надо было съездить за деталями срочно на другой машине, а колеса не было, то есть было но там у него боковой порез, отморозки какие-то черкнули ножом, когда тачка на тротуаре стояла. Да и предупредил бы хоть заранее! Мы ж не знали, что ты так быстро приедешь! – заявил он, видимо пытаясь таким образом объяснить хозяину автомобиля, почему его колесо уехало куда-то на другой машине или даже частично переложить на него вину за такой неприятный инцидент. – Вещи твои вот тут лежат! – он открыл дверь и кивнул головой внутрь салона, где, сложенной аккуратно в углу, лежала его куртка. Андрей достал ее и поспешно надел на себя. Колесо надо было ждать еще некоторое время, а ветер был совсем не летний.

– Постирал что ли? – угрюмо спросил он у Бори, чувствуя запах стирального порошка. Из кармана вывалилась какая-то газета или журнал. Он поднял всё это с земли и бросил на заднее сиденье.

– Чего постирал?

– Куртку постирал! – показал Андрей себе на грудь.

– Я что похож на тех, кто куртки другим стирает? – Боря даже слегка обиделся такому нелепому предположению. Впрочем, обида его была не долгой, так как в этот момент из-за угла выехал огромных размеров BMW с круглыми фарами, переднее колесо которого явно отличалось от всех остальных как по размеру (оно было дюйма на три меньше), так и по резине. – А вот и колесо твое прикатилось! Сейчас перекинем и можешь ехать!

Андрей не ответил. Он лишь покачала головой и решил воспользоваться этой вынужденной технологической паузой для того, чтобы сходить в туалет. Он был рядом, за углом. «Туды тебе, нэ пройдошь мима эго», – ответил ему один из работников на его вопрос «где у вас тут поссать?» И этот парень был прав. Мимо этого импровизированного туалета просто нельзя было пройти человеку наделенному обонянием или, хотя бы, самым слабым зрением. Как-то осторожно, стараясь ничего не трогать и, особенно, не поскользнуться и не упасть вниз, Андрей пробрался к этому покосившемуся, сколоченному из тех материалов, которые попались под руку строению, и сделал свое дело. Когда он вернулся обратно, машина его, хоть и без бампера, но уже со всеми четырьмя колесами, стояла на улице, рядом с гаражом.

– Катайся осторожней, – Боря нагнулся над машиной и хлопнул ее своей огромной ладонью по капоту, отчего там появилась новая вмятина, – а то баранов на дороге, сам знаешь, очень много!

– А бампер?

– Через пару дней приезжай. Должны с разборок подогнать. Он тебе пока не нужен. Да он и вообще не нужен, – с бескомпромиссным видом эксперта заключил Боря. – Толька так... лишняя масса и сопротивление воздуха. Вещь совершенно бессмысленная. Я в интернете читал. Но если захочешь, поставим, конечно. Не родной, конечно, но встанет, как...

Но Андрей не стал слушать про так, как он должен был у Бори встать, взял ключи из рук одного из механиков и быстро залез в салон. Там чувствовался запах свежего порошка постиранной куртки. После запахов туалета, он приятно ласкал ноздри и даже слегка успокаивал. Через минуту машина громко затарахтела, выбросила громким хлопком целое облако черного дыма и, скрипя подвеской, медленно поехала в сторону Автово. Боря же, запустив себе пятерню сзади в штаны, бесперемонно почесал место, куда укусило его какое-то насекомое, проводил его взглядом до ближайшего поворота и неспешно скрылся за дверью одного из гаражей.

Тот факт, что Андрей пропустил свидание и больше никогда не увидит девушку, которая почему-то запала ему в душу, не давал ему покоя все последовавшие дни, по крайней мере все те, кто общался с ним тогда, это как-то сразу замечали. Картина того дня виделась ему следующим образом: девушка, как они и договорились, приехала в ресторан в установленное время и начала его там ждать. Но просидев с пол часа, а может и больше, не встретив его, она обиде-

лась, покинула ресторан, выключила телефон, а может и вовсе его сменила, и потом, в конечном счёте, удалила и свой аккаунт на сайте. Это сводило его шансы отыскать ее практически к нулю, особенно учитывая, что у него не было ни одной нормальной ее фотографии. Однако сдаваться он еще пока не хотел, уж слишком, почему-то, запомнилась она ему, да и он не был из тех, кто сдаётся сразу. Именно поэтому через несколько дней после всего произошедшего, он решил наведаться в тот ресторан на Марата, где должно было состояться их первое свидание. Мало ли работники ресторана что-то видели, или, что было уж совсем маловероятно, но мало ли, она оставила ему там какую-то записку.

Час был утренний и народу там почти не было. Какой-то мужчина в дальнем углу с ноутбуком и с кружкой кофе, и еще один – какой-то уже изрядно подвыпивший за столом в противоположной части помещения – то были единственные посетители заведения в столь ранний час.

– Что пожелаете? – спросил его официант, молодой парень лет двадцати трех, с тоннами в ушах и полностью зататуированными руками.

– Пиво и сухарей каких-нибудь.

Парень бросил косо́й взгляд на ключи от автомобиля, которые Андрей выложил на барную стойку перед собой.

– У вас машина на Марата? – поинтересовался он.

– Тут рядом, прямо у входа.

– Если планируете до утра оставить, советую загнать во двор. Эвакуатор часто работает. Знак там висит, видели?

– Да мне похер на знак, командир. Я так, на пол часика.

Парень безразлично пожал плечами и ушел. Через минуту он вернулся с полным бокалом пива в одной руке и пакетом сухариков в другой. Он поставил пиво перед Андреем, положил перед ним тарелку и хотел открыть сухарики, чтобы высыпать туда, но Андрей не дал ему.

– Забей. Сам сделаю. Что я ребенок что ли? Народ настолько охерел в последнее время, что даже еду уже без чужой помощи открыть не может.

– Есть такое дело, – заулыбался парень. – Тут иногда у нас такие клиенты попадают, нож не с той стороны положишь, так сразу менеджера зовут!

– Пидоры! – коротко резюмировал Андрей. Он почти сразу достал из кармана три бумажки по сто рублей и кинул их на стол. – Сдачу оставь себе.

– Спасибо! – парень забрал деньги и положил их в кошелек на поясе. Насчет этих... как вы выразились...

– Пидоров?

– Да! Я согласен. Тут иногда к нам такие кадры заходят! Вы ведь часто у нас здесь бываете?! – видно было, что прямота и неприязнательность Андрея, хоть и была слегка грубой, но ему нравилась. Он мог говорить с ним просто и непринужденно.

– Да нет, последний раз года два назад здесь был. По-другому тогда называлось ваше заведение, по-моему, да?

– Пару лет назад? – парень удивился, как-то внимательно осматривая его. – Разве?

– Да точно тебе говорю! Если, конечно, мое тело не ходит по ночам отдельно от меня.

– Разве?

– Ну ты чё, командир?! – Андрей кивнул головой на бокал пива. – Думаешь пару глотков сделал и всё, мозги уплыли?

– Нет, мне просто казалось, что я видел вас здесь на прошлой неделе. В... – парень задумался на несколько секунд, – в среду, в первой половине дня! Вот за тем вот столом сидели.

– Меня? В среду? – Андрей сначала удивился, потом покачал головой. – Путаешь что-то, начальник! Не было тут меня. А уж в среду так и особенно.

– Ну да, вы же были – куртку вашу помню и... и черты лица вроде такие же...

– Парень, открою тебе маленький секрет, – Андрей нагнулся чуть ближе и заговорил чуть тише, – прошлую среду я помню очень хорошо! Меня пол дня поносила баба, за то, что ее новый любовник купил ей Айфон и выгнала меня нахер из дома!

– Но... может я, конечно, ошибаюсь, но... я помню эту куртку и прическу... вы сидели вон там, с женщиной такой... высокой и симпатичной.

Андрей удивленно посмотрел туда, куда показал ему парень. Место было пустым. Однако эта новая информация тронула в голове его какую-то старую струну.

– Я?.. С симпатичной женщиной? В этой куртке? – переспросил он его еще раз, делая особый акцент на каждом из вопросов, будто каждое из этих предположений было уже само по себе чем-то фантастическим. – А не могло ли это быть в четверг, а не в среду?!

Парень потер себе нос и призадумался. Он начал загибать один за одним пальцы, беззвучно шевеля губами и, видимо, что-то усиленно считая про себя.

– Да нет...

– Точно?

– А может и да. Может да, не в среду, а в четверг. Я тут, понимаете, сейчас каждый день, без отпуска и выходных. Все поувольнялись, никто не хочет работать за такие деньги. Почти каждый день с утра до ночи работаю, все дни уже в голове смешались.

– И ты уверен что видел этого... кого ты видел именно в этой куртке? – повторил Андрей. – В среду?...

– Да! Хотя... может и в четверг! Надо подумать!..

– Думать много вредно, говорят... Стареешь, говорят, быстрее... Ну-ка, долей-ка! – Андрей сунул парню уже почти пустой бокал и еще несколько купюр и тот послушно налил его снова до краев. – Ты не поверишь, но приколом в том, что я действительно должен был быть в этой вашей забегаловке на прошлой неделе в четверг. И самое интересное то, что я действительно должен был встретиться с женщиной. Но... как это нередко бывает с женщинами, нихера из этого не получилось...

– В каком смысле не получилось? – как-то машинально спросил парень. Он тут же пожалел о том, что спросил это так грубо и, вообще, о том, что спросил. Он хотел даже извиниться, но Андрей, с подкупающей любого простотой, ответил:

– С ней не получилось, но с другими, зато, мать их за ногу, не хило тогда порезвились! – тут он показал себе на бровь, где всё еще была видна рана от аварии, – какое-то мудило влетело в меня в четверг утром когда я как раз на эту свиданку ехал и вместо вечерних потрахушек меня весь день долбили в жопу жирные бабы в больничной одежде... к счастью, шприцами только добились, что тоже, поверь мне, не очень приятно.

– Может я ошибся, конечно! – произнес парень уже совсем тихо. – Но куртка, говорю вам, точно была такая, как сейчас у вас. Я таких не много видел.

– Ну если всё так, как ты говоришь, – проговорил Андрей и с задумчивым видом отпил пива, – то штука очень интересная начинает вырисовываться... Как будто вместо меня сюда тогда приехал кто-то...

– Кто-то другой? – парень оживился. Видно было, что в нем проснулся какой-то Шерлок Холмс. – Но подождите! Как это ваша подруга не смогла понять, что вместо вас с ней сидит кто-то другой?!

– Она-то как раз и не могла, – Андрей отрыгнул в кулак. – Мы познакомились с ней в интернете. Я ей скинул свою фотку и то издалека, понимаешь? Лишний раз не люблю свою физиономию палить, понимаешь? Фотография, она ведь, душу, говорят, убивает.

– А-а-а! – парень, кажись, действительно начинал всё понимать. – Теперь ясно, на свидание с этой женщиной пришел кто-то другой, но... ваша эта... куртка, неужели совпадение?!

Андрей снова отхлебнул пива и снова что-то задумчивое появилось у него в лице. Через секунду он взял себя за воротник и притянул его к носу. Он все еще мог чувствовать запах стирального порошка.

– Нет, не совпадение! – тут он снова отрыгнул, в этот раз уже без кулака. – Это была именно моя куртка, именно вот эта! – он продолжал держать себя за воротник, в этот раз вытягивая его в сторону парня, – и именно с моей теткой этот хрен встретится в тот день... в четверг. Судя по всему, после того, как меня забрала скорая, он залез ко мне в машину, вытащил из нее мою куртку, одел ее и поехал сюда, типа он это я, сечешь тему?! Здесь он встретился с ней, а потом... потом постирал куртку, видимо, чтобы убрать все следы и запахи и снова бросил ее ко мне в машину, которая стояла разбитой почти весь день. Когда же за машиной приехал эвакуатор, которого я вызвал, куртка уже снова была внутри!

– А зачем он сделал это? – парень окончательно отставил в сторону бокалы, которые он протирает до этого и облокотится на барную стойку, чтобы быть ближе к Андрею. Он говорил уже значительно тише, чтобы мужчина с ноутбуком, сидевший в другом конце, не мог слышать его.

– Диана. Так ее звали, вернее зовут, – поправился он. – Я говорил ей до встречи, что я буду в клетчатой красной куртке, да и на фотке, которую я отправил, я был в ней...

– Хорошо... но зачем ему надо это... Зачем он это сделал?

– Зачем?

– Да, зачем? – переспросил парень. – И эта Диана... что она сама говорит по этому поводу?

– Ничего не говорит! Телефон выключен, аккаунт из сети удален!

– Обиделась?

– До того как я пришел сюда, я именно так и думал! А вот после нашего с тобой разговора, уже и не уверен. – Андрей отставил в сторону бокал с пивом. Аппетит к пиву у него пропал и в движениях появилась какая-то нервозность. – Эта авария! Этот хрен в куртке как у меня, – Андрей повернулся и с полминуты разглядывал помещение. Он заметил несколько камер, которые висели в разных частях ресторана. – Послушай, дружище, давай-ка мы посмотрим камеры. Может они глаза нам откроют?!

– Не-а, – парень с сожалением покачал головой. – Не получится.

– А если попробовать, а?! – еще несколько купюр вдруг выпали из его руки на барную стойку. Но парень снова покачал головой и рукой подвинул их ближе к Андрею.

– Я бы помог, честное слово, но камера затирает старые записи каждые несколько суток. Три дня максимум. А тут неделя уже почти прошла. Ни четверга, ни пятницы уже нет. Смысла их смотреть точно нет. А знаете что?! – парень нагнулся еще ближе к Андрею. – Может в полицию обратиться?! Это всё не просто так. Эта женщина с которой вы должны были встретиться, не попала ли она в какую-то беду? У меня есть знакомый, который работает...

– Знакомый есть и у меня! – задумчивым голосом перебил его Андрей. – Ладно, командир! – тут он спрыгнул с барного стула, сделал несколько быстрых шагов в сторону двери, но не дойдя до нее вдруг остановился и снова вернулся к барной стойке, будто что-то забыл. – Послушай-ка, начальник! – он взял недопитый бокал пива, который бармен уже хотел унести и ловким движением руки вылил себе остатки в рот. Затем он наклонился вперед и подмигнул бармену, чтобы тот сделал то же самое. Тот послушался. – Тут действительно чем-то мутноватым пахнет. Может так – лажа, а может реально баба в беду попала. Я сейчас к ментам поеду. Расскажу им всё как было. Возможно они и к тебе придут как-нибудь и тоже вопросы задавать будут. Ты это, если придут все-таки, расскажи им всё то, что мне рассказал. Таить ничего не надо. Я человек честный. Не о себе думаю, а о ней. Ну а теперь, – здесь он хлопнул бармена по плечу, – будь здоров!

## 12.

Майор стоял перед входом в полицейский участок и неспешно посасывал сигарету. На улице было по-прежнему свежо, но уже гораздо теплее. Циклон, который висел над городом долгое время, который ломал ветви деревьев и под аккомпанементы грома заливал улицы и подвалы потоками ливня, наконец уходил куда-то на восток и в Петербург приходило долгожданное лето. На небе не было ни единого облачка. Слабый ветерок шевелил ветвями старого тополя напротив и приносил откуда-то со стороны проспекта аромат цветущей черемухи и шавермы.

Настроение у майора было хорошее. В работе было затишье. Казалось, что в это время года даже преступники, обрадовавшись редкому питерскому солнцу, забросили свои грязные делишки и двинулись куда-то за город, чтобы насладиться редкими для этого региона теплыми деньками. Хорошая погода, по прогнозам, приходила в регион надолго, что не могло не радовать. Пару дней назад он получил премию за высокий уровень профессионального мастерства и что радовало его больше всего – с середины следующей недели он уходил в отпуск. Заявление его было написано и даже уже подписано руководством. И хоть на этот отпуск он не планировал никаких грандиозных поездок, он ждал его с нетерпением. Несколько лет назад он купил двенадцать соток под Ропшей и построил небольшой домик из СИП-панелей. В этом доме надо было сделать проводку и подключить локальную канализацию. Казалось, такой отпуск был сомнительным удовольствием для любого, кто хотел отдохнуть, но явно не для майора. Он был из тех, кто умел и любил работать руками. Такой отдых был для него желанней любого пляжно-овощного отдыха, где надо было валяться днями напролет задом кверху под палящим солнцем на пляже какого-нибудь ближневосточного государства, накачиваясь водкой или дерьмовым местным пивом с утра и возвращаясь уже в сумерки в отель лишь для того, чтобы завалиться в кровать и на следующий день проделать всё те же нехитрые трюки, что делал и сегодня, и вчера. Его обычный отпуск раньше выглядел именно так. Две недели безудержного алкоголизма и деградации. Но в этом году у него родился внук (второй уже) и жена по несколько раз в неделю была вынуждена ездить на квартиру к дочери. Пляжный отдых накрылся «медным тазом», как сказал он ей, изображая даже какую-то грусть на лице, но в своей душе он был этому рад. Он с нетерпением ждал последнего рабочего дня и несколько дней назад даже составил себе в интернет-магазине список необходимых покупок. Оставалось только получить отпускные, чтобы оформить окончательный заказ и доставку.

Именно в таких возвышенных мыслях и пребывал майор, когда до слуха его долетел какой-то треск и скрип, который послышался со стороны соседнего двора. Он машинально отвернулся в другую сторону, ближе ко входу в участок, будто стараясь отрешиться еще хоть на минуту от окружавшей его действительности и вернуться туда, к своему участку в Ропше, к новому дому, к проводке и канализации, но звук, настойчивый и какой-то странный, с каждой секундой всё сильнее врвался в его как личное, так и профессиональное пространство.

Через пол минуты звук уже был настолько явным, что он не мог уже его не замечать и на него не реагировать. Он повернулся и посмотрел в ту сторону, откуда этот звук долетал. То, что увидел он сначала напугало его, а потом разозлило. Разозлило уже не потому, что отвлекло от мыслей, а потому, что вид несущегося на большой скорости по дворовой территории драндулета без бампера и с огромным, непропорциональным радиатором сразу выдавал в нарушителя какого-то суперического стритрейсера, который, пренебрегая всеми правилами дорожного движения и даже разума, оттачивал свое мастерство на территории, где прогуливались мамочки с детьми и сгорбленные бабули с палочками. Майор спустился с крыльца и двинулся в сторону тротуара. Водитель машины не мог его не видеть с такого расстояния и майор

почему-то был уверен в том, что он обязательно надавит сейчас на тормоза и покатится назад, пытаясь свалить. Он изучил их психологию уже хорошо. У этих дворовых говнюков на этих разваливающихся скрипящих ведрах нередко не было даже прав. Возиться с ними было одно недоразумение. Когда их ловили и приводили к нему, они начинали плакать как маленькие девочки и поголовно умоляли его о том, чтобы он не говорил об их приключениях их родителям, которые за такие проступки лишали своих чад компьютеров, игровых приставок и некоторые даже, помятую видимо свои детские годы, прохаживались ремнями по неокрепшим еще задницам молодых кимирайкененов и льюизхэмилтонов.

Но действия этой машины не подпадали под обычный шаблон. Водитель этого пепелаца при виде человека в полицейской форме не только не остановился, но, казалось, даже прибавил газу на прямом участке. От греха подальше майор сделал несколько шагов в сторону. Там стояла большая береза и в случае, если этот камикадзе вдруг собрался бы направить на него свой автомобиль, он бы мог отпрыгнуть за нее. Но машина пронеслась мимо майора и на скорости свернула в сторону участка, где, чуть не протаранив урну, резко затормозила перед самым входом. Через мгновение из нее выскочил какой-то мужчина в красной клетчатой куртке и быстро побежал внутрь отделения.

Майор выругался вслух и быстро двинулся внутрь, вслед за неожиданным посетителем.

– Молодой человек, подождите! – крикнул он своим басистым звонким голосом, лишь только переступил порог. – Если вы с поличным, то хотя бы дождитесь меня!

Послышался грохот, ругань, топот и вдруг, откуда-то из соседнего коридора, прямо к нему выбежал молодой человек. Майору потребовалось меньше секунды, чтобы узнать в нем своего прежнего знакомого – парня, которого поймали они несколько дней назад с пивом.

– Ба-а-а! Какие люди! Андрей, да, если не ошибаюсь?! Донжуан и любитель пивных напитков в ночное время. Что ж вы, Андрей, так ездите-то не осторожно? По дворам носитесь так, да и... машина-то у вас какая... Сами что ли собрали?!

– Майор! – почти закричал Андрей и майор сразу почувствовал запах пива, который ударил ему в лицо. – Проблема есть!

– А это я уже и так вижу! Ты, видимо, буквально воспринял мои слова о том, чтобы не пить пиво на улице и теперь стал пить в машине. Ну, это не мое дело, но мое дело это донести это до сотрудников ДПС. Пойдем-ка! – майор пошел вперед, ожидая, что Андрей пойдет с ним, но Андрей вдруг схватил его за руку и сильно дернул.

– Подожди, майор!.. Подождите! – поправился он. – Дело не во мне, да выпил мальца, но... хер с ним! Не важно! По другому делу я к вам пришел, делу жизни и смерти! Даже, может быть, смерти в большей степени!

Майор остановился и удивленно посмотрел на Андрея. Андрей же продолжал:

– Короче, такая тема – помните та тетка, девушка, то есть, с которой я должен был утром тогда на следующий день встретиться в четверг? Ну рассказывал я вам это ночью, когда вы поймали меня, точнее не вы, а эти ваши... пидо... то есть сотрудники?..

– Полицейские, ты хочешь сказать?

– Ну да, мусора эти... впрочем, хрен с ними... послушай... те... – он говорил быстро и сбивчиво. Первое впечатление, которое было у майора о том, что он просто сильно пьян или находился под влиянием каких-то наркотических веществ, медленно проходило. Он видел, что он вовсе не пьян, по крайней мере не так сильно, чтобы это отражалось как-нибудь на его поведении, но чем-то встревожен. – Короче, мне кажется, что с ней, с Дианой, что-то могло случиться!

– Подожди, Андрей, подожди! Давай всё медленно и по порядку. Вы встретились с ней тогда и что-то случилось?

– Нее-е-е-т, командир, в том то и дело, что нет, не встретились! Я не доехал тогда к ней! В аварию попал...

– Да ну, не верю, что с тобой такое вообще возможно, – с какой-то язвительной иронией в голосе заметил майор.

– Послушайте, командир, послушайте меня! Не надо мне тут хи-хи, да ха-ха! Говорю, вещь серьезная! Я попал в аварию не по своей вине. Мудило какой-то пьяный, ну, то есть я тогда думал, что он пьяный, влетел в меня недалеко тут, когда я выезжал из кармана. Нормально так влетел, перед разбил конкретно, бампер под замену, радиатор под замену, фары... Машину я до конца не доделал, бабок пока нет, потому что страховая ждет какую-то бумагу там от гайцов...

– Подожди, Андрей, – майор прервал его лихорадочную речь, – ты, наверное, не совсем по адресу. Мы тут другими вещами занимаемся. Ты там с ГИБДД общался, они тебе и помогут, мы другое ведомство, другие проблемы нас интересуют, машины, водители пьяные, аварии всякие это не наш профиль...

– Да хер с этим ГИБДД, командир! И-и-и с машиной хер! Послушай меня... послушайте, – Андрей начинал уже заметно злиться. – После аварии меня в больницу увезли. Понятно пока всё?

– Ну!

– А этот хрен, который в меня влетел, значит, залез ко мне в машину, забрал мою куртку, одел ее и поехал на свидание от моего имени, типа он Андрей и всё такое.

– Подожди! Давай еще раз. У вас была авария, так? Вы вызвали наряд ДПС, они приехали. Так?

– Нет! То есть они приехали, это да, но там был только я, этот хрен свалил сразу после аварии. У него там грузовик какой-то был или микроавтобус, что-то большое. В общем, он свалил, я остался – скорую там ждал, гайцов там. Они приехали, скорая меня увезла, так как у меня голова кружилась, кровь там из раны, вот! – Андрей показал майору еще не до конца заживший рубец над бровью, – и когда мы уехали, этот хрен залез в машину!

– И куртку украл?

– И куртку украл! Вот эту вот самую куртку, – здесь Андрей ткнул себя пальцем в грудь, – украл!

– Прости за вопрос, не скромный и неочевидный может быть, а это что такое тогда? – майор взял Андрея за ворот и как котенка потянул его вверх. – Что это за куртка? А?! Или у тебя что их, десять штук одинаковых? Андрюша, – он с укором посмотрел на Андрея, – парень ты нормальный, но завязывай ты с этим алкоголем, ведь это уже, ей богу, даже неприлично!

– Это куртка, это та же самая куртка! Та же самая!!! Он вернул ее, сходил на свидание с Дианой и... вернул!

– Да ты в своей ли уме?! – резко закричал на него вдруг майор, который при всем своем спокойном характере время от времени тоже мог терять терпение. – Что за дичь ты мне тут несешь?!

– Отвечаю командир! Отвечаю тебе!

– Зачем он сделал это?! Куртку вернул, имею ввиду. Выкинул бы, если бы не понравилась. Зачем возвратил он ее тебе?

– Не знаю! Вот это, майор, я не знаю. Но что-то здесь не так. Я ездил туда, сегодня ездил в эту забегаловку где мы должны тогда были с ней в четверг встретиться и этот парниша, бармен, мне всё это сам выложил. Типа какой-то чувак, в моей куртке, вот именно в этой куртке, – Андрей тряс полую свою куртку прямо перед лицом майора и несколько раз даже произвольно ударил его по тщательно выбритому подбородку, – приехал на встречу с Дианой и с этой встречи с ней же и уехал. Понимаете? Она-то думала, что он это я, а по факту-то – хер! Другой какой-то хрен это был! Не я!

Майор покачал головой и несколько раз прошелся взад и вперед по светлому коридору, что-то раздумывая. Наконец он остановился перед Андреем и спросил:

– Фамилию знаешь этой Дианы?

– Нет.

– Адрес, номер автомобиля, фотографию, что-нибудь?

– Не, ничего не знаю!

Майор продолжил ходить взад и вперед по коридору. В этот раз он ходил так почти минуту. Андрей не отводил от него глаз, он стоял, переминаясь с ноги на ногу, в каком-то нервном ожидании того, что скажет майор.

– Ну, Андрюха, ты сам видишь, помочь мы тебе здесь вряд ли чем сможем. У тебя нет ни деталей обвиняемого, ни потерпевшего. Да и, честно тебе сказать, Дианы-то этой может и не быть в действительности. Знаю, знаю, – махнул он рукой на Андрея, который попытался ему что-то возразить, – ты там с кем-то переписывался, может даже по телефону общался, но эти интернет знакомства, ты сам всё знаешь – реальные свои имена мало кто дает. Диана это редкое имя, красивое, но... скорее всего не реальное. Они там все такие. Посмотри на столбах – Лолита, Диана, Виолетта... Реальных таких имен мало. Уж мне-то поверь, работал в паспортном столе не год и не два, какие имена распространены у нашего населения я знаю. Одна – две Дианы по паспорту на сотню женщин. Теперь насчет твоей этой забегаловки. Куртка твоя, конечно, вещь редкостная, – он как-то искоса посмотрел на распахнутую куртку Андрея, – и у любого, даже самого порядочного человека вызывает дикое желание прибрать ее к своим рукам, – здесь он почему-то даже поморщился, – но в городе она явно не единственная. Работник ресторана видел кого-то в похожей куртке, ну и показалось ему, что она точно такая же. Да и куртка может быть точно такая же, ведь не одна она в магазине продавалась. Одним словом, если коротко, оставь это. Диану эту свою оставь и ищи себе новую женщину. А эта – обманула тебя, Андрюха. Это как пить дать! Послушай меня, ведь и я с девочками гулял в свое время!..

– Ну а случилось с ней что-то если?

– В нашем большом городе каждый день с кем-то что-то случается, – совершенно спокойно заметил майор. – Но... ты же сам знаешь, пока преступление не совершено, оно не преступление. Мобильник-то у тебя, кстати, есть ее? – вспомнил, вдруг майор. – Звонил?

– Выключен! Это тоже подозрительно!

– Как раз здесь нет ничего подозрительного. Купила себе одноразовую симку для того, чтобы потом такие ловеласы как ты ей телефон не обрывали и выкинула как только с тобой у нее всё закончилось. Оставь ее, Андрюха, мой тебе приятельский совет – оставь и ищи новую.

Андрей поуспокоился после слов майора и даже будто погрузился. Он, в принципе, и сам в глубине своей души догадывался, что могло произойти что-то вроде этого, но слова майора, как человека более опытного по жизни, да и в этих вещах, лишь подтвердили его опасения.

– Иди домой с богом. Не буду тебя задерживать, ладно. Машину только здесь оставляй, никто ее не тронет! Пьяным я тебя, конечно, за руль не пущу. Пропись. Не будешь квасить каждый день – найдешь себе нормальную женщину, это я тебе гарантирую.

Андрей молча развернулся и пошел в сторону выхода. Но вдруг он остановился и быстро полез в карман куртки.

– Ну что еще? – майор заметил, что Андрей остановился и так же остановился в коридоре.

– Еще одна вещь, майор. Забыл, блин!

Майор не спеша вернулся к Андрею, внимательно рассматривая то, что он достал только что из кармана.

– Что это?

– Газета.

– Что-то про эту Диану?

– Нет, газета старая, от ноября девяносто седьмого года.

– И зачем она?

– Нашел у себя ее в машине, когда забирал из сервиса. Лежала в кармане куртки. Не моя она. Подбросил кто-то зачем-то.

Майор осторожно взял газету за край. Это была не целая газета, а разворот.

– «Кредиты МВФ. Подарок нашим детям и внукам», – прочитал самый большой заголовок майор. – «Новые подробности гибели Дианы», – прочитал он заголовок поменьше и тут же перевел взгляд на Андрея. – Это они другую Диану имеют ввиду, принцессу, которая в Англии была, – пояснил он. – Она на машине с любовником разбилась. Я это помню. «Расстрел бизнесмена и его семьи в пригороде Петербурга» и... не вижу без очков, – он усиленно пытался рассмотреть какой-то маленький заголовок в нижнем правом углу.

– «Подросток пропал без вести», – прочитал за него Андрей.

Майор перевернул последний разворот и посмотрел на противоположной стороне листа. «Новости экономики» и «Спорт». – Здесь, думаю, ничего интересного. – проговорил он, возвращаясь на первую страницу. По диагонали, быстро, он пробежался по каждой статье, особо не останавливаясь и не задумываясь ни на одной из них.

– Ну, что думаете? – спросил его, наконец, Андрей.

– Да как тебе сказать. Кредиты это всегда плохо, особенно кредиты МВФ. Наберешь их, потом перед этими тварями американскими как негр последний в кандалах до конца дней ползать на коленях будешь. Но... газетенка-то, видишь, старая, от девяносто седьмого года. К счастью, это всё в прошлом. Двадцать лет прошло. Всё, что здесь написано уже не актуально. Девяностые тяжёлым временем были... это я помню!

– Да я вот про это! – Андрей ткнул пальцем в нижний угол газеты. – Эти две статьи обвел кто-то карандашом.

Майор присмотрелся. И действительно – обе статьи, про расстрел бизнесмена и про пропажу подростка, были обведены в один овал карандашом.

– Интересно, конечно, но что здесь такого? – проговорил майор, поправляя очки. – Я тоже люблю в газетах всякие пометки делать, ну, чтобы перечитать там или не забыть.

– Зачем мне ее подложили?

– Ума не приложу. Но... пожалуй, оставлю я ее у себя, если ты не против, конечно.

– Да оставляйте, мне она нафиг не нужна. Но мне кажется, что это всё не просто так, этот тип, который поехал на встречу с Дианой вместо меня, эта газета с подробностями о смерти Дианы, куртка, которую он взял, а потом вернул. Все это странная херня какая-то.

– Если с этой твоей Дианой что-то случилось, ты мы скоро об этом узнаем. А если не узнаем, то скорее всего с ней всё в порядке и просто она не хочет с тобой общаться, – резюмировал весь прежний диалог майор. – Ладно, дай мне свой телефон на случай чего и иди домой с богом.

Через несколько минут майор вернулся в свой кабинет, бросил на стол газету и снова мысли об отпуске отодвинули на задний план всё остальное в его голове.

## 13.

Петро сдержал данное в тот вечер Александру обещание. Утром следующего дня он поговорил по телефону с парой нужных людей и дал им задание узнать как можно больше о Кузнецове Владимире Петровиче, сорок седьмого года рождения, о том таинственном незнакомце, которого Александр встретил накануне у «той» могилы. Нужные люди сработали быстро и вечером этого же дня в почтовом ящике его электронной почты была уже вся развернутая информация об этом человеке. Петро неспешно налил себе в бокал виски, нарезал тоненькими кусочками сыр на тарелку и опустился в свое большое кожаное кресло. Не спешно, один за одним, начал он открывать присланные ему файлы. Та информация, которую находил он внутри, почти полностью соответствовала его ожиданиям, и он слабо позевывал, бегая глазами по всей этой серой и грустной банальщине.

Кузнецов Владимир Петрович родился в Ленинграде в семье слесаря Кировского завода и продавщицы булочной. Учился в 493 школе, которую закончил в шестьдесят четвертом году. Служил в армии в инженерных войсках где-то под Лугой, сразу после армии пошел работать электромехаником на «Ждановский завод», ныне завод «Северная вервь», где проработал вплоть до своего ухода на пенсию в две тысячи шестом году. Получил ряд наград как победитель социалистических соревнований, несколько благодарностей, в том числе от главы местного исполкома. Почти каждый год с семьей по путевкам ездил на курорты Черного моря. Судим не был, за спекуляцию и диссидентскую деятельность не привлекался. Имел двухкомнатную квартиру на улице Морской пехоты, которую продал в две тысячи девятом году и дом с участком восемь соток в Александровском, где ныне и проживал.

Петро закрыл файл Владимира Петровича и открыл файл о его жене – Кузнецовой Елене Владимировне. Она была годом младше, училась в той же школе, после школы пошла в кулинарное профессиональное техническое училище, по окончании которого некоторое время работала в пекарне номер такой-то, потом перешла на работу в булочную номер такую-то, где, взбираясь по карьерной лестнице, в восемьдесят девятому году стала заведующей. «А через год всё покатило к чертям», – прокомментировал вслух Петро, смотря на последовавшие за этой трудовой деятельностью четыре места работы, последнее из которых, в две тысячи пятом году, было записано как «администратор общественного туалета». Болела диабетом, имела проблемы с сердечно-сосудистой системой. Скончалась в Военно-Медицинской Академии в декабре две тысячи шестого года от инсульта.

Петро закрыл этот файл и открыл последний файл в приложении, который назывался лаконично – «сын». Он был готов так же по диагонали пробежаться по всей этой информации, но к удивлению своему он вдруг заметил, что информация о сыне, Викторе, умещалась всего лишь в несколько строк. Петро слегка увеличил шрифт в файле и подвинул ноутбук чуть ближе к себе. «Родился в семьдесят девятом году, закончил двести шестьдесят четвертую школу Кировского района, поступил в «Корабелку», но ее не окончил, так как...» – Петро отложил бокал с виски в сторону и взгляд его остановился неподвижно на последнем предложении, – «пропал без вести в ноябре тысяча девятьсот девяносто седьмого года», – прочитал он вслух, – «на текущий момент предположительно мертв».

Несколько минут Петро сидел неподвижно. Наконец от откашлялся, почесал макушку головы и пустил на печать все три файла. Мысли и какие-то обрывки воспоминаний пронеслись в его слегка подогретом алкоголем сознании. Видимо это год выдался тяжёлым не только для него. Он помнил его очень хорошо: разборки, переделы сфер влияния, кровь, которая текла рекой. Он, Саня, Миха и... вдруг он вздрогнул, будто мысли его, разогнавшись на пол-

ном ходу налетели на какой-то острый, торчавший прямо посреди пути предмет. Он снова потянулся к бокалу с виски, но он уже был пуст.

– Ноябрь девяносто седьмого года! – он приподнялся и начал прогуливать от одной стены кабинета к другой, махая распечатанными листами как веером перед своим раскрасневшимся лицом. – Сын пропал без вести... это странно! Хотя... с другой стороны, что тут такого уж необычного? В те годы бывало и не такое. Может нарвался на кого-то не того, может увидел что-то, что не должен был видеть, а может... может и у самого рыльце было в пушку, ведь не маленький мальчик уже был, связался не с теми и на тебе – отхватил.

После нескольких минут такой мыслительной деятельности он подошел к бутылке и налил себе треть бокала. Но виски был слишком теплым. Он спустился на первый этаж к холодильнику, достал пару кубиков льда и бросил их в бокал, рассматривая как поднялись они наверх и начали медленно таять. Пару мгновений спустя он повернулся к окну. Погода была ясной – солнце пробивалось в окно сквозь неподвижные кроны берез. Он решил не подниматься больше в кабинет, а так, прямо в халате, не переодеваясь, выйти во двор, где было лето, где пели птицы, где жужжали своими низкими голосками над головой комары.

– Александровское, – он подошел к беседке и опустился там на скамейку. – Надо бы съездить к старику. Ведь это совсем рядом, – обратился он вслух к самому себе, как будто каким-то чудесным методом клонирования рядом с ним оказался на скамейке точно такой же второй Петро. Эти разговоры с самим собой поначалу пугали его, но после долгих лет одиночества стали для него необходимостью, так как заменяли реальное общение. – Ноябрь девяносто седьмого года, – повторил он задумчиво. – Интересное время... всё это очень интересно...

Дом Владимира Петровича находился на третьей линии от Приморского шоссе и с двух сторон был окружен большими кирпичными коттеджами. Они нависали над ним с обеих сторон каменными глыбами. Казалось вот-вот совсем немного, еще чуть-чуть, и они раздавят его хрупкую деревянную конструкцию своими массивными стенами из кирпича и бетона, похоронив в одночасье под собой и хозяина и весь его скромный огород. Но дом по-прежнему стоял. И стоял в таком окружении уже много лет.

Это был дом не новый, но и не очень старый. Архитектурный стиль и материал «всё, что попало под руку» выдавал в нем строение конца восьмидесятых годов или даже начала девяностых. Двухэтажный, не больше сорока квадратных метров первый этаж и максимум тридцать второй, несмотря на всю свою несовременность, выглядел довольно-таки ухоженно и крепко, по крайней мере по сравнению с аналогичными постройками из тех же материалов и тех же примерно лет, которые можно было заметить тот тут, то там в этом же поселке. Во дворе, который был отгорожен от центральной улицы металлической сеткой, росла смородина и яблоня. По краям сделанной из плитки дорожки, стояло несколько клумб в которых пока ничего не было, но ближе к середине лета, наверняка, должны были вырасти какие-нибудь цветы. Участок соединялся с дорогой довольно широким и крепким мостом, сделанным из шпал (тоже наследие девяностых). Сразу за мостом, припаркованным чуть в стороне, чтобы не мешать выходу на улицу, стоял старый Опель с государственным номером С174РА 78.

Петро подъехал к дому и припарковал машину на обочине напротив. Он был одет в белую рубашку с галстуком, поверх которой был одет темно-синий пиджак. Приезд дорого автомобиля и его парковка напротив не остались без внимания и по тому как задвигалась занавеска на окне, Петро понял, что кто-то уже наблюдал за ним из окна этого дома.

Неспешными шагами, со спокойным самоуверенным выражением на лице, он подошел к калитке и слабо потянул ее на себя. Она не открылась. Он потянул ее сильнее, думая, что она проржавела, но тут он заметил, что с обратной стороны был такой же ржавый, как и сама калитка, засов. Он мог бы слегка перевалиться через калитку и открыть засов сам, но не захотел – это было неприлично, да и одежда, он не хотел пачкать ее о ржавый металл калитки.

– Доброго утра! – проговорил он громко, заметив, что одно из окон было слегка приоткрыто и занавеска за ним слабо колыхалась. Никто не ответил, и он хотел повторить приветствие еще раз, в этот раз чуть громче, но необходимость в этом вдруг отпала. Дверь веранды со слабым скрипом открылась и на пороге появился пожилой, среднего роста и телосложения мужчина.

– Утра доброго. Вы к кому? – проговорил он, щурясь своими подслеповатыми глазами на пришедшего.

– К Владимиру Петровичу. То есть к вам, смею предположить.

– А по какому вопросу? – проговорил тот, так же неподвижно стоя на крыльце.

– По вопросу... семейной важности, – учтиво заметил Петро. – Вопрос деликатный и мне не хотелось бы кричать через весь двор...

– Сверху откройте и толкните. Только сильнее толкайте, там проржавело всё, петли надо менять.

Петро сделал шаг вперед и вплотную приблизился к калитке. Осторожно, стараясь не коснуться своей белой рубашкой коричневой от ржавчины калитки, он слегка наклонился вперед и дернул засов. Тот щелкнул и почти сразу калитка растворилась с протяжным громким скрипом. Петро закрыл ее за собой и подошел к хозяину.

– Добрый день, меня зовут Петр, – протянул он руку старику, которую тот с некоторым замедлением пожал своей шершавой большой рукой.

– Заходите! – без излишних вопросов старик повернулся и исчез за дверью веранды. За ним, оглянувшись на дорогу и окружавшие двор со всех сторон высокие кирпичные дома, вошел Петро.

– Садитесь! – мужчина опустился на стул и показал рукой на второй стул, который стоял с противоположной стороны стола.

Петро поспешно сел и положил обе руки перед собой на стол.

– Так по какому вопросу вы пожаловали?

– По делу семейному, которое, как мне кажется, должно представлять для вас особый интерес.

– Уже нет таких вещей, которые представляли бы для меня особый интерес, молодой человек, – проговорил старик тихо, смотря на свои руки, которые неподвижно лежали на столе, – говорите уже, что за дела?

– Сын ваш, Виктор, – начал Петро, но фразу специально не закончил. Его взгляд внимательно следил за собеседником, вернее, его реакцией. И реакция последовала незамедлительно. Старик вздрогнул, будто кто-то уколол его и быстро поднял глаза на Петро. – Ваш сын Виктор, – продолжил он после паузы, – пропал без вести в конце девяностых, верно?

– В девяносто седьмом. Да.

– И до текущего момента о нем ничего не известно?

– А у вас что-то есть? – ответил вопросом на вопрос старик, голос его вдруг изменился.

– Нет, точнее не совсем.

– Тогда чем все-таки обязан?

– Позвольте сначала рассказать о себе. Меня зовут Петр Афанасьев, я член коллегии адвокатов и, так сказать, по совместительству один из основателей организации, которая занимается поиском пропавших людей.

– Что вы хотите, Петр Афанасьев?

– Мы хотим продолжить поиски вашего сына.

– Его нет... Он мертв и мертв уже давно...

– Вы так уверены в этом? Вы видели его тело?..

Владимир Петрович внимательно посмотрел в лицо сидевшего перед ним гостя. Петро точно так же рассматривал его. Несколько минут оба молчали, и эти несколько минут Петро

наблюдал, как эмоции, сменяя одна другую, отпечатывались на суровом, морщинистом лице проработавшего всю свою жизнь на одном заводе электрика. Ему казалось, он мог прочесть их все. Сначала была апатия, как зеркало души отражала она пустоту его жизни, потом, при упоминании имени Виктора, первая робкая надежда на то, что вот-вот появится что-то новое, какой-то свежий обрывок информации о том, кого ждал он и искал все эти годы. Но вот надежда сменилась злобой, этот пижон в галстуке с белой рубашкой ничего не знал, по крайней мере ничего нового, ничего того, что могло бы помочь ему найти Витю, он лишь пытался дурачить его, вселяя надежды, которые не имели под собой никакого серьезного основания. И вот в конце пришел страх. Страх, как тогда, как в первые дни, месяцы, годы после того, как Витя исчез, страх неопределенности и ужаса от одной мысли о том, что сына его уже нет и что он больше никогда в своей жизни его не увидит.

– Нет, я не видел тела, – проговорил он и в голосе его слышалась уже злоба. – Нет его, он не вернется уже никогда и вы... вы должны знать это лучше меня.

– Я? – такая формулировка ответа слегка удивила Петро. – Но, позвольте, что именно я должен знать?

Владимир Петрович молчал, взгляд его не отрывался от лица Петро. Взгляд его, холодный и злобный, будто сверлил его. Петро вдруг почему-то стало настолько неприятно под этим тяжелым взглядом, что он отвернулся куда-то в сторону и начал рассматривать пожелтевшие от старости занавески на окне.

– Послушайте, – начал он через несколько минут, когда пауза уже слишком затянулась, – у нас, возможно, возникло какое-то недопонимание. Я не знаю ничего о вашем сыне, вернее, знаю, но в общих чертах, что он исчез и что его до сих пор не нашли. Но я, то есть мы, наша организация, мы хотим помочь вам, помочь на совершенно безвозмездной основе. У нас есть ресурсы, людские и финансовые, есть волонтеры и мы хотим продолжить поиски, которые забросили еще в конце девяностых.

– Скажите честно, зачем вам это всё надо?

– Мы помогаем людям.

– Поздно помогать! Прошло уже столько времени...

– Это не помеха! Среди найденных нами есть те, кто пропал даже во времена Великой Отечественной Войны.

– Виктор мертв, – покачал головой Владимир Петрович и взгляд его, теперь уже грустный и унылый, снова опустился на свои большие и черствые руки. – Ищите его, не ищите, это уже ничего не изменит. Живого Витю, того, каким остался он в моей памяти, вы уже не найдете. Ваши ребята искали его десять лет и толку от этого не было никакого.

– Наши – нет, не искали, – с деликатной улыбкой поправил его Петро.

– Не важно, ваши – не ваши. Его искали милиция, военные, его искали спасатели или делали вид, что искали. Но результат был ноль! Почему вы думаете, что в этот раз что-то выйдет?

– Открою вам небольшой секрет, Владимир Петрович, – Петро решил пойти на небольшую уловку, – это были девяностые: криминал, рэкет, сплошное взяточничество. Милиция и эти ваши спасатели были заняты совершенно другими вещами. У них не было ни времени, ни желания искать тех, кто исчезал десятками, а то и сотнями после разных разборок. Вы говорите, что его искали – но это не так, Владимир Петрович, вам просто врал!

Владимир Петрович молчал, он сидел неподвижно и рассматривал цветы на старой выцветшей скатерти. Петро воспринял его молчание как согласие и позволение продолжать.

– Понимаете, в те времена все занимались своими делами – накоплением, коммерциализацией. Это безумство – заработать как можно больше денег, охватывало тогда всех. Милиция, военные, как вы говорите, спасатели, они все думали только об одном – деньгах, а долг их интересовал лишь так, как что-то побочное, что не должно было мешать основному биз-

несу. У нас был случай, кстати, – Петро откинулся на спинку стула, от чего тот жалобно затрепал, и принялся импровизировать, что получалось у него всегда очень хорошо, – мы нашли останки одного из погибших, а оказалось, что родственники его давно уже похоронили. Милиция, чтобы закрыть дело и поставить себе галочки, просто отдали родственникам тела кого-то другого. Бомжа или никем не опознанного истлевшего трупа. Родственникам, а вы представляете, что можно было им наплести в их тогдашнем состоянии, сказали, что это-то и есть тот, кого они искали. И ведь верили! Да если и не верили, то что? Лабораторная экспертиза, судебно-медицинское исследование, анализы ДНК. Но... вы же сами понимаете, это были девяностые, страшное время, когда просто не было тех, кому можно было бы доверять.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.